

Эдуардъ Бульверъ

(Лордъ Литтон).

ГРЯДУЩАЯ РАСА.

Издание Ф. Павленкова.

ГРЯДУЩАЯ РАСА.

(THE COMING RACE).

ФАНТАСТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Эдуарда Бульвера

(Лорда Литтона).

Переводъ с англійскаго

А. В. Каменскаго.

ЦЕНА 50 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, N 9.

1891.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 5 Іюля 1891 года.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Фантастическій романъ Бульвера, *Грядущая раса* (The Coming race), вышелъ въ 1872 г., за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти автора, -- подъ псевдонимомъ Лоренсъ Олифантъ. Англійская критика, не подозрѣвая, что за этимъ именемъ скрывался знаменитый, старый писатель, -- привѣтствовала появленіе новаго литературнаго свѣтила.

Хотя книжка эта, вслѣдъ за своимъ появленіемъ, была напечатана въ переводѣ въ одномъ изъ нашихъ періодическихъ изданій переводныхъ романовъ, но, за исключеніемъ извѣстнаго круга любителей такого рода чтенія -- врядъ ли она знакома большинству читающей публики.

Грядущая раса -- написана чрезвычайно талантливо, изящнымъ языкомъ, съ тонкой ироніей надъ недостатками нашего общественнаго устройства и затрогиваетъ тѣ жгучіе и вѣчно новые вопросы, которые составляютъ подкладку всѣхъ разнообразныхъ ученій -- о достиженіи всеобщаго счастья на землѣ.

Говоря словами самого Бульвера, взятыми изъ этой-же книжки -- "читающій старую книгу всегда найдетъ въ ней что нибудь новое, а читающій новую -- что нибудь старое".

Переводчикъ, по возможности, строго держался подлинника и позволилъ себѣ сократить только главу XII-ю, тракующую о языкѣ будущихъ людей.

I.

Я уроженецъ города... въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. Предки мои переселились сюда изъ Англіи еще въ царствованіе Карла II; дѣдъ мой не безъ отличія участвовалъ въ *войнѣ за освобожденіе*. Поэтому наша семья, ужѣ по своему происхожденію, занимала довольно видное общественное положеніе; мои родные были къ тому-же людьми состоятельными, но почему-то считались непригодными для общественной службы въ нашей свободной странѣ. Мой отецъ какъ-то пробовалъ попасть въ конгрессъ, но потерпѣлъ жестокое поражение и на выборахъ восторжествовалъ его портной. Послѣ этого онъ мало интересовался политикой, и большую часть времени проводилъ въ своей библіотекѣ. Я былъ старшимъ изъ трехъ сыновей; шестнадцати летъ меня послали въ *старую* страну -- отчасти для окончанія моего образованія, а также чтобы я пріучился къ коммерческому дѣлу въ конторѣ одной знакомой ливерпульской фирмы. Отецъ мой умеръ вскорѣ послѣ того, какъ мнѣ минулъ двадцать одинъ годъ; и такъ какъ я былъ хорошо обеспеченъ и питалъ склонность къ путешествіямъ и всякимъ приключеніямъ, то, бросивъ на время погоню за *всемогущимъ долларомъ*, я совершенно отдался безцѣльнымъ странствованіямъ по всему свѣту.

Въ 18--, проѣзжая мѣстечко --, я встрѣтился съ однимъ знакомымъ мнѣ горнымъ инженеромъ, который предложилъ мнѣ осмотрѣть рудникъ, находившійся въ его завѣдываніи.

Читатель вѣроятно догадается, еще до окончанія моего разсказа, почему я скрываю названіе той мѣстности, гдѣ происходили описываемыя мною событія, и можетъ быть поблагодарить меня за то, что я воздержался въ своемъ разсказѣ отъ всякихъ указаній, которыя послужили бы ключомъ къ ея открытію.

Буду по возможности кратокъ и скажу только, что я сопутствовалъ инженеру въ глубины рудника; мрачныя чудеса этого подземнаго міра до того очаровали меня и я такъ заинтересовался изслѣдованіями моего пріятели, что продлилъ срокъ моего пребыванія въ этой мѣстности, и каждый день втеченіе нѣсколькихъ недѣль спускался въ эти подземныя галлерей и пещеры, -- частью пробитыя руками человѣка, частью созданныя самою природою. По мнѣнію инженера, самыя богатыя залежи минеральной руды должны были обнаружиться въ новой, начатой имъ шахтѣ. Во время работъ по ея углубленію мы однажды дошли до глубокой трещины съ изорванными и видимо обугленными краями, какъ будто разрывъ породы произошелъ здѣсь подѣ дѣйствіемъ вулканической силы, въ какой нибудь отдаленный геологическій періодъ. Въ эту трещину инженеръ приказалъ рабочимъ опустить себя въ "корзинѣ", испробовавъ предварительно, посредствомъ предохранительной лампы, состояніе ея атмосферы. Почти цѣлый часъ онъ оставался въ пропасти. Когда его подняли, онъ былъ блѣденъ какъ смерть и на его лицѣ было какое то безпокойное, сосредоточенно задумчивое

выраженіе, которое не имѣло ничего общаго съ его обыкновеннымъ бодрымъ, веселымъ взглядомъ.

Онъ сказалъ только, что спускъ показался ему не безопаснымъ и не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Послѣ того онъ тотчасъ остановилъ работы по углубленію шахты, и мы перешли къ другимъ, болѣе знакомымъ частямъ рудника.

Вѣсь этотъ день инженеръ казался поглощеннымъ одною какою то мыслью. Онъ сдѣлался молчаливымъ и въ его глазахъ было какое то испуганное, растерянное выраженіе, точно у человѣка видѣвшаго привидѣніе. Вечеромъ, когда мы сидѣли въ нашей общей квартирѣ близъ шахты, я обратился съ вопросомъ къ моему пріятелю:

-- Скажите откровенно, что такое вы видѣ ли въ пропасти? Я увѣренъ -- что нибудь странное и ужасное. Васъ навѣрное мучитъ какое-то сомнѣніе. Въ такомъ случаѣ два ума лучше одного. Повѣрьте мнѣ вашу тайну.

Инженеръ долго пытался уклониться отъ прямого отвѣта на мой вопросъ; но по мѣрѣ того, какъ во время нашего разговора онъ машинально подливалъ себѣ въ стаканъ изъ стоявшей на столѣ фляжки съ ромомъ, -- а обыкновенно это былъ человѣкъ крайне воздержный и непривыкшій къ употребленію спирта, -- его сдержанность постепенно исчезала. Тотъ кто желаетъ сохранить про себя свои мысли долженъ уподобиться безсловеснымъ существамъ и пить одну воду. На конецъ онъ обратился ко мнѣ съ слѣдующими словами:

-- Я расскажу вамъ все. Корзина моя остановилась на краю довольно глубокаго обрыва, спускавшагося въ наклонномъ положеніи; бывшая со мною лампа не могла освѣтить наполнявшій его мракъ. Но изъ глубины его, къ моему величайшему удивленію, исходилъ лучъ ровнаго, яркаго свѣта. Неужто это былъ огонь вулкана? но тогда я ощущалъ бы теплоту. Какъ бы тамъ ни было, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ грозило неминуемою опасностью нашему руднику. Я тщательно осмотрѣлъ стороны обрыва и убѣдился, что могу рискнуть спуститься хотя на нѣкоторую глубину по выдающимся съ боковъ его неровностямъ и выступамъ. Я вылѣзъ изъ корзины и сталъ спускаться. По мѣрѣ того какъ я приближался къ замѣченному мною свѣту, расщелина становилась все шире, и наконецъ я увидѣлъ, къ своему невыразимому удивленію, въ глубинѣ пропасти долину, съ широкою ровною дорогой, освѣщенной на всемъ ея протяженіи, насколько мнѣ было видно, правильно разставленными фонарями, какъ на улицѣ большого города; до меня также смутно доносился шумъ точно человѣческихъ голосовъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что въ этой мѣстности не существуетъ другихъ рудниковъ. Кому же принадлежали эти голоса? Что за люди провели эту дорогу и разставили по ней фонари?

Мнѣ невольно стали приходиться въ голову суевѣрія рудокоповъ о гномахъ и подземныхъ демонахъ, Подъ вліяніемъ охватившаго меня ужаса я ее рѣшился спускаться далѣе на встрѣчу этимъ таинственнымъ подземнымъ жителямъ. Да къ тому-же у меня не было и веревки, безъ помощи которой нельзя было достигнуть дна пропасти, такъ какъ стороны ея съ этого мѣста представляли совершенно гладкую вертикальную поверхность. Съ большимъ трудомъ я вскарабкался навверхъ. Теперь вы все знаете?

-- Вы спуститесь опять!

-- Я долженъ, но въ то-же время я колеблюсь.

-- Съ вѣрнымъ товарищемъ путь на половину короче, да и смѣлость удваивается, Я отправлюсь вмѣстѣ съ вами. Мы возьмемъ съ собою надежныя веревки достаточной длины -- и ... простите меня -- вамъ не слѣдуетъ больше пить сегодня. Нужно, чтобы на завтра у насъ были твердыя руки и ноги.

II.

Съ наступленіемъ утра разстроенные нервы моего пріятеля успокоились и любопытство его было настолько же возбуждено, какъ и мое. Пожалуй еще болѣе; потому что онъ вѣрилъ въ свой рассказъ, а я ощущалъ изрядное сомнѣніе: конечно не въ томъ, чтобы онъ намѣренно погрѣшилъ противъ истины; но мнѣ казалось, что онъ былъ подъ вліяніемъ одной изъ тѣхъ галлюцинацій, которымъ иногда подвергаются наши нервы и мозгъ въ уединенныхъ невѣдомыхъ мѣстахъ, при чемъ мы видимъ несуществующія формы и слышимъ воображаемые звуки.

Мы выбрали шестерыхъ опытныхъ рудокоповъ, которые должны были слѣдить за нашимъ спускомъ; такъ какъ въ корзину могъ помѣститься только одинъ человекъ, то инженеръ спустился первымъ, и какъ только онъ достигъ того выступа, гдѣ останавливался въ первый разъ, корзину подняли за мною. Я скоро присоединился къ нему. Мы взяли съ собою связку крѣпкихъ веревокъ.

Я былъ пораженъ не менѣе моего пріятеля тѣмъ свѣтомъ, который исходилъ изъ глубины наклонно идущей расщелины. Онъ напоминалъ мнѣ ровно разлитый свѣтъ нашей атмосферы; онъ нисколько не походилъ на отблескъ огня, но былъ мягкій, серебристый, подобно лучамъ полярной звѣзды. Мы вылѣзли изъ корзины и сравнительно легко спустились по уступамъ скалы до той небольшой площадки, гдѣ остановился въ первый разъ мой пріятель и гдѣ было какъ разъ столько мѣста, что бы мы могли стоять рядомъ другъ съ другомъ. Отсюда расщелина шла внизъ, быстро расширяясь, точно дымовой выходъ гигантской паровой трубы, и я отчетливо увидѣлъ долину, дорогу и фонари, ранѣе описанные моимъ товарищемъ. Онъ ничего не преувеличилъ въ своемъ рассказѣ. Я слышалъ тѣ-же звуки -- точно отдаленный смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ и людскихъ шаговъ.

Напрягая мое зрѣніе, я даже разглядѣлъ въ дали очертанія какого-то большого строенія. Это не могла быть скала: для этого она была слишкомъ правильной формы; виднѣлись громадныя колонны, напоминающія египетскіе храмы; и все это освѣщалось какимъ то внутреннимъ свѣтомъ. У меня была съ собою подозрительная труба, и при помощи ея я могъ различить по близости отъ строенія двѣ фигуры, похожія на людей, хотя я и не былъ вполнѣ увѣренъ въ этомъ. Во всякомъ случаѣ это были живыя существа, потому что они двигались и потомъ исчезли внутри строенія. Мы тотчасъ начали укрѣплять, посредствомъ желѣзныхъ скобъ и крюковъ, съ помощію захваченнаго съ собою инструмента, конецъ веревки къ тому маленькому выступу, на которомъ стояли.

Ни одинъ звукъ не прерывалъ нашу работу. Мы работали молча, какъ люди, которымъ было страшно вымолвить слово. Укрѣпивъ одинъ конецъ веревки къ уступу скалы, мы привязали камень къ другому концу и спустили его внизъ, до земли, на глубину почти пятидесяти футовъ. Я былъ моложе и ловче моего товарища; къ тому-же мальчикомъ мнѣ приходилось служить на кораблѣ; такъ что предстоящій намъ способъ передвиженія былъ мнѣ привычнѣе. Шопотомъ я потребовалъ, чтобы онъ предоставилъ

мнѣ спуститься *первому*, и я такимъ образомъ могъ-бы придержать для него нижній конецъ болтающейся веревки. Я благополучно добрался до земли, и теперь настала чередъ инженера. Но едва онъ спустился на десять футъ отъ уступа, какъ наши скрѣпленія, которыя казались такими надежными, -- сдали подъ его тяжестью вмѣстѣ съ частью самой скалы, и несчастный полетѣлъ внизъ къ моимъ ногамъ съ обломками камня, однимъ изъ которыхъ, -- къ счастью мелкимъ, -- ударило меня по головѣ и я потерялъ сознание. Когда я пришелъ въ себя, я увидѣлъ лежащую около меня безжизненную, обезображенную массу, представляющую все, что осталось отъ моего товарища. Въ то время какъ я склонился съ невыразимымъ ужасомъ и горемъ надъ его трупомъ, я услышалъ по близости отъ себя какой то странный, шипящій звукъ; машинально повернувшись по направленію звука, я увидѣлъ высывающуюся изъ темной трещины въ скалѣ громадную ужасную голову, съ открытой пастью и неподвижными голодными глазами, какого то чудовищнаго пресмыкающагося, вродѣ аллигатора или крокодила, но по величинѣ далеко превосходившаго все, что мнѣ приходилось видѣть во время моихъ путешествій. Я вскочилъ на ноги и бросился бѣжать внизъ по долинѣ. Наконецъ мнѣ сдѣлалось стыдно моего бѣгства, я остановился и пошелъ назадъ къ тому мѣсту, гдѣ я оставилъ трупъ моего пріятеля. Его уже не было; безъ сомнѣнія чудовище успѣло втащить его въ свою нору и пожрало. Веревка съ привязаннымъ на концѣ крючкомъ лежала на томъ же мѣстѣ куда упала, но я не могъ ею воспользоваться: не было никакой возможности снова прикрѣпить ее къ верхнему выступу скалы, и нечего было думать -- влѣзть наверхъ по этой гладкой каменной поверхности, которая высилась надо мною. И такъ я оставался теперь совершенно одинъ въ этомъ невѣдомомъ мірѣ; въ нѣдрахъ земли.

III.

Медленно и со страхомъ я шелъ по освѣщенной фонарями дорогѣ, направляясь къ описанному уже мною зданію. Сама дорога напоминала Альпійскій проходъ, огибающій горную цѣпь; при чемъ скала съ расщелиною, чрезъ которую я спустился, представляла одно изъ ея звеньевъ. Далеко внизу по лѣвую руку предъ моими удивленными глазами открывалась обширная долина съ несомнѣнными признаками культуры. Виднѣлись поля, покрытые странной растительностью, подобной которой я никогда не видѣлъ на землѣ; она была не зеленая, но скорѣе тускло-свинцоваго или красно-золотога цвѣта.

Я видѣлъ озера и рѣчки съ обдѣланными берегами; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ была чистая вода, другія блестѣли какъ поверхность нефти. По правую руку открывались горные проходы между скалами, очевидно созданные искусствомъ и окаймленные группами деревьевъ, большею частью походившихъ на гигантскіе папоротники, съ удивительно разнообразною перистою листвою и стволами какъ у пальмъ; другія походили на сахарный тростникъ, но гораздо выше и были покрыты массою цвѣтовъ. Наконецъ нѣкоторыя изъ нихъ имѣли видъ громадныхъ грибовъ съ толстымъ короткимъ стволомъ, поддерживавшимъ куполообразную крышу, съ которой подымались вверхъ или опускались тонкія длинныя вѣтви. Вся открывавшаяся предо мною мѣстность во всѣхъ направленіяхъ, на сколько могъ охватить глазъ, сверкала безчисленнымъ множествомъ фонарей. Въ этомъ мірѣ, лишенномъ солнца, было такъ же свѣтло и

тепло, какъ въ Италіи во время лѣтняго полдня, но воздухъ былъ менѣе удушливъ и не чувствовалось жары. Открывавшаяся предо мною картина также не была лишена признаковъ жилья человѣческаго. Я видѣлъ вдали, по берегамъ озеръ и рѣчекъ или на склонахъ горъ, утопающія въ растительности строенія, которыя несомнѣнно были обитаемы человѣкомъ. Я даже могъ различить, хотя очень далеко, двигающіяся посреди этого ландшафта фигуры, похожія на людей. Въ то время какъ я остановился въ нѣмомъ созерцаніи этой картины, я увидѣлъ съ правой стороны нѣчто быстро пронесившееся въ воздухѣ -- точно маленькая лодка съ парусами, похожими на крылья. Она скоро скрылась изъ вида и опустилась въ чашу лѣса. Надо мною не было неба, но высился сводъ необъятной пещеры. Сводъ этотъ казался подымался все выше и выше, и, съ увеличеніемъ разстоянія, наконецъ совершенно исчезалъ въ туманахъ верхнихъ слоевъ атмосферы.

Продолжая мою прогулку, я спутнулъ изъ куста, -- похожего на запутанную массу морскихъ водорослей, перемѣшанныхъ съ листьями растенія вродѣ папоротника, и другого -- похожего на алоэ, -- какое то животное, напоминавшее по размѣру и виду оленя. Отпрыгнувъ на нѣсколько шаговъ, существо это съ видимымъ любопытствомъ уставилось на меня, и тутъ я замѣтилъ, что оно нисколько не походило на существующіе теперь наземлѣ виды этого животнаго, но живо напомнило мнѣ гипсовый слѣпокъ одной исчезнувшей разновидности оленя, который я видѣлъ гдѣ то въ музеѣ и который жилъ въ прежніе геологическіе періоды. Существо это казалось совершенно ручнымъ и, посмотрѣвъ на меня, спокойно продолжало щипать траву съ этого удивительнаго пастбища.

IV.

Я теперь приблизился къ самому строенію. Да -- это дѣйствительно была работа рукъ человѣческихъ, хотя часть его была выдолблена въ громадной скалѣ. Съ перваго взгляда оно напоминало ранніе образцы египетской архитектуры. По фасаду его возвышался рядъ громадныхъ колоннъ, постепенно утоняющихся отъ основанія къ верху, при чемъ я замѣтилъ, приблизившись къ постройкѣ, что капители ихъ были украшены болѣе изящными орнаментами, чѣмъ въ египетскихъ постройкахъ. Подобно тому какъ капитель коринѳскаго ордена является подражаніемъ листьевъ *Acanthus'a*, такъ орнаменты на капителяхъ этихъ колоннъ подражали листьямъ окружающей растительности: нѣкоторые изъ нихъ походили на алоэ, другіе -- на папоротникъ. Наконецъ въ дверяхъ зданія показалась фигура... человѣка? Она остановилась на дорогѣ и, окинувъ взглядомъ окрестность, увидѣла меня и стала приближаться. Она подошла ко мнѣ на разстояніе нѣсколькихъ шаговъ; при видѣ ея какой то невѣдомый ужасъ и трепеть охватили все мое существо, и я почувствовалъ себя прикованнымъ къ мѣсту. Она напоминала мнѣ тѣ символическія изображенія геніевъ или демоновъ, которыя мы видимъ на этрусскихъ вазахъ, или въ видѣ барельефовъ на древнихъ памятникахъ Востока: по очертаніямъ они походятъ на человѣка, но въ то же время принадлежать къ другой расѣ. Фигура была самага высокаго роста, достигаемаго человѣкомъ; но ее нельзя было назвать гигантомъ.

Ея главное одѣяніе состояло повидимому изъ двухъ большихъ крыльевъ, сложенныхъ на груди и спускающихся до колѣнъ; остальную часть ея одежды составляла

туника и покровы для ногъ, сдѣланные изъ какой то тончайшей ткани. На головѣ ея былъ надѣтъ родъ *tiary*, сверкавшей драгоценными камнями; въ правой рукѣ она держала тонкій металлическій посохъ, блестящій какъ полированная сталь. Но лицо!.. оно то и приводило меня въ трепетъ. Это было лицо человѣка, но по типу не похожее ни на одно изъ существующихъ племенъ. По очертаніямъ и выраженію оно ближе подходило къ изваянному лицу сфинкса: та-же строгая правильность и покой, та-же таинственная красота. Цвѣтъ кожи болѣе всего напоминалъ краснокожее племя, хотя колеръ былъ гораздо нѣжнѣе и красивѣе; подъ изогнутыми дугою бровями свѣтились полные мысли большіе черные глаза. Лицо было безъ бороды; но что то необъяснимое въ его исполненномъ покоя выраженіи, въ этихъ чудныхъ по красотѣ очертаніяхъ пробуждало такой же инстинктъ близкой опасности, какъ появленіе тигра или змѣи. Я чувствовалъ, что этотъ человѣкоподобный образъ обладалъ силами, враждебными человѣку.

Когда онъ приблизился ко мнѣ, холодная дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Я упалъ на колѣни и закрылъ лицо руками.

V.

Я услышалъ звуки голоса, весьма мягкаго и музыкальнаго; и хотя слова были для меня совершенно непонятны, но страхъ мой прошелъ. Я открылъ лицо и поднялъ глаза. Незнакомецъ (мнѣ еще трудно было признать въ немъ человѣка) окинулъ меня взглядомъ, читавшимъ казалось въ самомъ моемъ сердцѣ. Потомъ онъ положилъ мнѣ на голову свою лѣвую руку и слегка прикоснулся своимъ посохомъ къ моему плечу. Дѣйствіе этого прикосновенія было магическое. Чувства покоя, радости и довѣрія къ стоящему предо мною существу смѣнили мой первый ужасъ. Я поднялся и заговорилъ на моемъ языкѣ. Онъ видимо слушалъ меня со вниманіемъ, хотя съ нѣкоторымъ удивленіемъ на лицѣ; потомъ онъ покачалъ головою, какъ-бы давая знать, что не понимаетъ меня. Затѣмъ онъ взялъ меня за руку и, не говоря ни слова, повелъ къ строенію. Входъ въ него былъ открытъ: дверей не существовало. Мы вошли въ громадный залъ, освѣщенный тѣмъ таинственнымъ свѣтомъ, какъ и вся окружающая мѣстность, но разливавшимъ при этомъ самый тонкій ароматъ. Полъ состоялъ изъ большихъ мозаичныхъ плитъ, сдѣланныхъ изъ драгоценныхъ металловъ, и былъ мѣстами покрытъ особыми плетеными коврами, Повсюду разносились тихіе звуки музыки какого то невидимаго инструмента, составлявшей какъ-бы одно цѣлое съ этимъ мѣстомъ, подобно тому какъ журчаніе ручья неразрывно связано съ гористымъ пейзажемъ, или пѣніе птицъ -- съ тѣнистою рощею.

Фигура, въ такой же одеждѣ какъ мой путеводитель, но изъ болѣе простаго матеріала, стояла неподвижно у дорога. Мой спутникъ дважды прикоснулся къ ней своимъ посохомъ, и она стала быстро и неслышно двигаться, точно скользя по полу. Разглядѣвъ ее внимательнѣе, я убѣдился, что это не живое существо, а механической автоматъ. Черезъ двѣ минуты послѣ того какъ послѣдній исчезъ въ полузавѣшенную занавѣсью дверь на другомъ концѣ зала, въ ней показалась фигура мальчика лѣтъ двѣнадцати, очень похожаго на моего спутника: очевидно это были отецъ и сынъ. Увидѣвъ меня, ребенокъ испустилъ крикъ и поднялъ съ угрожающимъ жестомъ бывшій у него въ рукахъ посохъ, какъ и у его отца; но тотчасъ-же опустилъ его по знаку

последняго. Они обмѣнялись нѣсколькими словами, все время не спуская съ меня глазъ. Ребенокъ прикасался къ моему платью и съ видимымъ любопытствомъ гладилъ меня по лицу, издавая при этомъ звукъ, похожій на нашъ смѣхъ, но гораздо мягче. Въ это время потолокъ залы въ одномъ мѣстѣ открылся, и чрезъ отверстіе опустилась платформа, построенная на томъ же принципѣ, какъ и наши элеваторы въ гостиницахъ и складахъ, для подъема въ разные этажи.

Незнакомецъ вмѣстѣ съ ребенкомъ всталъ на платформу и знакомъ пригласилъ меня слѣдовать за нимъ; мы быстро поднялись и остановились въ серединѣ корридора, съ дверями по обѣимъ его сторонамъ.

Черезъ одну изъ такихъ дверей меня ввели въ комнату, убранную съ восточною роскошью; стѣны ея были отдѣланы мозаикой изъ драгоценныхъ металловъ и камней; по стѣнамъ были разставлены мягкіе диваны; отверстія въ наружной стѣнѣ, доходившія до полу, но безъ стеколъ, выходили на просторные балконы, откуда открывался видъ на освѣщенный окрестный ландшафтъ. Въ клѣткахъ, привѣшенныхъ къ потолку, сидѣли птицы неизвѣстнаго мнѣ вида, съ ярко окрашенными перьями; при нашемъ входѣ слышался цѣлый хоръ ихъ пѣсень, при чемъ они пѣли въ тонъ и съ соблюденіемъ извѣстнаго ритма. Самый тонкій ароматъ распространялся въ воздухѣ изъ золотыхъ изящнаго рисунка курильницъ, нѣсколько автоматовъ, подобныхъ уже видѣнному мною, стояли неподвижно по стѣнамъ. Незнакомецъ посадилъ меня около себя на диванъ и опять заговорилъ со мной; я отвѣчалъ ему, но безуспѣшно: мы не понимали другъ друга.

Только теперь я сильно почувствовалъ послѣдствіе удара, полученнаго при паденіи осколка камня. Меня охватила страшная слабость, вмѣстѣ съ мучительною болью въ головѣ и шеѣ. Откинувшись на диванъ, я всѣми силами старался подавить стонъ; при этомъ ребенокъ, до тѣхъ поръ смотрѣвшій на меня съ какимъ то подозрѣніемъ, опустился около меня на колѣни, чтобы поддержать; взявъ мою руку между своими, онъ приблизился губами къ моему лбу и слегка подулъ на него. Страданія мои почти моментально прекратились; на меня стала находить какая то сладкая успокаивающая дремота, и я крѣпко заснулъ.

Не знаю, сколько времени я находился въ этомъ состояніи, но когда я проснулся, я чувствовалъ себя совершенно бодрымъ. Открывъ глаза, я увидѣлъ цѣлую группу молчаливыхъ фигуръ, сидѣвшихъ вокругъ меня съ спокойною и серьезною важностью жителей востока и походившихъ на моего перваго знакомя: тѣ-же сложенные на груди крылья, тотъ же покрой одежды и тѣ-же похожія на сфинкса лица, съ черными глубокомысленными глазами и мѣдно-красною кожею; но всѣ они, хотя того же близкаго человѣку типа, однако неизмѣримо выше его по сложенію и величію осанки, -- возбуждали во мнѣ такое же необъяснимое чувство ужаса, какъ и мой первый спутникъ. Въ лицахъ ихъ было кроткое и спокойное выраженіе и даже доброта. Отъ чего-же мнѣ казалось, что именно въ этомъ выраженіи непоколебимаго спокойствія и благосклонной доброты скрывалась тайна того ужаса, который внушали мнѣ эти лица. Въ нихъ отсутствовали тѣ линіи и тѣни, которыя горе, страсти и печали кладутъ на лицахъ людей, и они скорѣе походили на изваянія боговъ и напоминали то выраженіе мира и покоя, которое христіане видятъ на челѣ своихъ умершихъ.

Кто-то положилъ мнѣ руку на плечо; это былъ ребенокъ, Въ глазахъ его было выраженіе жалости и состраданія, напоминавшее то, съ которымъ смотрять на раненую птичку или помятую бабочку. Я отпрянулъ отъ этого прикосновенія и отвернулся отъ этого взгляда. У меня было неясное представленіе, что этотъ ребенокъ ни сколько не задумался бы убить меня, подобно тому какъ человѣкъ убиваетъ птицу или бабочку. Ребенокъ, видимо огорченный моимъ отвращеніемъ, оставилъ меня и отошелъ къ одному изъ оконъ. Другіе въ полголоса продолжали свой разговоръ, и, судя по ихъ взглядамъ, я догадывался, что разговоръ шелъ обо мнѣ. Одинъ изъ нихъ съ особенною настойчивостью что-то предлагалъ относительно меня моему первому путеводителю, и послѣдній, судя по его жестамъ, уже готовъ былъ согласиться съ нимъ, когда ребенокъ быстро отошелъ отъ окна и, ставъ между мною и другими фигурами, какъ бы защищая меня, заговорилъ съ особымъ жаромъ и возбужденіемъ; я инстинктивно догадался, что этотъ ребенокъ, возбуждавшій ранѣе во мнѣ такой ужасъ, явился теперь моимъ защитникомъ. Онъ еще не кончилъ, когда въ комнату вошелъ другой незнакомецъ. Онъ казался старше прочихъ, хотя еще не былъ преклонныхъ лѣтъ; въ лицѣ его, болѣе оживленномъ чѣмъ у другихъ, хотя отличавшемся такими-же правильными чертами, мнѣ казалось, я могъ уловить нѣчто болѣе близкое къ человѣку. Онъ спокойно выслушалъ сперва моего первого спутника, потомъ двухъ другихъ и наконецъ ребенка; потомъ онъ обратился ко мнѣ и старался передать мнѣ свой вопросъ знаками. Мнѣ показалось, что я его понялъ, и я не ошибся въ этомъ предположеніи. Онъ, какъ мнѣ казалось, спрашивалъ: -- какимъ образомъ я попалъ сюда. Я протянулъ руку и указалъ по направленію дороги, которая вела отъ расщелины въ скалѣ; тутъ меня осѣнила, новая мысль. Я вынулъ изъ кармана свою записную книжку и набросалъ да одномъ изъ ея листовъ грубый рисунокъ уступа въ скалѣ, веревки и висящаго да ней человѣка; потомъ скалистую пещеру съ расщелиной, изъ которой высовывалась голова чудовища, и наконецъ безжизненное тѣло моего друга. Я подаль этотъ гіероглифическій отвѣтъ моему судѣ; онъ внимательно посмотрѣлъ на рисунокъ, потомъ передалъ его своему сосѣду, и такъ онъ обошелъ всю группу. Послѣ того мой первый спутникъ произнесъ нѣсколько словъ, и ребенокъ, который также приблизился и посмотрѣлъ на рисунокъ, кивнулъ головой, выражая тѣмъ, что понялъ его значеніе; затѣмъ онъ вернулся опять къ окну, расправилъ привязанныя къ нему крылья, взмахнулъ ими нѣсколько разъ и понесся въ пространство. Я вскочилъ въ изумленіи и бросился къ окну. Ребенокъ уже парилъ въ воздухѣ, поддерживаемый своими крыльями; онъ не махалъ ими какъ птица, но они были распростерты надъ его головой и по-видимому несли его къ цѣли, безъ всякихъ усилій съ его стороны. Полетъ его по быстротѣ равнялся орлиному, и я замѣтилъ, что онъ направился къ той самой скалѣ, гдѣ я спустился и которая чернѣла своею массою въ этой свѣтящейся атмосферѣ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся, влетѣвъ чрезъ то же отверстіе окна въ комнату и бросилъ на полъ веревку съ крюкомъ, которую я оставилъ при спускѣ изъ расщелины. Присутствующіе обмѣнялись нѣсколькими словами; одинъ изъ группы прикоснулся къ автомату, который двинулся съ мѣста и исчезъ изъ комнаты; послѣ того незнакомецъ, обращавшійся ко мнѣ съ вопросомъ, взялъ меня за руку и повелъ въ корридоръ. Тамъ уже ожидала насъ платформа элеватора, и мы спустились на ней въ прежній залъ. Мой новый спутникъ, все еще не оставляя моей руки, вывелъ меня на улицу (если ее можно такъ назвать),

которая тянулась на большое расстояние, съ постройками по обѣимъ сторонамъ, раздѣленными садами съ ярко окрашенными деревьями и чудными цвѣтами. Среди этихъ садовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга низкими стѣнами, а также по дорогѣ, я видѣлъ множество двигающихся живыхъ существъ; подобныхъ тѣмъ, съ которыми я только что встрѣтился. Нѣкоторые изъ прохожихъ, замѣтивъ меня, подходили къ моему спутнику и видимо обращались къ нему съ разспросами обо мнѣ. Вскорѣ около насъ собралась цѣлая толпа, разсматривавшая меня съ такимъ же интересомъ, какъ рѣдкое, невиданное до того животное. Но даже при всемъ своемъ любопытствѣ они сохраняли свою сдержанную, серьезную манеру, и послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ моимъ спутникомъ, которому видимо не нравились такія остановки, они оставили насъ съ легкимъ наклоненіемъ головы, и съ невозмутимымъ спокойствіемъ продолжали свой путь. Пройдя нѣкоторое расстояние по улицѣ, мы остановились у одного зданія, отличавшагося отъ другихъ, видѣнныхъ на пути; оно охватывало съ трехъ сторонъ громаднѣй дворъ, до угламъ котораго стояли высокія пирамидальныя башни; посреди двора былъ колоссальный круглый фонтанъ, выбрасывающій сверкающую искрами струю какой то жидкости, которая показалась мнѣ огнемъ. Мы вошли въ зданіе черезъ открытую дверь; ода вела въ громадную залу, гдѣ мы увидѣли группы дѣтей, занятыхъ работою, какъ на большомъ заводѣ. Въ углубленіи стѣны помѣщалась огромная машина въ полномъ дѣйстви, съ разными колесами и цилиндрами, и вообще напоминающая наши паровые двигатели, съ тою разницею, что вся она была украшена драгоценными камнями и металлами и отъ нея распространялся какой то блѣдный, синеватый и колеблющійся свѣтъ. Многія изъ дѣтей были заняты какою то непонятною мнѣ работою у разныхъ машинъ, другіе что-то дѣлали за столами. Но спутникъ мой не далъ мнѣ времени ознакомиться съ ихъ занятіями. Не слышно было ни одного дѣтскаго голоса, ни одно юное лицо не повернулось къ намъ. Всѣ они работали въ молчаніи и не обращали на насъ никакого вниманія.

По выходѣ изъ зала мой путеводитель провелъ меня чрезъ галерею, стѣны которой были расписаны картинами съ примѣсю золота къ краскамъ, что производило неособенно изящное впечатлѣніе и напоминало картины Луи Кранаха. Сюжеты картинъ, покрывавшихъ стѣны галереи, должны были, какъ мнѣ казалось, иллюстрировать исторію того народа, среди котораго я находился. Изображенныя на нихъ фигуры большею частью походили на видѣнные мною существа, хотя нѣсколько отличались по одеждѣ и не у всѣхъ были крылья. Я видѣлъ также изображенія совершенно неизвѣстныхъ мнѣ животныхъ и птицъ. На сколько позволяло судить мое ограниченное знакомство съ искусствомъ, всѣ эти картины отличались правильностью рисунка и яркостью колорита, при хорошемъ пониманіи перспективы; но въ расположеніи деталей они далеко не соответствовали правиламъ композиціи, усвоеннымъ нашими художниками: въ картинахъ не хватало центра, около котораго группировались бы фигуры; такъ что получалось какое то неясное, сбивчивое впечатлѣніе, -- точно отрывки изъ бреда художника.

Мы вошли теперь въ средней величины комнату, гдѣ сидѣли за накрытымъ столомъ члены семейства моего путеводителя, какъ я узналъ впоследствии. Это были: его жена, дочь и два сына. Я тотчасъ-же замѣтилъ разницу между двумя полами; хотя женщины были выше ростомъ и болѣе крупнаго сложенія, чѣмъ мужчины, и въ ихъ лицахъ,

пожалуй отличавшихся и болѣе правильнымъ очертаніемъ, не хватало той мягкости и нѣжности выраженія, которыя составляютъ главную прелесть въ лицѣ нашей женщины на поверхности земли. Жена моего хозяина не носила крыльевъ; у дочери же они были длиннѣе, чѣмъ у мужчинъ.

Мой хозяинъ произнесъ нѣсколько словъ; послѣ чего всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и съ тою особою мягкостью въ выраженіи и манерѣ, которую я уже замѣтилъ ранѣе и которая составляетъ отличительную черту этого внушительнаго по виду племени, -- по своему привѣтствовали меня. Каждый изъ нихъ прикоснулся правой рукой къ моей головѣ и одновременно съ этимъ издавалъ шипящій звукъ -- *С-си*, что соотвѣтствовало нашему "здравствуй".

Хозяйка дома посадила меня около себя и наложила на стоявшую передо мною золотую тарелку какого-то явства съ одного изъ блюдъ.

Пока я ѣлъ (и хотя кушанья эти были совершенно чужды мнѣ, я былъ пораженъ тонкостью ихъ вкуса), хозяева мои тихо разговаривали между собою, и сколько я могъ замѣтить, съ необыкновенною деликатностью избѣгали всякаго движенія или жеста, по которому я могъ-бы догадаться, что говорилось обо мнѣ. Между тѣмъ они въ первый разъ видѣли человѣка моей расы, и конечно я представлялъ для нихъ крайне любопытное и ненормальное явленіе. Но грубость была совершенно неизвѣстна этому народу, и съ малыхъ лѣтъ они уже научались презирать всякое рѣзкое выраженіе своихъ чувствъ. По окончаніи обѣда, мой хозяинъ опять взялъ меня за руку и, возвратившись со мною въ галерею, прикоснулся рукою къ металлической доскѣ, покрытой какими то неизвѣстными знаками, и которая, я догадывался, по назначенію своему соотвѣтствовала нашему телеграфу. Опять спустилась платформа элеватора; но этотъ разъ мы поднялись на значительно большую высоту, чѣмъ въ другомъ домѣ, и очутились въ небольшой комнатѣ, по обстановкѣ своей отчасти напоминавшей то, къ чему мы привыкли въ надземномъ мѣрѣ. По стѣнамъ ея тянулись полки съ книгами; но большая часть изъ нихъ самага мелкаго формата, какъ наши изданія *duodecimo* по виду они также походили на наши книги, но были переплетены въ тонкія металлическія дощечки. Въ комнатѣ стояли также какія то непонятныя мнѣ механизмы, повидимому модели, которыя можно найти въ кабинетѣ ученаго механика. Механическіе автоматы, которыми этотъ народъ замѣняетъ нашу прислугу, стояли неподвижно, какъ фантомы, въ каждомъ углу. Въ особой нишѣ въ стѣнѣ помѣщался низенькій диванъ съ подушками, служившій постелью, Окно, съ отдернутой занавѣсью изъ какой то волокнистой ткани, выходило на широкій балконъ. Мой хозяинъ вышелъ туда и я послѣдовалъ за нимъ. Мы были въ верхнемъ этажѣ одной изъ пирамидальныхъ башенъ; подо мною открылась картина, дикая, таинственная красота которой просто не поддается описанію: -- величественныя массы скалистыхъ горъ, составлявшія ея фонъ, промежуточныя долины, покрытыя этою фантастическою растительностью самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, вода, сверкавшая мѣстами какъ розоватое пламя, мягкій успокаивающій свѣтъ, который разливали повсюду мириады фонарей -- все это вмѣстѣ составляло одно цѣлое, впечатлѣніе котораго я не могу передать никакими словами. Но въ этомъ чудномъ, неподражаемомъ ландшафтѣ было въ то-же время что то мрачное и наводившее ужасъ.

Но вниманіе мое было скоро отвлечено отъ этого подземнаго ландшафта. Снизу, вѣроятно съ улицы, до меня понеслись звуки веселой музыки; вслѣдъ затѣмъ въ

пространствѣ поднялась крылатая фигура; какъ бы въ догоню за ней пронеслась другая; за ними непрерывною вереницею слѣдовало множество новыхъ фигуръ; и наконецъ я увидѣлъ цѣлый сонмъ крылатыхъ геніевъ, парящихъ въ воздухѣ, чудныя волнообразныя движенія которыхъ невозможно было описать. Они, казалось, были заняты какой то игрой; то раздѣлялись на отдѣльныя группы, то разсыпались въ пространствѣ, то группа налетала на группу, подымаясь вмѣстѣ и опускаясь, соединяясь въ самыхъ причудливыхъ комбинаціяхъ и разлетаясь опять; все это происходило подѣ звуки чудной музыки, доносившейся снизу, и напоминало фантастическій танецъ сказочныхъ пери.

Почти съ ужасомъ я обратился къ моему товарищу и невольно прикоснулся рукою къ сложеннымъ на его груди крыльямъ; при этомъ я почувствовалъ легкій ударъ, какъ бы отъ электрической машины, и въ страхѣ отпрянулъ отъ него. Хозяинъ мой улыбнулся и, чтобы удовлетворить моему любопытству, медленно распустилъ свои крылья. Тутъ я замѣтилъ, что находившаяся подѣ ними одежда надулась, какъ пузырь, наполненный воздухомъ; руки его при этомъ какъ бы проскальзывали въ крылья. Черезъ мгновенье онъ уже поднялся въ свѣтящійся воздухъ и парилъ въ вышинѣ съ распростертыми крыльями, подобно орлу, купающемуся въ лучахъ солнца. Потомъ, съ быстротою того же орла, онъ низринулся въ одну изъ группъ, пролетѣлъ черезъ нее и опять поднялся въ вышину. Послѣ того три изъ крылатыхъ фигуръ, въ одной изъ которыхъ я казалось узналъ дочь моего хозяина, отдѣлились отъ прочихъ и полетѣли за нимъ, подобно играющимъ между собою птицамъ. Ослѣпленный блескомъ лучезарнаго воздуха и ошеломленный видомъ летающихъ фигуръ, я уже не могъ слѣдить за ихъ дальнѣйшими движеніями; вскорѣ послѣ того хозяинъ мой отдѣлился отъ толпы другихъ и приблизился ко мнѣ.

Все видѣнное мною было до того невѣроятно, что мысли мои стали путаться. Хотя я не былъ склоненъ къ суевѣрію и до сихъ поръ не допускалъ возможности общенія человѣка съ демонами, но меня охватилъ тотъ ужасъ и волненіе, которое вѣроятно испытывалъ средневѣковый *пилигримъ*, увѣрившій себя, что онъ видѣлъ *шабашъ* вѣдьмъ и злыхъ духовъ. Мнѣ смутно помнится, что съ помощью безсвязныхъ словъ и жестовъ въ формѣ заклинаній я пытался оттолкнуть отъ себя моего добраго и снисходительнаго хозяина; что онъ дѣлалъ попытки успокоить меня; что, наконецъ догадавшись о причинѣ моего страха, вызваннаго разницею въ наружной формѣ между нами и особенно въ способѣ движенія посредствомъ крыльевъ, -- онъ съ кроткою улыбкою на лицѣ старался успокоить меня и, сбросивъ свои крылья на полъ, показывалъ, что это былъ лишь простой механизмъ. При этомъ ужасъ мой только увеличился: крайнее чувство страха доводитъ насъ иногда до отчаянной храбрости, и я въ полномъ самозабвеніи, какъ дикій звѣрь, бросился на него и хотѣлъ схватить его за горло. Но моментально, какъ-бы пораженный электрическимъ ударомъ, я упалъ на землю, и въ послѣдней картинѣ, которая пронеслась передѣ моимъ потухающимъ сознаниемъ, -- я видѣлъ склонившимся около себя моего хозяина, съ рукою, положенною мнѣ на лобъ, и чудное, спокойное лицо его дочери, устремившей на меня свои большіе, глубокіе, полные невѣдомой мысли глаза.

Впродолженіи многихъ дней, даже недѣль, по нашему счету времени, какъ мнѣ сообщили потомъ, я находился въ безсознательномъ состояніи. Когда я пришелъ въ себя, то увидѣлъ, что нахожусь въ незнакомой мнѣ комнатѣ, окруженный семействомъ моего хозяина; но представьте мое удивленіе, когда его дочь обратилась ко мнѣ съ словами на моемъ собственномъ языкѣ, въ которомъ впрочемъ слышался слегка иностранный акцентъ.

-- Какъ ты себя чувствуешь? спросила она.

Прошло нѣсколько мгновеній пока въ моемъ крайнемъ изумленіи, я могъ выговорить нѣсколько словъ: Ты... знаешь мой языкъ? Какъ? Что вы такое?

Хозяинъ улыбнулся и подалъ знакъ одному изъ своихъ сыновей, взявшему со стола нѣсколько металлическихъ листковъ, на которыхъ были изображены разныя фигуры: домовъ, деревьевъ, звѣрей, человѣка и пр.

Я узналъ свои собственные рисунки; подъ каждой фигурой было написано моей рукой и на моемъ языкѣ ея названіе, а подъ нимъ другая рука написала какія то невѣдомыя мнѣ слова.

-- Такъ мы начали, сказалъ хозяинъ, -- и моя дочь *Зи* которая принадлежитъ къ *коллегіи ученыхъ*, была одновременно и твоею, и нашею учительницею.

Зи положила передо мной множество другихъ металлическихъ пластинокъ, на которыхъ были написаны моей рукой, -- сперва отдѣльныя слова, а потомъ цѣлыя фразы. Подъ каждой была надпись на неизвѣстномъ мнѣ языкѣ. Собравъ свои мысли, я понялъ, что такимъ способомъ былъ составленъ грубый словарь нашихъ языковъ. Неужто это было сдѣлано, пока я находился въ забытьи?

-- Теперь довольно, сказала *Зи* повелительнымъ тономъ: отдохни и подкрѣпи себя пищею.

VII.

Мнѣ отвели особую комнату въ громадномъ зданіи, съ очень красивой, причудливой обстановкой, но безъ всякихъ украшеній изъ золота или драгоценныхъ камней, которыя: я видѣлъ въ другихъ публичныхъ залахъ. Стѣны ея были покрыты разноцвѣтными матами, сплетенныхъ изъ стеблей и волоконъ растеній; на полу были настланы ковры изъ того же матеріала.

Кровать была безъ занавѣсокъ, и ея желѣзныя ножки опирались на хрустальныхъ шарахъ; одѣяло было изъ какой то бѣлой, тонкой ткани, похожей на бумагу, По стѣнамъ виднѣлось нѣсколько полокъ съ книгами; закрытая занавѣсью дверь сообщалась съ громадною нишею, наполненною пѣвчими птицами, изъ которыхъ ни одна не доходила на нашихъ, кромѣ прелестнаго вида голубя, хотя и этотъ отличался отъ надземныхъ большимъ хохломъ изъ синихъ перьевъ, Всѣ эти птицы были выучены пѣть множеству разныхъ музыкальныхъ піесъ, въ извѣстныхъ гармоническихъ сочетаніяхъ; такъ что, слушая ихъ голоса, раздававшіеся изъ моего *авіарія*, можно было представить себя въ оперѣ: оттуда слышались дуэты, тріо, квартеты и цѣлыя гармоническіе хоры. Если я хотѣлъ быть въ тишинѣ, мнѣ стоило только задернуть занавѣсъ, и очутившись въ темнотѣ, птицы прекращали свое пѣніе. Другое отверстіе въ стѣнѣ, впрочемъ безъ стекла, замѣняло окно; но стоило только прикоснуться къ пружинѣ, какъ спускалась ширма изъ какого то полупрозрачнаго вещества, чрезъ которое въ смягченныхъ тонахъ

открывался видъ окрестнаго пейзажа. Это окно выходило на большой балконъ или, скорѣе, -- на цѣлый висячій садъ, гдѣ росло множество чудныхъ растеній съ ярко окрашенными цвѣтами. Отведенная мнѣ комната со всею ея отчасти странною обстановкою все-же нѣсколько подходила къ нашимъ понятіямъ о роскоши, и привела бы въ восхищеніе англійскую герцогиню или моднаго французскаго романиста. До моего появленія въ ней жила Зи, и она великодушно уступила ее мнѣ.

Черезъ нѣсколько часовъ послѣ моего пробужденія, описаннаго въ послѣдней главѣ, я лежалъ на своей кровати, стараясь собраться съ мыслями и уяснить себѣ, какой породы и какого происхожденія были тѣ странныя существа, въ средѣ которыхъ я такъ неожиданно очутился, когда въ комнату вошелъ мой хозяинъ вмѣстѣ съ своею дочерью Зи. Продолжая выражаться на моемъ языкѣ, первый съ большою вѣжливостью спросилъ меня, -- желаю-ли я говорить съ нимъ, или предпочту остаться одинъ. Я отвѣчалъ, что почту за большое счастье поблагодарить его за тотъ радушный пріемъ, который я встрѣтилъ въ этой незнакомой для меня странѣ и что мнѣ хотѣлось бы настолько познакомиться съ ихъ нравами и обычаями, что-бы не впадать черезъ непониманіе свое въ ошибки, могущія оскорбить ихъ.

Говоря это, я разумѣется всталъ съ кровати; но Зи, къ моему большому смятенію, потребовала, что-бы я легъ опять; въ кроткомъ выраженіи ея глазъ и мягкомъ голосѣ было нѣчто, требовавшее безпрекословнаго повиновенія. Послѣ этого она спокойно сѣла у меня въ ногахъ, а отецъ ея опустился на ближайшемъ диванѣ.

-- Но изъ какой же части свѣта ты явился, -- спросилъ мой хозяинъ, -- если мы можемъ казаться такими странными существами другъ другу? Я видѣлъ представителей почти всѣхъ племенъ, различающихся отъ насъ, за исключеніемъ первобытныхъ дикарей, которые живутъ въ самыхъ отдаленныхъ и дикихъ мѣстахъ невоздѣланной природы, не знаютъ другого свѣта, кромѣ огня вулкановъ и довольствуются жалкой жизнью во мракѣ, подобно многимъ изъ пресмыкающихся и летающихъ животныхъ. Конечно ты не можешь быть членомъ этихъ варварскихъ племенъ; но въ то-же время ты, повидимому, не принадлежишь къ цивилизованнымъ народамъ.

Послѣднее замѣчаніе затронуло мое самолюбіе, и я отвѣчалъ, что принадлежу къ одной изъ самыхъ цивилизованныхъ націй на землѣ и что, хотя я плачу дань удивленія тому искусству, съ которымъ, не взирая да расходы, мой хозяинъ и его соотечественники умудрились освѣтить эти мѣста, куда никогда не проникаетъ лучъ солнца, -- но что въ глазахъ человѣка, видѣвшаго свѣтила небесныя, искусственный свѣтъ ихъ никогда не выдержитъ сравненія съ первыми.

Но вѣдь мой хозяинъ упомянулъ, что онъ видѣлъ представителей всѣхъ другихъ расъ, за исключеніемъ первобытныхъ дикарей. Неужели-же онъ никогда не былъ на поверхности земли, или слова его относились только къ подземнымъ жителямъ?

Онъ оставался нѣкоторое время въ молчаніи; на лицѣ его выражалось сильное удивленіе, -- столь рѣдкое между членами этой расы, даже при самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Но Зи была сообразительнѣе, и воскликнула:

-- Вотъ видишь, отецъ -- есть доля правды въ старомъ преданіи: во всякомъ преданіи, вѣра въ которое распространена между разными племенами, -- всегда скрывается такая доля правды.

-- Зи, возразилъ съ кротостью ея отецъ, ты членъ *коллегіи ученыхъ* и должна быть умнѣе меня; но, какъ глава *Свѣто-Хранительнаго Совѣта*, я обязанъ -- не принимать ничего на вѣру, пока въ этомъ не убѣждены мои собственные чувства.

Потомъ, обратившись ко мнѣ, онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о поверхности земли и свѣтилахъ небесныхъ, на которые я отвѣчалъ ему, какъ мнѣ казалось, самымъ обстоятельнымъ образомъ; но отвѣты мои повидимому его не удовлетворили и не убѣдили. Онъ тихо покачалъ головою, и сразу перемѣнивъ разговоръ, сталъ меня спрашивать, -- какимъ образомъ я попалъ къ нимъ изъ *другого свѣта*, какъ онъ называлъ нашу землю. Я сталъ рассказывать ему о рудникахъ, находящихся подъ поверхностью земли, откуда мы добываемъ разные минералы и металлы, необходимые для нашихъ потребностей и промышленности; потомъ я вкратцѣ объяснилъ ему, -- какимъ образомъ, изслѣдуя одинъ изъ такихъ рудниковъ, мы съ моимъ злосчастнымъ пріятелемъ случайно открыли существованіе этого новаго міра, куда спустились вдвоемъ, и какъ этотъ спускъ стоилъ ему жизни; въ подтвержденіе правдивости моего рассказа я указывалъ на веревку съ крюкомъ, доставленные ребенкомъ въ тотъ домъ, гдѣ меня въ первый разъ приняли.

Послѣ того мой хозяинъ спросилъ меня о нравахъ и обычаяхъ племенъ, населяющихъ верхній слой земли; особенно же тѣхъ, которые считались между ними самыми цивилизованными. При этомъ онъ опредѣлилъ цивилизацію, какъ *"искусство сдѣлать доступнымъ всему обществу то довольство и покой, которымъ пользуется добродѣтельный и благоустроенный семейный домъ"*. Естественно, мнѣ хотѣлось представить въ самомъ розовомъ свѣтѣ тотъ міръ, въ которомъ я родился, и потому я коснулся только слегка и въ смягченномъ видѣ нѣкоторыхъ изъ отживающихъ учреждений Европы и распространился о настоящемъ величіи и предстоящемъ первенствѣ Американской республики, которая должна покорить весь старый міръ. {Слѣдуетъ помнить, что авторъ, иронизируя, говоритъ здѣсь отъ лица американца, не чуждаго шовинизма, какъ многіе изъ его соотечественниковъ; хотя теперь подобное самохваленіе встрѣчается значительно рѣже. (Прим. перев.)} Чтобы дать представленіе объ общественной жизни Америки, я остановился на самомъ передовомъ нашемъ городѣ и подробно описалъ нравы и обычаи Нью-Йорка. Замѣтивъ по выраженію лицъ моихъ слушателей, что мой рассказъ не произвелъ ожидаемаго впечатлѣнія, я сталъ распространяться о благахъ демократическихъ учреждений Америки...

Выслушавъ мой рассказъ, старикъ слегка покачалъ головой и сильно задумался, сдѣлавъ передъ этимъ знакъ рукой, чтобы мы съ его дочерью не прерывали его размышленій. Чрезъ нѣсколько времени онъ сказалъ искреннимъ и торжественнымъ тономъ голоса:

-- Если ты дѣйствительно считаешь себя намъ обязаннымъ, какъ говоришь, за нашъ радушный пріемъ, я заклинаю тебя ни говорить ни одного слова кому-либо изъ нашего народа, безъ моего согласія, о томъ мірѣ, изъ котораго ты пришелъ. Исполнишь ли ты мою просьбу?

-- Конечно, я даю въ томъ мое слово, воскликнулъ я нѣсколько удивленный, и протянулъ мою руку.

Но, вмѣсто того, чтобы пожать ее, онъ положилъ ее себѣ на голову, а свою правую руку приложилъ къ моей груди.

Такова у этого народа обычная форма клятвы. Затѣмъ, обращаясь къ своей дочери, онъ сказалъ:

-- А ты, Зи, не должна повторять никому того, что слышала или услышишь отъ этого чужестранца о другомъ мірѣ.

Зи приблизилась къ отцу и, поцѣловавъ его въ виски, сказала:

-- Хотя бы *Гай* {На языкѣ подземныхъ жителей слово *Гай* обозначало женщину. (Прим. перев.)} и были слабы на языкъ, но любовь можетъ сковать его. Если тебя беспокоитъ, отецъ, что случайно произнесенное слово можетъ грозить опасностью нашему народу, возбудивъ въ немъ желаніе познакомиться съ невѣдомымъ для него міромъ, то развѣ хорошо направленная волна *вриля* не можетъ безслѣдно смыть даже самыхъ воспоминаній о томъ, что мы слышали отъ чужеземца?

-- Что такое *вриль*? спросилъ я.

Зи пустилась въ объясненія, изъ которыхъ я однако понялъ очень мало, потому что, сколько я знаю, ни въ одномъ изъ извѣстныхъ языковъ не существуетъ слова, равнозначущаго -- *вриль*. Я назвалъ-бы его электричествомъ, еслибъ выраженіе *вриль* не соединяло въ себѣ понятія о разныхъ другихъ формахъ энергіи, извѣстныхъ въ наукѣ подъ именами магнетизма, гальванизма и пр. Этотъ народъ считаетъ, что съ открытіемъ *вриля* онъ нашель тотъ общій источникъ энергіи, соединяющій въ себѣ всѣ разнообразныя проявленія силъ природы, котораго, какъ извѣстно, уже давно доискиваются наши ученые и котораго, со свойственною ему осторожностью, касается и Фарадэ, употребляя при этомъ терминъ -- соотношеніе {Фарадэ и его открытія. (Воспоминанія Джона Тиндала). (Прим. перев.)} (correlation):

"Вмѣстѣ съ многими друзьями естествознанія я долго держался мнѣнія -- говорить этотъ знаменитый изслѣдователь -- почти переходящаго въ убѣжденіе, что всѣ различныя формы, въ которыхъ проявляются силы природы, -- имѣютъ одинъ общій источникъ; или, другими словами, имѣютъ такое прямое соотношеніе между собою и находятся въ такой взаимной зависимости, что могутъ превращаться одна въ другую и сила ихъ дѣйствія можетъ быть выражена однимъ общимъ эквивалентомъ".

Эти подземные ученые утверждаютъ, что дѣйствіемъ *вриля*, въ одномъ случаѣ (и Фарадэ назвалъ бы это атмосфернымъ магнетизмомъ), они могутъ вліять на измѣненія температуры, или, просто говоря, на перемѣну погоды; что въ другихъ его примѣненіяхъ, посредствомъ научно построенныхъ проводниковъ, они могутъ оказывать такія вліянія на умъ человѣка, на всякое проявленіе животной и растительной жизни, которыя по результатамъ не уступятъ самымъ причудливымъ фантазіямъ вымысла. Всѣ эти разнообразныя проявленія физической энергіи извѣстны у нихъ подъ именемъ *вриля*. Зи спросила меня, извѣстно ли въ нашемъ мірѣ, что всѣ способности ума могутъ быть возбуждены до высшей степени посредствомъ *транса* или магнетическаго сна, во время котораго идеи одного мозга могутъ сдѣлаться достояніемъ другого, причѣмъ происходитъ быстрый обмѣнъ зданій. Я отвѣчалъ, что у насъ ходитъ много рассказовъ о такихъ видѣніяхъ и что я самъ не одинъ разъ былъ свидѣтелемъ разныхъ опытовъ магнетизма, ясновидѣнія и проч.; но что за послѣднее время всѣ подобныя упражненія стали выходить изъ употребленія и были въ пренебреженіи; частью потому, что они сдѣлались предметомъ самаго грубаго обмана, а также и по той причинѣ, что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при воздѣйствіи на извѣстныхъ ненормальныхъ субъектовъ и

получались дѣйствительные результаты, но, по ближайшемъ изслѣдованіи, они не могли быть приняты за основанія для какихъ либо систематическихъ выводовъ; не говоря уже о томъ вредѣ, который они приносили, распространяя разныя суевѣрія между довѣрчивыми людьми. Зи слушала меня съ самымъ благосклоннымъ вниманіемъ, и замѣтила, что подобные же примѣры обмана и злоупотребленій легковѣріемъ знакомы и имъ, когда наука находилась у нихъ еще въ періодъ дѣтства и не были точно изслѣдованы всѣ разнообразныя свойства *вриля*; но что, по ея мнѣнію, лучше оставить дальнѣйшія разсужденія по этому предмету, пока я не буду лучше подготовленъ для нихъ. Она добавила въ заключеніе, что именно благодаря дѣйствию *вриля*; во время моего продолжительнаго сна, я познакомился съ началами ихъ языка; но что она съ отцомъ своимъ, близко слѣдившимъ за этимъ опытомъ, за то же время пріобрѣла еще большія познанія въ моемъ языкѣ; отчасти потому, что послѣдній былъ гораздо проще, не будучи приспособленъ для выраженія сложныхъ идей; а также и вслѣдствіе превосходства ихъ организаціи, болѣе моей подготовленной, путемъ наслѣдственной культуры, къ усвоенію знанія. Въ глубинѣ души я далеко не соглашался съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ; я ни какъ не могъ допустить, чтобы организація моего мозга, всячески изощреннаго въ практической жизни дома и во время моихъ путешествій, сколько нибудь уступала мозгу этихъ людей, которые проводили всю свою жизнь въ потемкахъ, освѣщаемыхъ фонарями. Но пока я раздумывалъ объ этомъ, Зи коснулась своимъ указательнымъ пальцемъ моего лба и опять усыпила меня.

VIII.

Когда я вторично проснулся, у постели моей стоялъ тотъ самый ребенокъ, который принесъ веревку съ крючкомъ въ домъ, гдѣ меня приняли въ первый разъ и который, какъ я узналъ впослѣдствіи, принадлежалъ главѣ этого племени. Ребенокъ этотъ, по имени Таэ, былъ его старшимъ сыномъ. Послѣ пробужденія мнѣ показалось, что мое знаніе ихъ языка увеличилось настолько, что я уже могъ разговаривать на немъ съ сравнительною легкостью.

Ребенокъ былъ замѣчательно красивъ, даже для этого отличавшагося своею красотой племени; лицо его казалось мужественнымъ для его лѣтъ, и въ его выраженіи было болѣе живости и энергіи, чѣмъ я могъ уловить въ спокойныхъ, безстрастныхъ лицахъ мужчинъ этой расы. Онъ принесъ мнѣ тотъ самый листъ бумаги, на которомъ я представилъ способъ моего спуска, а также набросалъ страшную голову звѣря, прогнавшаго меня отъ трупа моего пріятели. Указывая на послѣднюю часть рисунка, онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ о размѣрахъ и формѣ чудовища и пещерѣ, въ которой оно скрывалось. Онъ такъ заинтересовался моими отвѣтами, что они на время отвлекли его отъ прямыхъ вопросовъ обо мнѣ. Но наконецъ къ моему большому затрудненію (я помнилъ торжественное обѣщаніе, данное мною моему хозяину), онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, -- откуда я, когда на мое счастье въ комнату вошла Зи и, услышавъ его слова, сказала:

-- Таэ, ты можешь отвѣчать на всѣ вопросы нашего гостя; но самъ никогда не долженъ спрашивать его. Отвѣчать на вопросы, -- откуда онъ родомъ и зачѣмъ онъ здѣсь, -- было бы нарушеніемъ того правила, которое мой отецъ положилъ для всего нашего дома.

-- Да будетъ такъ, сказалъ Таэ; и съ тѣхъ поръ, до послѣдней нашей встрѣчи, этотъ ребенокъ, котораго я очень полюбилъ, никогда не касался запрещеннаго предмета.

IX.

Только по прошествіи нѣкотораго времени, когда, путемъ періодически повторяемыхъ *трансовъ*, если ихъ можно такъ назвать, умъ мой сдѣлался наконецъ болѣе способнымъ къ обмѣну идей съ моими хозяевами и къ пониманію ихъ нравовъ и обычаевъ, -- я могъ наконецъ собрать слѣдующія подробности о происхожденіи и исторіи этого подземнаго народа, составлявшаго одну изъ отраслей великой расы, носившей названіе -- *Ана*.

На основаніи древнѣйшихъ преданій, отдаленные предки расы жили когда то на поверхности земли. Миѳическія легенды этого періода еще сохранялись въ ихъ архивахъ, и въ этихъ легендахъ говорилось о верхнемъ сводѣ надъ землею, въ которомъ сіяли свѣтила, зажженныя нечеловѣческою рукою. Но такія легенды признавались большей частью ученыхъ комментаторовъ за аллегорическія басни. По этимъ преданіямъ, сама земля въ тѣ отдаленныя времена, хотя и не была въ періодѣ своего перваго образованія, но находилась въ переходной стадіи прогресса отъ одной формы развитія -- къ другой, и подвергалась многимъ сильнымъ переворотамъ. Въ одинъ изъ такихъ переворотовъ часть поверхности земной, населенной предками этой расы, была *постепенно* затоплена водой, и всѣ они погибли, за исключеніемъ небольшой кучки. Данныя, приводимыя ихъ писателями, расходятся съ общепринятыми мнѣніями нашихъ геологовъ; такъ какъ они устанавливають время появленія человѣка на землѣ за долго до образованія новѣйшихъ формацій, приспособленныхъ къ существованію *млекопитающихся*. Небольшая уцѣлѣвшая кучка людей, спасаясь отъ вторженія воды, нашла себѣ убѣжище въ пещерахъ высокихъ горъ, и, блуждая по разнымъ расщелинамъ и горнымъ выемкамъ, постепенно углубилась въ нѣдра земли и на вѣки потеряла изъ виду міръ освѣщенный солнцемъ. Великій переворотъ совершенно измѣнилъ прежній характеръ земной поверхности: гдѣ была вода -- сдѣлалась суша и обратно. Во внутренности земли, какъ меня увѣряли, можно было находить остатки человѣческихъ жилищъ -- не хижины и пещеры, а громадныя города, развалины которыхъ свидѣтельствуютъ о цивилизаціи народовъ, жившихъ за долго до того и которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ дикими племенами, знакомыми только съ употребленіемъ кремня.

Бѣглецы унесли съ собою въ нѣдры земли и всю существовавшую тогда между людьми культуру и цивилизацію. Ихъ первую потребностью подъ землею конечно былъ утраченный ими свѣтъ; и не было такого періода (даже легендарнаго) въ исторіи этого подземнаго народа, когда-бы они не были знакомы съ искусствомъ добыванія свѣта изъ разныхъ газовъ, соединеній марганца, или изъ петролея. Уже въ своей прежней жизни на поверхности земли они привыкли къ борьбѣ съ природою; во время ихъ послѣ дней долгой борьбы съ побѣдоноснымъ океаномъ, продолжавшейся цѣлыя столѣтія, они изошрились въ искусствѣ сдерживать воду, посредствомъ плотинъ и каналовъ. Этому искусству они были обязаны и своимъ спасеніемъ въ ихъ новой жизненной средѣ.

-- Въ продолженіи многихъ поколѣній, сказалъ мой хозяинъ тономъ нѣкотораго отвращенія и даже ужаса, -- эти первобытные прародители, какъ говоритъ преданіе,

унижали свое человеческое достоинство и сокращали свою жизнь употреблением в пищу мяса животных, многие из видов которых, подобно им самим, нашли себе спасение от потопа в недрах земли; другие виды животных, неизвестные на поверхности, как полагают, уже ранее существовали под землей.

Когда в жизни этого народа наступил так называемый исторический период, племена *Ана* уже жили в правильно сложившихся гражданских обществах и достигли той степени цивилизации, какой обладают самые передовые нации из живущих теперь на поверхности земли. Им была известна большая часть наших механических изобретений, включая применение пара и газа. Все эти общества были в страшной вражде между собою. Народ *Ана* (к одному из племен которого принадлежали мои друзья) теперь смотрел на это как на одно из грубых, темных явлений того времени, когда политическая наука была еще в своем дѣтствѣ. Это былъ вѣкъ зависти и вражды, жестоких страстей, постоянных общественных переворотовъ, борьбы между разными сословіями, кровавыхъ войнъ между государствами.

Этотъ периодъ общественнаго развитія, продолжавшійся однако втеченіе многихъ вѣковъ, постепенно пришелъ къ концу, по крайней мѣрѣ в средѣ болѣе одаренныхъ и развитыхъ націй, -- благодаря постепенному открытію чудодѣйственныхъ свойствъ, скрытыхъ в этой все проникающей жидкости, которую они называли *врилемъ*.

По объясненіямъ *Зи*, которая в качествѣ одного изъ свѣтилъ *коллегіи ученыхъ* была ближе знакома съ предметомъ, чѣмъ другіе члены ея семейства, -- урегулированное дѣйствіе этой жидкости является однимъ изъ самыхъ могучихъ агентовъ, подчиняющихъ своему вліянію все виды матеріи, какъ одушевленной, такъ и неодушевленной. Она убиваетъ подобно удару молніи и в то-же время, примененная инымъ способомъ, возбуждаетъ жизнь, исцѣляетъ и сохраняетъ, и на ея чудотворномъ дѣйствіи основаны все ихъ методы леченія, сводящіеся къ простому возстановленію равновѣсія в силахъ больного, причемъ исцѣленіе уже достигается самою природою. Помощью этого могучаго агента они пробиваютъ самыя твердыя горныя породы, открывая новыя культурныя долины в этой подземной пустынѣ. Она же является для нихъ источникомъ свѣта, болѣе постояннаго, пріятнаго для глаза и здороваго, чѣмъ -- добывавшійся ранее изъ разныхъ воспламеняющихся матеріаловъ.

Но болѣе замѣчательные результаты, оказавшіе вліяніе на самое социальное устройство, получились при открытіи той истребляющей силы, которая скрывалась во *врилѣ*. По мѣрѣ того какъ становилась известной эта истребляющая сила и они научились ею пользоваться, война между племенами, открывшими свойства *вриля*, стала невозможною и прекратилась сама собою; потому что при этомъ искусство истребленія было доведено до такого совершенства, что численность, дисциплина и военныя знанія враждующихъ армій уже не имѣли никакого значенія. Все разрушающій огонь, скрытый в пустотѣ палочки, направляемой рукою ребенка, могъ уничтожить сильнѣйшую крѣпость или уложить в лоскъ цѣлую армію. Два враждебныхъ войска, одинаково знакомыхъ съ употребленіемъ этой страшной силы, могли только взаимно истребить другъ друга. Такимъ образомъ прошелъ вѣкъ войны, а вмѣстѣ съ этимъ произошли громадныя перемѣны и в общественномъ строѣ страны...

Такимъ образомъ раса людей, открывшая употребленіе *вриля* съ теченіемъ времени мирно распалась на множество небольшихъ отдѣльныхъ обществъ. Численность того

племени, среди котораго я находился, ограничивалась 12000 семействъ. Каждое племя занимало опредѣленнаго размѣра территорію, достаточную для его потребностей, и чрезъ извѣстные промежутки избытокъ населенія отправлялся въ поиски новыхъ земель и, поселившись тамъ, основывалъ новыя общественныя группы. Такихъ добровольныхъ переселенцевъ, преимущественно изъ молодежи, всегда было достаточно, и никакого понудительнаго выбора эмигрантовъ при этомъ не требовалось.

Эти отдѣльныя маленькія, по размѣру, территоріи и населенія, государства, -- всѣ были членами одной громадной семьи. Населеніе ихъ говорило однимъ языкомъ, хотя слегка отличавшимся въ діалектѣ; они постоянно вступали въ браки между собою; держались тѣхъ-же законовъ и обычаевъ, и общее имъ всѣмъ знакомство съ употребленіемъ *вриля* составляло такую неразрывную связь между ними, что слово *А-вриль* -- было синонимомъ цивилизаціи, а *Вриль-я* -- обозначавшее "цивилизованныя націи", -- было общимъ названіемъ всѣхъ отдѣльныхъ племенъ, знакомыхъ съ употребленіемъ этой удивительной жидкости; въ чемъ и состояло ихъ главное различіе отъ другихъ отраслей народа *Ана* пребывавшихъ еще въ состояніи сравнительнаго варварства.

Система правленія племени *Вриль-я*, среди котораго я находился, хотя повидимому и сложная, въ сущности была очень проста. Она была основана на принципѣ, давно уже признанномъ теоріею, хотя пока остающемся почти безъ примѣненія въ практикѣ у насъ да поверхности земли, а именно: -- что общая задача почти всѣхъ системъ философской мысли состоитъ въ достиженіи единства или въ постепенномъ переходѣ чрезъ всѣ многосложныя, промежуточные лабиринты къ простотѣ одной *первой причины* или начала. Это оригинальное общество выбирало изъ своей среды одного верховнаго правителя, носившаго названіе -- Туръ; за отсутствіемъ войны -- не существовало армій. То, что мы называемъ преступленіемъ, было совершенно, неизвѣстно во *Вриль-я*; не существовало также и судовъ. Если въ рѣдкихъ случаяхъ возбуждались какіе нибудь споры, то ихъ разрѣшали третейскіе судьи, выбранныя каждою изъ спорившихъ сторонъ, или послѣдніе въ такомъ случаѣ обращались въ *коллегію ученыхъ*, которую мы опишемъ далѣе. Адвокатовъ по профессіи также не было; да и самыя законы представляли, какъ бы дружескія соглашенія, потому что какъ же можно было привести въ исполненіе постановленіе суда противъ какого нибудь нарушителя закона, когда однимъ мановеніемъ своего жезла заряженнаго *врилемъ*, онъ могъ уничтожить всѣхъ своихъ судей. Существовали обычаи и правила, съ которыми сроднилось и къ которымъ привыкло населеніе въ теченіе многихъ вѣковъ; въ томъ случаѣ, если какой нибудь отдѣльный членъ общества находилъ ихъ стѣснительными для себя, онъ выходилъ изъ общества и селился въ другомъ мѣстѣ. Въ сущности между этимъ народомъ существовалъ такой же негласный: договоръ, какой мы видимъ въ отдѣльныхъ семьяхъ и который могъ-бы выразиться такими словами, обращенными къ одному изъ ея взрослыхъ членовъ: -- "Оставайся съ нами, или уходи, если тебѣ не подходятъ наши обычаи и порядки". Но хотя у нихъ и не существовало писаныхъ *законовъ*, въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово, -- не было народа, который бы исполнялъ ихъ съ такою строгостью. Подчиненіе правиламъ, усвоеннымъ всѣмъ обществомъ, сдѣлалось между ними, какъ бы инстинктомъ, вкорененнымъ самою природою.

Мягкость, которою отличалось у нихъ всякое проявленіе власти, какъ въ общественномъ, такъ и въ домашнемъ быту, лучше всего характеризуется тѣмъ общепринятымъ между ними выраженіемъ, однозначущимъ съ нашими словами: "не законно" или "воспрещается"; въ такихъ случаяхъ они говорили или писали: "просятъ" и т. д. Бѣдность была настолько-же неизвѣстна между народомъ *Ана*, какъ и преступленіе, хотя земля и не составляла общей собственности и между ними не было абсолютнаго равенства во владѣніи, или въ домашней обстановкѣ жизни; но такъ какъ разница въ имущественномъ отношеніи и въ родѣ занятій нисколько не вліяла на общественное положеніе, или званіе лица, -- въ этомъ у нихъ существовало полнѣйшее равенство между гражданами, -- то каждый занимался излюбленнымъ имъ дѣломъ и жилъ сообразно своимъ склонностямъ, не возбуждая ничьей зависти или стремленія превзойти его. Благодаря такому отсутствію соревнованія и предѣламъ, положеннымъ чрезмѣрному увеличенію населенія, добровольною эмиграціей, -- представлялось невозможнымъ, чтобы какая нибудь семья впала въ бѣдность, тѣмъ болѣе, что спекуляція или погоня за богатствомъ, ради достиженія высокаго общественнаго положенія или привилегированнаго званія, здѣсь совершенно отсутствовали. Безъ сомнѣнія, въ каждомъ изъ первоначальныхъ поселеній земля была подѣлена равными участками; причемъ нѣкоторые изъ болѣе предприимчивыхъ и энергическихъ поселенцевъ расширили свои владѣнія въ предѣлы окружающей ихъ пустыни, или путемъ разныхъ усовершенствованій, увеличили производительность своихъ полей, и такимъ образомъ сдѣлались богаче своихъ согражданъ. Но при этомъ, ни абсолютно бѣдныхъ, ни чувствовавшихъ недостатокъ въ чемъ либо необходимомъ между ними не могло появиться; отъ этого ихъ всегда спасала эмиграція; и въ крайнемъ случаѣ, безъ всякаго стыда и съ полною увѣренностью въ успѣхѣ, они могли обратиться за помощію къ своимъ болѣе состоятельнымъ согражданамъ, потому что всѣ члены этого общества считали себя, какъ бы дѣтьми одной большой дружной семьи. Я еще де разъ коснусь этого обстоятельства, при дальнѣйшемъ развитіи моего разсказа.

Главною заботою правителя страны былъ надзоръ за нѣсколькими отдѣлами администраціи, которымъ были поручены разныя отрасли общественной службы. Самою важною изъ нихъ было сохраненіе свѣта, и во главѣ его стоялъ мой хозяинъ, Афъ-Линь. Другой отдѣлъ, который можно было назвать *иностраннымъ*, входилъ въ постоянныя сношенія съ сосѣдними родственными государствами, главнымъ образомъ, для полученія свѣдѣній о всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеніяхъ, которыя передавались для испытанія и изслѣдованія въ третій отдѣлъ, и послѣ того уже дѣлались достояніемъ всего общества. Въ связи съ этимъ третьимъ отдѣломъ находилась уже упомянутая *коллегія ученыхъ*, членами которой состояли большею частью бездѣтные вдовцы и вдовы, а также молодья дѣвушки. Изъ числа ихъ выдавалось своею дѣятельностью *Зи* и, -- если-бъ слава или знаменитость признавались этимъ народомъ, -- то конечно, она считалась-бы въ числѣ самыхъ знаменитыхъ изъ членовъ коллегіи. Здѣсь, въ области чистыхъ наукъ, особенно отличались женщины, хотя имъ не были чужды и другія отрасли знанія, имѣющія практическое знаніе; самою важною изъ нихъ было -- дальнѣйшее изслѣдованіе свойствъ *вриля*, для чего по ихъ болѣе тонкой нервной организаціи особенно подходили женщины. Изъ числа членовъ этой коллегіи, правитель страны, *Туръ* избиралъ своихъ совѣтниковъ (числомъ не болѣе трехъ) въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ,

когда онъ затруднялся рѣшеніемъ какого нибудь новаго вопроса, или на рѣшеніе его представлялось какое нибудь новое, непредвидѣнное обстоятельство.

Было еще нѣсколько друтихъ отдѣловъ меньшей важности; но вообще всѣ дѣла по управленію велись такъ спокойно и тихо, что съ перваго взгляда трудно было подозрѣвать о существованіи какого нибудь правительства въ странѣ, и общественный порядокъ являлся здѣсь, какъ бы результатомъ непрерывно дѣйствующаго закона природы. Машины имѣли здѣсь громадное примѣненіе, какъ въ земледѣліи и промышленности, такъ и въ домашнемъ быту, и одинъ изъ главныхъ отдѣловъ управленія только и заботился объ томъ, какъ бы расширить ихъ примѣненіе и внести въ нихъ всякія усовершенствованія. Въ этой странѣ почти все дѣлается машинами, уходъ и наблюденіе за которыми поручается дѣтямъ, съ той поры, какъ они выходятъ изъ подъ надзора матерей, до самаго брачнаго возраста, -- шестнадцать лѣтъ для женщинъ (Джайи) и двадцать -- для мужчинъ (Ана). Эти дѣти раздѣляются на группы, съ выборными предводителями изъ числа ихъ же, и каждый ребенокъ занимается тѣмъ дѣломъ, которое ему больше нравится, или къ которому онъ чувствуетъ себя болѣе пригоднымъ. Нѣкоторые избираютъ ремесло или земледѣліе, другіе -- домашнюю работу и, наконецъ, есть такія, которыя предпочитаютъ единственную здѣсь дѣятельность, сопряженную съ нѣкоторыми опасностями.

Во главѣ послѣднихъ слѣдуетъ поставить тѣ внезапные подземные перевороты, -- обвалы, вторженіе воды, подземные бури и выходы газовъ, -- которые иногда угрожаютъ этому народу. На границахъ ихъ территоріи и во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ могутъ грозить такія явленія, расположены сторожевыя станціи, сообщенныя телеграфомъ съ одной изъ залъ коллегіи, гдѣ засѣдаютъ, по очереди избранные изъ среды ея, ученые. Наблюденіе въ такихъ сторожевыхъ станціяхъ поручается мальчикамъ старшаго возраста, въ томъ предположеніи, что въ этотъ періодъ у человѣка наиболѣе развита наблюдательность и подвижность. Вторая, хотя менѣе опасная, общественная служба, -- истребленіе всѣхъ животныхъ, угрожающихъ не только жизни обитателей страны Ана, но и продуктамъ ихъ земледѣльческаго труда. Самыми опасными изъ нихъ являются гигантскія пресмыкающіяся, окаменѣлые остатки которыхъ мы видимъ въ нашихъ музеяхъ, и громадныя летучія ящерицы. На обязанности дѣтей лежитъ истребленіе такихъ животныхъ, а также ядовитыхъ змѣй; въ этомъ случаѣ Ана пользуются тѣмъ инстинктомъ безсознательнаго истребленія, который проявляется у маленькихъ дѣтей. Существуетъ еще другой классъ животныхъ, не подлежащихъ поголовному истребленію, и на эту службу назначаются дѣти уже промежуточнаго возраста; животныя эти не грозятъ жизни человѣка, но уничтожаютъ продукты его труда; къ числу ихъ принадлежитъ разновидность оленя или лоса и маленькій звѣрекъ, похожій на нашего кролика, но болѣе его вредящій посѣвамъ. Назначенныя для этого дѣти сперва стараются приручить болѣе понятливыхъ изъ этихъ животныхъ и заставить ихъ уважать ограждающія поля изгороди, валы и другія преграды; и истребляютъ ихъ только въ томъ случаѣ, когда всѣ эти попытки оказываются неудачными. Ничто живое не убивается людьми Ана для употребленія въ пищу или ради охоты; но они не щадятъ ни одно животное, сколько нибудь вредное имъ.

Одновременно съ этими физическими, и другими порученными имъ работами, идетъ умственное образованіе дѣтей до начала юношескаго возраста. По

общепринятому обычаю они прослушиваютъ потомъ опредѣленный курсъ въ коллегіи ученыхъ; причемъ кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, изучаютъ какую нибудь специальность, или извѣстную отрасль науки, къ которой обнаруживаютъ склонность. Нѣкоторыя изъ нихъ однако предпочитаютъ посвятить этотъ подготовительный періодъ путешествіямъ, или прямо берутся за сельское хозяйство, или ремесло; другіе -- эмигрируютъ. Каждый здѣсь дѣйствуетъ по своей склонности.

Х.

Слово *Ана* (нѣсколько растягиваемое при произношеніи) соотвѣтствуетъ нашему множественному -- *люди*; *Анъ* (произносимое кратко) значить -- *человѣкъ*. *Гай* -- обозначаетъ женщину; но во множественномъ Г -- смягчается и слово женщины произносится -- *Джай-и*. Между ними существуетъ поговорка, показывающая что эта разница въ произношеніи имѣетъ символическое значеніе: -- женщины взятыя вмѣстѣ отличаются мягкостью, но порознь -- съ ними бываетъ трудно справиться. *Джай-и* пользуются полною равноправностью съ мужчинами.

Въ дѣтствѣ онѣ заняты тѣми-же работами, что и мальчики; и въ раннемъ возрастѣ, когда дѣтямъ поручается истребленіе враждебныхъ челоѣку животныхъ, дѣвочкамъ даже отдають предпочтеніе передъ мальчиками; потому что въ нихъ, подѣ вліяніемъ страха или негодованія, инстинктъ безсознательнаго истребленія проявляется еще сильнѣе.

Въ промежуткѣ между дѣтствомъ и брачнымъ возрастомъ не допускаются близкія отношенія между двумя полами; но послѣ того молодежи предоставляется полная свобода, въ результатѣ которой обыкновенно устраиваются браки. Всѣ роды дѣятельности открыты одинаково для обоихъ половъ; но *Джай-и* отвоевали себѣ почти исключительное право на тѣ области отвлеченнаго мышленія, для которыхъ по ихъ мнѣнію, менѣе приспособленъ практической, нѣсколько притупленный въ дѣлахъ обыденной жизни, умъ *Ана*; подобно тому какъ наши молодья барышни считаютъ себя болѣе компетентными, чѣмъ поглощенные житейскими дѣлами мужчины, -- во всѣхъ тонкостяхъ современной теологической полемики. Ужъ не знаю, -- вслѣдствіе ли раннихъ занятій гимнастикой или по врожденной организаціи, -- но *Джай-и* обыкновенно превосходятъ мужчинъ физическою силою (что имѣетъ не малое значеніе при отстаиваніи женскихъ правъ). Онѣ выше ихъ ростомъ и подѣ ихъ болѣе округленными формами, скрываются желѣзные мускулы. Онѣ даже утверждаютъ, что согласно первоначальному плану творенія, женщины должны были превосходить ростомъ мужчинъ; и въ подтвержденіе этого ученія указываютъ на насѣкомыхъ и древнѣйшихъ изъ *позвоночныхъ* -- рыбъ, между которыми самки настолько превосходятъ размѣрами и силою самцовъ, что часто поѣдаютъ своихъ супруговъ. Но что важнѣе всего, *Джай-и* отличаются особымъ искусствомъ въ примѣненіи той таинственной, между прочимъ и разрушительной, силы скрытой во *врилль*. Причемъ обнаруживается, присущая женщинѣ, большая доля проницательности и хитрости. По этому онѣ обладаютъ не только могущественнымъ средствомъ обороны противъ всякихъ насилій мужчины, но легко могутъ во всякое время, -- когда онъ и не подозрѣваетъ того, -- прекратить существованіе своего деспотическаго супруга. Въ пользу *Джай-и* слѣдуетъ сказать, что въ теченіе многихъ вѣковъ не было еще примѣра злоупотребленія съ ихъ

стороны такимъ опаснымъ преимуществомъ; и послѣдній такой случай, какъ гласятъ ихъ лѣтописи, произошелъ около двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ. Одна изъ *Джай-и*, въ припадкѣ ревности, убила своего мужа; это возмутительное преступленіе навело такой ужасъ на мужчинъ, что всѣ они поголовно эмигрировали и предоставили *Джай-и* ихъ собственной судьбѣ. Лѣтописи сообщаютъ, что покинутыя своими мужьями доведенныя до отчаянія, напали на убійцу во время сна (когда она не была вооружена), убили ее и послѣ того дали торжественную клятву -- навсегда отказаться отъ пользованія ихъ преобладающею силою, во время брачной жизни, -- которая бы распространялась и на ихъ женское потомство. Отправленной послѣ того депутаціи удалось убѣдить многихъ изъ оскорбленныхъ мужей возвратиться къ своимъ семьямъ; но большая часть изъ вернувшихся были уже зрѣлаго возраста. Молодые же, можетъ быть потому, что не довѣряли своимъ супругамъ, или составили о себѣ очень высокое мнѣніе, -- на отрѣзъ отказались отъ всякаго примиренія и, поселившись въ другихъ общинахъ, поддались чарамъ новыхъ подругъ, съ которыми, можетъ быть, жизнь ихъ была не слаще прежней. Такая утрата цвѣта мужской молодежи сильно подѣйствовала на *Джай-и*, и укоренила ихъ въ добромъ намѣреніи строго держаться своего обѣта. И какъ всѣмъ здѣсь извѣстно, у *Джай-и*, вслѣдствіе продолжительнаго неупотребленія, теперь почти исчезло то оборонительное, и отчасти агрессивнаго характера, физическое превосходство надъ мужчинами, которымъ онѣ обладали прежде; подобно тому, какъ въ разныхъ классахъ животныхъ на землѣ, -- многіе особенности, которыми первоначально снабдила ихъ природа для самозащиты, постепенно исчезли, или *атрофировались*, подъ вліяніемъ измѣнившихся условій *среды*. Но всетаки я не поручусь за исходъ борьбы между его супругою и представителемъ *Ана*, вздумавшимъ испытать на дѣлѣ -- кто изъ нихъ сильнѣе.

Ко времени разсказаннаго много историческаго эпизода, *Ана* относятъ нѣкоторыя измѣненія въ отношеніяхъ между супругами, къ большой выгодѣ мужчины... Страхъ передъ разводомъ, или появленіемъ второй жены, много способствовалъ къ укрощенію агрессивныхъ поползновеній *Джай-и*, не смотря на все ихъ умственное и физическое превосходство; что же касается до *Ана*, то будучи во многомъ рабомъ обычая, онъ мало обнаруживаетъ склонности (развѣ ужъ доведенный до крайности) къ рискованной замѣнѣ неизвѣстнымъ новымъ того знакомаго лица и нрава, со всѣми недостатками которыхъ уже примирила его привычка. Но одну изъ своихъ привилегій *Джай-и* отстояли во всей ея неприкосновенности; и можетъ быть, стремленіе къ достиженію такого преимущества, составляетъ скрытый мотивъ дѣятельности многихъ и изъ нашихъ защитницъ женскихъ правъ. Одѣ пользуются правомъ инициативы въ любовныхъ объясненіяхъ, для другими словами: -- здѣсь женщины ухаживаютъ за понравившимся имъ мужчиной, а не обратно. Такого феномена, какъ старая дѣва, не существуетъ между *Джай-и*. Такіе случаи, чтобы женщина не соединилась съ понравившимся ей мужчиной, - - бывають очень рѣдко. Доводы, которые онѣ приводятъ въ пользу обратной постановки существующихъ у насъ на землѣ отношеній между полами, -- не лишены основательности, и онѣ высказываютъ ихъ съ поразительною искренностью, Онѣ говорятъ, что женщина, до своей природѣ, болѣе проникнута чувствомъ любви, чѣмъ мужчина, что послѣдняя преобладаетъ въ ея сердце и составляетъ необходимый элементъ ея счастья и что до этому *первый шагъ* долженъ принадлежать ей; тѣмъ болѣе,

что мужчина въ этомъ случаѣ бываетъ нерѣшителенъ, часто колеблется, иногда даже предпочитаютъ, въ своемъ эгоизмѣ, одиночество. Однимъ словомъ, на его долю въ этомъ дѣлѣ выпадаетъ пассивная роль. Онѣ прибавляютъ, что если только *Гай* не удастся соединиться съ предметомъ ея склонности, то она уже никогда не можетъ быть счастлива съ другимъ, что при этомъ она дѣлается хуже и природенныя качества ея сердца не получаютъ должнаго развитія; тогда какъ *Анѣ* представляется менѣе постояннымъ въ своей привязанности; что если ему не удастся соединиться съ избранной имъ *Гай*, онъ легко утѣшается съ другой, -- и если только найдетъ въ ней любящую и заботящуюся объ его покоѣ и удобствахъ жизни подругу, то скоро забываетъ о своей первой любви.

Какія бы возраженія ни вызывали такіе доводы, во всякомъ случаѣ мужчина при подобной системѣ остается въ выигрышѣ; разъ убѣжденный въ искренности любви своей будущей подруги и что всякая напускная холодность съ его стороны только усилить ее, -- ему почти всегда удастся обставить свой будущій союзъ такими условіями, при которыхъ становится возможнымъ мирное, если и неблаженное, совмѣстное существованіе. У каждаго отдѣльнаго *Ана* есть свои слабости, привычки и склонности, и онъ выговариваетъ при этомъ полное подчиненіе имъ. Увлеченная своею любовью, *Гай* охотно даетъ такое обѣщаніе, и такъ какъ уваженіе къ правдѣ составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей этого удивительнаго народа, то разъ данное слово свято потому исполняется самою вѣтренною изъ *Джай-и*. И такъ, не смотря на всѣ предоставленныя имъ въ принципѣ права, *Джай-и* представляются мнѣ самыми любящими, кроткими и покорными женами. Между ними даже существуетъ афоризмъ, что -- "если *Гай* полюбила, то покорность составляетъ ея счастье". До сихъ поръ я только говорилъ объ отношеніяхъ двухъ половъ въ брачной жизни; но это общество достигло такого нравственнаго совершенства, что всякое незаконное сожителство представляется у нихъ невозможнымъ явленіемъ.

XI.

Ничто такъ не смущало меня, -- въ моихъ попыткахъ согласить возможность существованія, близкихъ къ намъ до своей природѣ, живыхъ существъ въ этихъ подземныхъ пространствахъ, какъ явное, обнаружившееся при этомъ, противорѣчіе съ общепринятымъ ученіемъ геологовъ, а именно: -- хотя солнце и представляетъ нашъ главный источникъ теплоты, но чѣмъ ниже мы опускаемся подъ поверхность коры земной, тѣмъ выше становится температура; такъ что съ глубины пяти-десяти футъ, она возрастаетъ въ размѣрѣ одного градуса на каждый пройденный футъ. Хотя владѣнія племени, о которомъ я говорю, были на сравнительно небольшой глубинѣ отъ поверхности, такъ что я могъ еще допустить существо температуры, пригодной для органической жизни; до образомъ объяснить умѣренную температуру ихъ долинъ и горныхъ проходовъ, которую можно было приравнить къ Южной Франціи, или къ Италіи. А по всѣмъ полученнымъ мною свѣдѣніямъ, обширныя территоріи, на громадной глубинѣ подъ поверхностью земли, гдѣ кажется могли существовать только однѣ саламандры, -- были обитаемы безчисленными расами живыхъ существъ, сходныхъ съ нами по организаціи. Я не беру на себя объясненіе этого факта, на столько противорѣчащаго всѣмъ признаннымъ законамъ науки; *Зи* также не могла пособить мнѣ

въ разрѣшеніи этой задачи. Она высказывала только догадку, что нашими учеными недостаточно была принята во вниманіе чрезвычайная пористость внутренности земли и тѣ громадныя внутреннія пустоты, пещеры и разщелины, способствовавшія къ образованію подземныхъ воздушныхъ токовъ и вѣтровъ, по которымъ распространялся внутренній жаръ, частью обращаясь въ пары, и такимъ образомъ постепенно понижаясь въ температурѣ. Она допускала, что на извѣстной глубинѣ существовала температура, недопускавшая органической жизни въ томъ видѣ, какъ она была извѣстна жителямъ *Вриля*; хотя ихъ ученые вѣрятъ, что даже въ такихъ мѣстахъ, -- если-бъ только была возможность въ нихъ проникнуть, они нашли бы во множествѣ особыя формы сознательной духовной жизни. "Гдѣ бы ни созидалъ Всеблагое, сказала она, тамъ навѣрное существуетъ жизнь. Онъ не допускаетъ пустыхъ жилищъ". Она прибавила однако, что, благодаря примѣненію силы *Вриля*, имъ удалось во многихъ отношеніяхъ измѣнить климатъ ихъ страны. Далѣе она сообщила мнѣ о существованіи особой животворной эфирной среды, которую она назвала *Лай* (подходящей къ эфирному кислороду Д-ра Люинса) и въ которой дѣйствуютъ всѣ разнообразныя проявленія одной силы, извѣстной у нихъ подъ названіемъ *Вриля*; она также утверждала, что вездѣ, гдѣ только возможно было достигнуть достаточнаго расширения этой среды, для благопріятнаго дѣйствія *Вриля*, во всемъ разнообразіи его силъ, -- тамъ можно было установить температуру, обеспечивающую существованіе высшихъ формъ жизни. По ея словамъ, ихъ естествоиспытатели были того мнѣнія, что цвѣты и растительность (изъ сѣмянъ, попавшихъ сюда во время тѣхъ раннихъ переворотовъ, которымъ подвергалась земля; а также -- частью занесенныхъ первыми переселенцами, искавшими въ подземныхъ пещерахъ спасенія отъ потопа), развились здѣсь подъ вліяніемъ постоянного свѣта и постепенныхъ усовершенствованій въ культурѣ; съ тѣхъ поръ какъ *Вриль* замѣнилъ всѣ другія свѣтила, окраска цвѣтовъ и листьвы сдѣлалась ярче и растительность стала развиваться роскошнѣе.

Оставляя всѣ эти вопросы на разрѣшеніе лицъ болѣе меня компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ, я долженъ теперь посвятить нѣсколько страницъ весьма интересному языку народа *Вриля*.

ХІІ.

Языкъ *Вриль-я* {Переводчикъ позволилъ, себѣ сократить эту главу, которая, при всемъ своемъ остроуміи и даже эрудиціи, представляетъ чисто филологическій интересъ. Книжку эту, какъ извѣстно, Бульверъ посвятилъ знаменитому филологу-мыслителю Максу Мюллеру (прим. перев.)} особенно интересенъ, потому что, какъ мнѣ кажется, онъ представляетъ ясныя слѣды трехъ главныхъ переходныхъ стадій, черезъ которыя долженъ проходить каждый языкъ, пока онъ достигнетъ извѣстнаго совершенства формы.

Одинъ изъ знаменитѣйшихъ новѣйшихъ филологовъ, Максъ Мюллеръ, въ своихъ доводахъ о сходствѣ между стратификаціею языка и наслоеніемъ горныхъ породъ, приводитъ слѣдующій основной принципъ: -- "ни одинъ языкъ не можетъ сдѣлаться *инфлекціоннымъ*, пока онъ не прошелъ черезъ два промежуточныхъ слоя -- *ассимилирующій*, или *склеивающій* (*agglutinative*) и *изолирующій* (*isolative*). Ни одинъ языкъ не можетъ достигнуть *ассимилирующаго* -- безъ того, чтобы онъ не держался

своими корнями за нижній, изолирующій слой" (Максъ Мюллеръ *О стратификаціи языка* -- On the stratification of language -- стр. 20).

По сравненіи съ китайскимъ, лучшимъ изъ существующихъ типовъ языка въ его періодъ иди словъ *изоляціи* -- "этой точной фотографіи человѣка, только что начинающаго ходить, впервые пробующаго мышцы своего ума, часто падающаго и приходящаго въ такой восторгъ отъ своихъ первыхъ попытокъ, что онъ безпрестанно повторяетъ ихъ" (какъ говоритъ Максъ Мюллеръ въ своей книгѣ), -- мы видимъ въ языкѣ *Вриль-я* еще удерживающагося своими корнями за нижній слой, всѣ признаки его первоначальной *изоляціи*. Въ немъ множество односложныхъ словъ, составляющихъ основаніе языка. Переходъ въ *ассимилирующую* форму отмѣчаетъ эпоху, продолжавшуюся цѣлые вѣка, отъ писаной литературы которой сохранились только кое какіе отрывки символической идеологіи и нѣсколько краткихъ изреченій, перешедшихъ въ народныя поговорки. Съ существующей литературой *Вриль-я* начинается *инфлексіонный* слой, или періодъ. Безъ сомнѣнія, передъ этимъ дѣйствовали и какія нибудь другія сильныя вліянія, -- поглощеніе разныхъ племенъ одною господствующею расою, появленіе какого нибудь великаго литературнаго произведенія, -- способствовавшія къ установленію извѣстныхъ опредѣленныхъ формъ въ языкѣ. По мѣрѣ преобладанія *инфлексіоннаго* періода надъ *ассимилирующимъ*, мы ясно видимъ, какъ первоначальные корни обнаруживаются изъ скрывавшаго ихъ доселѣ нижняго наслоенія. Въ старыхъ отрывкахъ и поговоркахъ предыдущей стадіи, односложныя, представляющія собою эти корни, -- пропадаютъ въ многосложныхъ словахъ невѣроятной длины, которыя состоятъ въ цѣлыхъ неразрывно связанныхъ фразъ. Но когда *инфлексіонная* форма языка настолько подвинулась впередъ, что уже появились ученые и грамматики, всѣ они повидимому соединились въ общей борьбѣ съ этими многосложными чудовищами, пожиравшими первоначальныя формы, и истребили ихъ. Слова, состоявшія болѣе чѣмъ изъ трехъ слоговъ, теперь признавались варварскими, и по мѣрѣ упрощенія языка, онъ пріобрѣталъ большую красоту, силу и ясность. Перестановкою одной буквы, они теперь придаютъ самыя разнообразныя значенія одному и тому же слову, для чего наши цивилизованныя націи должны прибѣгать къ длиннымъ словамъ или цѣлымъ фразамъ. Привожу нѣсколько примѣровъ. *Ань* (человѣкъ), *Ана* (люди); буква *с* имѣетъ у нихъ собирательное значеніе; такъ -- *Сана* обозначаетъ родъ или племя, а *Анса* -- множество людей. Префиксъ извѣстныхъ буквъ ихъ алфавита всегда обозначаетъ усложненное значеніе слова. Напримѣръ звукъ *Гл.* (представляемый у нихъ одною буквою) приставленный вначалѣ слова, обозначаетъ собраніе или союзъ однородныхъ, а иногда и разнородныхъ предметовъ. Такъ *оонъ* -- значить *домъ*; *глоонъ* -- *городъ*. *Ата* -- *горестъ*; *Глата* -- общественное бѣдствіе, *Аванъ* -- здоровье или благополучіе человѣка; *Глауранъ* -- общественное благо; и постоянно употребляемое ими слово *А-Глауранъ*, выражающее ихъ, такъ сказать, политическую заповѣдь, значить въ переводѣ: -- "основаніе общества всеобщее благо".

Въ письмѣ они недопускаютъ выраженія для обозначенія Божества. Они замѣняютъ его символомъ, имѣющимъ видъ пирамиды, Δ. Они не открыли мнѣ, какъ чужестранцу, то воззваніе, съ которымъ они обращаются къ Нему въ молитвѣ, и потому я его не знаю. Въ разговорѣ со мною, касаясь Божества, они употребляли такія выраженія, какъ *Всеблагой* и т. п.

Если жизнь моя продлится, я можетъ быть еще сведу въ систематическую форму, тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ удалось собрать о языкѣ *Врильа*. Но сказаннаго, я полагаю, будетъ достаточно, чтобы показать, -- какъ языкъ, сохранившій въ ихъ первоначальномъ видѣ многіе изъ своихъ корней и прошедшій чрезъ промежуточную эпоху, со всѣми ея наносными уродливостями, по прошествіи безчисленныхъ вѣковъ, наконецъ сложился въ свою настоящую *инфлекціонную* форму, отличающуюся простотой и единствомъ.

Но при всемъ томъ, литература этого языка принадлежитъ къ области *прошлаго*. Я покажу далѣе, что то общественное благосостояніе, котораго достигли *Ана* не допускаетъ по самому существу своему дальнѣйшаго развитія литературы, особенно въ двухъ ея главныхъ отрасляхъ -- поэзіи и исторіи.

XIII.

Этотъ народъ имѣетъ свою религію, и что-бы не сказали противъ нея, она отличается слѣдующими странными особенностями: -- во первыхъ, они вѣрятъ въ то, что исповѣдуютъ и во вторыхъ, -- строго исполняютъ то, что внушаетъ имъ эта вѣра. Они всѣ нераздѣльно поклоняются одному Божественному Творцу вселенной и вѣрятъ, что чрезъ посредство этой вездѣсущей к все проникающей таинственной силы, каждый помысль всякаго живаго существа достигаетъ общаго источника жизни. И хотя они не утверждаютъ *прирожденности* идеи о божествѣ; но по ихъ мнѣнію, насколько то позволяютъ ихъ наблюденія природы, *Ань* (человѣкъ) единственное живое существо, которому дана способность воспріять эту идею, со всѣмъ послѣдующимъ ея развитіемъ. Они вѣрятъ, что такое преимущество дано человѣку не понапрасну, и потому молитва и благодаренія должны быть пріятны Творцу природы и необходимы для дальнѣйшаго развитія человѣческаго рода. Они молятся въ общественномъ зданіи и у себя дома; какъ чужестранца, меня не допускали въ ихъ храмъ.....

XIV.

..... Какъ ни фантастичны вѣрованія *Врильа*, но они до нѣкоторой степени уясняютъ ихъ соціальныи строй; ихъ поразительную кротость во всѣхъ ихъ сношеніяхъ и ту жалостливость ко всѣмъ живымъ существамъ, истребленіе которыхъ не требуется для охраны общества. Ихъ понятіе о томъ вознагражденіи, которое ожидаетъ помятый цвѣтокъ, или раздавленное насѣкомое, при ихъ будущихъ метаморфозахъ въ высшія формы, не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго, хотя и можетъ вызвать улыбку. Во всякомъ случаѣ, всѣ эти вѣрованія подземной расы наводятъ на довольно высокія размышленія, что и въ эти скрытыя отъ насъ бездны земли, никогда неосвѣщавшіяся солнцемъ, проникъ свѣтлый лучъ убѣжденія, -- о всеобъемлющей любви Творца вселенной и той абсолютной, недопускающей конечнаго зла, справедливости въ его законахъ, которая царитъ во всемъ живущемъ мірѣ и царила во всѣ времена.

XV.

Какъ ни были добры ко мнѣ всѣ члены семейства моего хозяина, но его молодая дочь проявляла особую внимательность въ заботахъ обо мнѣ. По ея совѣту, я оставилъ тотъ

костюмъ, въ которомъ спустился къ нимъ съ поверхности земли, и облекся въ одежду *Врилья*, за исключеніемъ крыльевъ, замѣнявшихъ у нихъ во время ходьбы весьма красивый плащъ. Но такъ какъ многіе изъ *Врилья*, во время деревенскихъ работъ, не носили крыльевъ, то мой наружный видъ ничѣмъ особеннымъ не выдавался среди нихъ, и я могъ ходить по всему городу, не обращая на себя вниманія любопытныхъ. За предѣлами пріютившаго меня дома, никто не подозрѣвалъ, что я выходецъ съ поверхности земли; меня просто считали гостемъ АФъ-лина, изъ какогонибудь отдаленнаго варварскаго племени.

Городъ казался чрезмѣрно великимъ, по сравненію съ окружающею его страной, которая пожалуй не превосходила размѣрами какогонибудь большаго Англійскаго или Венгерскаго помѣстья. Но все это пространство, до самаго подножія горъ, было воздѣлано самымъ тщательнымъ образомъ, за исключеніемъ небольшихъ участковъ, оставленныхъ по ихъ скатамъ и на пашняхъ, для пастбы прирученныхъ, безвредныхъ животныхъ, которыя однако не имѣли никакого примѣненія въ ихъ хозяйствахъ. До того доходитъ ихъ чувство состраданія къ этимъ низшимъ существамъ, что ежегодно изъ общественной казны ассигнуется опредѣленная сумма для перевозки части ихъ въ другія болѣе отдаленныя поселенія или колоніи *Врилья* (конечно съ согласія ихъ обитателей), если вслѣдствіе чрезмѣрнаго размноженія, отведенныя имъ пастбища оказывались недостаточными. Но, сколько я знаю, они не размножаются въ такой пропорціи, какъ наши, разводимыя на убой, животныя; кромѣ того, подчиняясь какому то особому закону, животныя, бесполезныя для человѣка, здѣсь постепенно покидаютъ занятія имъ земли и даже вымираютъ.

Между разными государствами или штатами племени *Врилья* изстари укоренился обычай -- оставлять невоздѣланными нейтральныя пространства по ихъ границамъ. Въ описываемой мною общинѣ, такой участокъ составляла скалистая гряда горъ, ранѣе непроходимая для пѣшеходовъ, но чрезъ которую легко перелетали на крыльяхъ или въ воздушныхъ лодкахъ (я опишу ихъ далѣе). Въ этихъ горахъ были однако пробиты дороги для проѣзда повозокъ, приводимыхъ въ движеніе *врилемъ*. Такія международныя пути постоянно были освѣщены, и для покрытія расходовъ по ихъ содержанію, существовалъ особый сборъ, въ которомъ принимали участіе по раскладкѣ всѣ прочіе отрасли племени *Врилья*. Благодаря этому, поддерживались постоянныя коммерческія отношенія между самыми отдаленными штатами. Богатство описываемой мною общины состояло главнымъ образомъ въ земледѣльческихъ продуктахъ, избытокъ которыхъ они обмѣнивали на предметы роскоши; важнѣйшихъ изъ нихъ были уже упомянутыя мною ученыя птицы.

Ихъ привозили сюда издалека, и онѣ поражали красотой своихъ перьевъ и чуднымъ пѣніемъ; мнѣ рассказывали, что много трудовъ было потрачено на ихъ разведеніе и обученіе, и что путемъ тщательнаго подбора, порода эта удивительно усовершенствовалась за послѣдніе годы. Я не встрѣчалъ другихъ домашнихъ животныхъ въ этой общинѣ, за исключеніемъ чрезвычайно забавныхъ и рѣзвыхъ маленькихъ звѣрьковъ, похожихъ на лягушекъ, но съ весьма выразительными головками; которыхъ дѣти держали въ своихъ садахъ. У нихъ вовсе не существуетъ такихъ домашнихъ животныхъ, какъ наши собаки или лошади; Зи однако сообщила мнѣ, что подобныя животныя были когда-то и въ этихъ мѣстахъ, но что теперь ихъ можно встрѣтить только

въ отдаленныхъ странахъ, населенныхъ другими племенами. По словамъ ея, съ открытіемъ *врилля*, они постепенно исчезали въ цивилизованномъ мірѣ; потому что въ нихъ уже не было надобности.

Машины и крылья замѣнили лошадь для перевозки тяжестей; а собака, какъ сторожъ, или для охоты, потеряла всякое значеніе, потому-что уже давно прошли тѣ времена, когда праотцы *Врилля* нуждались въ нихъ, для защиты отъ своихъ враговъ, или охотились съ ними за мелкими животными, употреблявшимися въ пищу; да кромѣ того, въ этихъ гористыхъ мѣстахъ, лошадь врядъ-ли могла служить для перевозки тяжестей, или для прогулокъ верхомъ. Единственное животное, употреблявшееся для первой цѣли, видомъ похожее на крупную породу козы, -- мнѣ приходилось встрѣчать на ихъ фермахъ. Уже самый характеръ окружающей мѣстности долженъ былъ внушить, какъ мнѣ кажется, -- необходимость примѣненія крыльевъ и воздушныхъ лодокъ. Несоразмѣрная величина пространства, занимаемаго здѣсь городомъ по отношенію къ загородной территоріи, объявляется тѣмъ, что каждый изъ домовъ былъ окруженъ своимъ садомъ. Широкая главная улица, на которой жилъ мой хозяинъ Афъ-линь, проходила мимо громадной площади, гдѣ находились -- коллегія ученыхъ и другія общественныя зданія; грандіозный фонтанъ какой то свѣтящейся жидкости билъ въ ея центрѣ.

Всѣ эти общественныя постройки отличались однимъ общимъ характеромъ массивности и прочности; онѣ напоминали мнѣ архитектурныя картины Мартина. Ихъ верхніе этажи окружали балконы, или скорѣе, поддерживаемые колоннами висячіе сады, которые были наполнены цвѣтущими растеніями и населены прирученными птицами. Отъ главной площади, шли развѣтвляясь нѣсколько яркоосвѣщенныхъ улицъ которыя постепенно подымались въ гору, по обѣимъ сторонамъ ея. Во время прогулокъ по городу меня никогда не пускали одного; мнѣ всегда сопутствовали Афъ-Линь, или его дочь.

Лавокъ въ городѣ здѣсь немного; требованія покупателей исполняютъ разнаго возраста дѣти, которыя отличаются понятливостью и вниманіемъ; но никогда не надоѣдаютъ покупателю назойливымъ предложеніемъ товаровъ. Самого хозяина лавки въ ней рѣдко можно встрѣтить, и повидимому онъ мало принимаетъ участія въ продажѣ, хотя и занимается этимъ дѣломъ по влеченію, будучи независимъ отъ него въ средствахъ существованія; многіе изъ самыхъ богатыхъ членовъ общины держатъ такія лавки.

.....Всѣ роды занятій пользуются одинаковымъ уваженіемъ. Анъ, у котораго я купилъ пару сандалій, былъ роднымъ братомъ Тура -- правителя штата; и хотя его лавка не превышала размѣромъ сапожныхъ магазиновъ на Бродъ-Уей или въ Бондъ-Стритъ, онъ былъ вдвое богаче своего брата, жившаго во дворцѣ. Безъ сомнѣнія, онъ владѣлъ какимъ нибудь загороднымъ помѣстьемъ.

Вообще члены этого общества, послѣ дѣятельнаго дѣтскаго возраста, не отличаются энергіей. По своему темпераменту или убѣжденію, они признаютъ покой за высшее блаженство жизни....

Въ обыденной жизни, они рѣдко употребляютъ крылья и предпочитаютъ ходить пѣшкомъ; но во время ихъ увеселеній, *воздушныхъ танцевъ*, игръ съ дѣтьми а также при посѣщеніи своихъ фермъ, которыя большею частью расположены въ гористыхъ

мѣстахъ, -- они конечно пользуются ими; въ молодые годы, при путешествіяхъ въ другія страны племени *Ана*, они предпочитаютъ крылья всякимъ другимъ способамъ передвиженія.

Привыкшіе управлять крыльями могутъ летѣть (хотя и медленнѣе птицъ) со скоростью отъ двадцати пяти до тридцати миль въ часъ, удерживаясь при этомъ на воздухѣ, въ продолженіи пяти, шести часовъ подъ рядъ. Но вообще *Ана*, когда они достигаютъ средняго возраста, не обнаруживаютъ склонности къ быстрымъ движеніямъ, сопряженнымъ съ большими мускульными усиліями.

Между ними распространено убѣжденіе, которое безъ сомнѣнія встрѣтитъ одобреніе и со стороны нашихъ врачей, что періодически возбуждаемая испарина, расширяя поры кожи, необходима для здоровья, и они обыкновенно пользуются паровыми ваннами, или такъ называемыми у насъ Турецкими банями, за которыми слѣдуютъ ароматическіе души. Они приписываютъ большое значеніе цѣлебной силѣ нѣкоторыхъ ароматическихъ эссенцій. Между ними также существуетъ обычай, въ опредѣленные, но рѣдкіе періоды (четыре раза въ годъ, когда здоровы) принимать ванны, насыщенные *врилемъ*.

Они считаютъ что эта жидкость, принимаемая въ ограниченныхъ размѣрахъ, является могучимъ средствомъ для поддержанія жизни; но всякое неосмотрительное пользованіе ею, особенно при нормальномъ состояніи здоровья, вызываетъ реакцію и ослабляетъ жизненную силу. Во всѣхъ своихъ болѣзняхъ они неизмѣнно прибѣгаютъ къ этому средству, какъ вызывающему цѣлительное дѣйствіе самой природы.

По нашимъ понятіямъ, *Врильа* пожалуй самый изнѣженный изъ всѣхъ народовъ; но всѣ ихъ наслажденія отличаются своимъ невиннымъ характеромъ. Они, такъ сказать, живутъ въ атмосферѣ, проникнутой сладкими звуками и ароматами. Въ каждой комнатѣ устроены особые механизмы, которые издають тихіе мелодическіе звуки, точно шепотъ невидимыхъ духовъ. Они такъ привыкають къ этой постоянной музыкѣ, что она но мѣшаетъ имъ вести бесѣду или предаваться уединеннымъ размышленіямъ. Они держатся мнѣнія, что дышать воздухомъ, постоянно наполненнымъ мелодическими звуками и ароматами, способствуетъ къ смягченію и въ то-же время къ возвышенію характера и мыслительной способности человѣка. Хотя они отличаются умѣренностью и отрицають всякую животную пищу, кромѣ молока, и не употребляютъ никакихъ возбуждающихъ напитковъ, -- они въ то-же время чрезвычайно разборчивы въ пищѣ и питьѣ. Во всѣхъ ихъ увеселеніяхъ даже и престарѣлые, обнаруживаютъ почти дѣтскую игривость. Счастіе составляетъ для нихъ конечную цѣль, -- не въ видѣ временнаго возбужденія, но какъ преобладающее состояніе втеченіе всей жизни; что для нихъ также близко и счастіе другъ друга, -- видно уже изъ той замѣчательной мягкости обращенія, которая господствуетъ между ними.

За все время моего пребыванія у этого народа, я никогда не встрѣтилъ между ними уроды, или калѣки. Красота ихъ сказывалась не только въ правильности очертаній лица, но и въ гладкости кожи, остававшейся безъ морщинъ до самаго преклоннаго возраста, и того мягкого, соединеннаго съ величіемъ выраженія, источникомъ котораго были сознаніе своей силы и отсутствіе всякаго страха, нравственнаго или физическаго. Это самое величавое спокойствіе и навело на меня, -- привыкшаго къ борьбѣ людскихъ страстей, такое чувство ужаса и сознанія своего ничтожества, при моей встрѣчѣ съ

однимъ изъ нихъ. Такое выраженіе художникъ можетъ дать на картинѣ полубогу, генію, или ангелу.

Меня поразило, что цвѣтъ кожи не у всѣхъ *Ана* былъ такой, какъ у перваго видѣннаго мною представителя ихъ расы: -- у нѣкоторыхъ она была свѣтлѣе, и даже между ними встрѣчались лица съ голубыми глазами и золотистаго цвѣта волосами, хотя въ общемъ преобладалъ болѣе смуглый тонъ, чѣмъ у жителей сѣверной Европы.

Мнѣ сообщили, что такая разница происходила отъ смѣшанныхъ браковъ съ другими болѣе отдаленными племенами *Врилья*, которыя, подѣ влияніемъ климата, или вслѣдствіе расовой особенности, отличались болѣе свѣтлою кожею. Темно-красная кожа обнаруживала чистоту крови семьи *Ана*; но они не соединяли съ этимъ обстоятельствомъ никакого чувства племенной гордости, и напротивъ приписывали красоту существующей породы частымъ бракамъ съ представителями другихъ, родственныхъ племенъ *врилья*. Они даже поощряли такіе браки, однако при непремѣнномъ условіи, чтобы это было родственное имъ племя. На другія племена, чуждые имъ по обычаямъ и учрежденіямъ, неспособныя къ пользованію тѣми могучими силами, которыя заключались во *вриль* и употребленію которыхъ они научились только по прошествіи многихъ вѣковъ, -- они смотрѣли пожалуй еще съ большимъ презрѣніемъ, чѣмъ гражданинъ Нью-Йорка смотритъ на негра.

Я узналъ отъ *Зи*, отличавшейся большею ученостью, чѣмъ кто либо изъ знакомыхъ мнѣ здѣсь мужчинъ, что превосходство *Врилья* надъ другими племенами приписывалось влиянію той борьбы съ природою, которую имъ пришлось выдержать въ мѣстахъ ихъ перваго поселенія. "Вездѣ, гдѣ въ исторіи перваго развитія народа", продолжала при этомъ разсуждать *Зи*, "замѣчается такой процессъ, при которомъ жизнь превращается въ одну борьбу и человѣкъ, долженъ примѣнить всѣ свои силы, чтобы удержаться, въ этой борьбѣ съ себѣ подобными, неизмѣнно слѣдуетъ одинъ и тотъ же результатъ: -- при неизбѣжной гибели большинства, природа выбираетъ для сохраненія только самые сильные экземпляры. Поэтому изъ нашей расы, еще до открытія *вриля* остались только высшія организаціи. Въ нашихъ древнихъ книгахъ встрѣчается легенда, когда то пользовавшаяся вѣрою, что мы были изгнаны изъ того самаго міра, откуда ты, повидимому, явился къ намъ, дабы усовершенствоваться и достигнуть высшаго развитія нашего племени въ той жестокой борьбѣ, которую пришлось выдержать нашимъ праотцамъ. Когда срокъ нашего искуса и развитія кончится, намъ предопредѣлено опять возвратиться на поверхность земля и заступить мѣсто низшей, живущей тамъ расы".

Афъ-Линъ и его дочь часто наединѣ бесѣдовали со мною о политическомъ и общественномъ положеніи того верхняго міра, обитатели котораго, по предположенію *Зи* (высказываемому, съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ), должны быть, рано или поздно, поголовно истреблены при нашествіи *Врилья*. Въ разсказахъ своихъ, я всѣми силами старался (избѣгая только положительной лжи, которая бы не скрылась отъ нихъ) представить въ самыхъ блестящихъ краскахъ, какъ наше развитіе, такъ и могущество; и они постоянно находили въ нихъ поводы для сравненій между нашими наиболѣе развитыми національностями и низшаго разряда подземными расами, находившіеся, по ихъ мнѣнію, во мракѣ безнадежнаго варварства и неминуемо обреченными на постепенное вымираніе. Но они твердо рѣшились скрывать отъ своихъ согражданъ

всякое преждевременное указаніе путей къ міру, освѣщаемому солнцемъ; они были сострадательны, и ихъ пугала мысль истребленія столькихъ милліоновъ живыхъ существъ; къ тому же, сильно разукрашенныя картины нашей жизни, которыя я раскрывалъ передъ ними, только возбуждали въ нихъ чувство соболѣзнованія. Напрасно я съ гордостью приводилъ имена нашихъ великихъ людей, -- поэтовъ, философовъ, ораторовъ, полководцевъ, и вызывалъ на указаніе -- равныхъ имъ между народами Врилля. "Увы!" отвѣчала *Зи*, и ея величавое лицо смягчилось выраженіемъ ангельскаго состраданія, "такое выдѣленіе нѣсколькихъ изъ среды большинства -- самый фатальный признакъ расы, обреченной на вѣчное невѣжество. Развѣ ты не видишь, что первое условіе счастья для смертныхъ заключается въ прекращеніи всеобщей борьбы и соревнованія, только разрушающихъ тотъ покой жизни, безъ котораго немислимо достиженіе счастья, какъ нравственнаго, такъ и физическаго? Мы думаемъ наоборотъ, что чѣмъ болѣе наша здѣшняя жизнь будетъ приближаться къ высшему идеалу загробнаго существованія безсмертныхъ духовъ, чѣмъ болѣе она будетъ походить на будущее блаженное бытіе, -- темъ легче мы перейдемъ въ него вполнѣдствіи.

Развѣ въ своемъ воображеніи мы можемъ себѣ представить жизнь боговъ, или безсмертныхъ иначе, какъ чуждую всякихъ страстей, подобныхъ любостыжанію и честолюбію.

Намъ кажется, что эта жизнь, при полномъ развитіи умственной и духовной дѣятельности, должна быть преисполнена яснаго покоя; но какова бы ни была эта дѣятельность, она должна соотвѣтствовать склонности каждаго, однимъ словомъ -- это должна быть жизнь, проникнутая однимъ радостнымъ чувствомъ мира и благоволенія, въ средѣ котораго должны исчезнуть всѣ страсти -- вражды и ненависти, борьбы и соперничества. Таковъ идеаль общественной жизни, къ достиженію котораго стремятся всѣ націи *Врилля* и на которомъ основаны всѣ наши теоріи государственнаго устройства. Ты видишь какъ несомѣстима эта идея прогресса съ понятіями, господствующими между твоимъ неразвитымъ народомъ, который въ своемъ бурномъ движеніи, только стремится увѣковѣчить непрерывную борьбу страстей, съ ихъ постоянными спутниками -- горемъ и заботою. Далеко за предѣлами *Врилля*, существуетъ нація, самая могущественная изъ всѣхъ живущихъ въ нашемъ мірѣ, которая считаетъ свое политическое устройство и свою систему управленія образцомъ, достойнымъ подражанія для всѣхъ прочихъ. Они поставили за образецъ благополучія постоянное соперничество во всѣхъ вещахъ, такъ что среди нихъ страсти не утихаютъ ни на одно мгновеніе: они въ постоянной борьбѣ изъ за власти, богатства, извѣстности, и просто ужасно слышатъ тѣ поруганія и клеветы, которыми осыпаютъ другъ друга даже самыя лучшіе изъ нихъ, безъ малѣйшей совѣсти и стыда.....

"Дѣло въ томъ", продолжала *Зи*, "что если разумная жизнь должна стремиться къ подражанію яснаго спокойствія безсмертныхъ, то ужъ конечно ничего не можетъ быть дальше отъ цѣли, чѣмъ подобная система, цѣликомъ воплощающая въ себѣ всю ту борьбу и тревоги, которыя отличаютъ смертнаго человѣка.

XVI.

Я столько говорилъ о посохѣ или жезлѣ, заряженномъ *врилемъ*, что отъ меня могутъ ожидать подробнаго его описанія. Этого я не могу сдѣлать; потому что мнѣ никогда не

давали его въ руки, изъ опасенія какого нибудь ужаснаго несчастія, которое могло произойти отъ моей неумѣлости. Онъ пустой внутри, и ручка его снабжена нѣсколькими клапанами, или пружинами, посредствомъ которыхъ можно измѣнять силу его дѣйствія, разнообразить ее, или давать ей извѣстное направленіе, такъ наприм.: -- въ одномъ случаѣ она могла убивать, въ другомъ -- изцѣляла; она тоже могла сокрушать громадныя скалы, или разсѣвать пары атмосферы; дѣйствіе ея сказывалось не только на тѣлѣ человѣка, но и могло вліять на его умственныя способности. Орудію этому, для удобства пользованія имъ, дана форма посоха или обыкновенной трости; но посредствомъ особыхъ приспособленій оно могло удлиняться. При употребленіи, ручка его упирается въ ладонь руки; при чемъ бывають вытянуты большой и средній пальцы. Мнѣ говорили впрочемъ, что сила его дѣйствія неодинакова во всѣхъ случаяхъ, и зависитъ отъ особаго свойства присущаго тому лицу, который имъ пользуется.

У нѣкоторыхъ преобладала разрушительная сила, у другихъ -- способность исцѣленія; многое было также въ зависимости отъ состоянія спокойствія и твердой рѣшимости дѣйствующаго. Они утверждаютъ, что высшія проявленія *силы надъ врилемъ* не могутъ быть усвоены, а составляютъ, такъ сказать, прирожденное свойство, передаваемое изъ поколѣнія въ поколѣніе; такъ что четырехъ-лѣтній ребенокъ ихъ, племени, первый разъ держащій въ рукахъ жезль *вриля*, можетъ достигнуть съ нимъ результатовъ, которыхъ послѣ долгаго упражненія никогда не добьется самый искусный механикъ изъ чуждой расы.

Это страшное орудіе измѣняется въ деталяхъ устройства, смотря по его назначенію; такъ напримѣръ въ рукахъ дѣтей, которымъ поручено истребленіе вредныхъ животныхъ, оно гораздо проще, чѣмъ жезль ученыхъ обоого пола; у замужнихъ женщинъ и матерей семействъ онъ болѣе приспособленъ къ цѣлебному дѣйствию и т. д. Я бы желалъ коснуться подробнѣе этого удивительнаго проводника жидкости *вриля*; но детали его механизма настолько же сложны, насколько поразительны достигаемые имъ результаты.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что этотъ народъ, между прочимъ, изобрѣлъ особаго устройства трубки, изъ которыхъ жидкость *вриля* можетъ быть направлена почти на безконечныя разстоянія къ предмету, который требуется уничтожить; и я нисколько не преувеличиваю, подразумѣвая разстояніе въ 500 и 600 миль. Ихъ математическія расчеты доведены до такой точности, что по полученіи необходимыхъ свѣдѣній отъ какого нибудь наблюдателя въ воздушной лодкѣ, каждый изъ членовъ отдѣла, завѣдующаго примѣненіями *вриля*, можетъ опредѣлить свойство и размѣръ встрѣтившагося препятствія и навести дуло этого орудія съ такою непогрѣшимою точностью на замѣченное препятствіе, -- напр. городъ вдвое болѣе Лондона, -- что во мгновеніе ока отъ него ничего не останется, кромѣ пепла. Изъ этого примѣра видно, до какого совершенства доведено у *Ана* примѣненіе ихъ изобрѣтательныхъ способностей къ практическимъ цѣлямъ.

Я обошелъ вмѣстѣ съ моимъ хозяиномъ и его дочерью большой публичный музей, помѣщавшійся въ одномъ изъ крыльевъ зданія *коллегии ученыхъ*, въ которомъ между прочимъ были сложены, какъ любопытные образцы неуклюжихъ, дѣтскихъ попытокъ человѣка въ древнія времена, многія изъ разныхъ изобрѣтеній, составляющихъ гордость нашего вѣка. Въ одномъ отдѣленіи музея валялось нѣсколько громадныхъ цилиндровъ, приспособленныхъ для истребленія жизни, посредствомъ метательныхъ снарядовъ и

воспламеняющагося вещества, весьма похожихъ на наши пушки, но еще съ неизвѣстными у насъ усовершенствованіями.

Хозяинъ мой посмотрѣлъ на нихъ съ такимъ-же пренебреженіемъ, съ какимъ нашъ артиллерійскій офицеръ можетъ остановится передъ лукомъ и стрѣлами какихъ нибудь дикарей. Въ другомъ отдѣленіи, были модели повозокъ и судовъ, приводимыхъ въ движеніе паромъ, и воздушный шаръ. "Таковы были", произнесла Зи задумчивымъ голосомъ, "первыя слабыя попытки борьбы съ природою нашихъ дикихъ праотцевъ, пока они еще не достигли хотя-бы слабаго понятія о свойствахъ *вриля*".

Эта молодая *Гай* представляла удивительный образецъ того мускульнаго развитія, котораго достигаетъ женщина въ ихъ странѣ. Черты лица ея отличались красотой, присущей всей ея расѣ: никогда еще на поверхности земли мнѣ неприходило видѣть лица такой безупречной правильности и столь величественнаго; но постоянныя занятія наукой вызвали въ немъ сосредоточенное выраженіе отвлеченной мысли и придали ему нѣсколько строгій видъ, особенно въ состояніи покоя; и такое суровое выраженіе, особенно при ея громадномъ ростѣ и могучемъ сложеніи, производили самое внушительное впечатлѣніе. Она превосходила ростомъ другихъ женщинъ этого племени и, на моихъ глазахъ, приподняла какую-то пушку съ такою-же легкостью, какъ я поднималъ-бы пистолетъ. Зи внушала мнѣ глубокой страхъ, дошедшій до ужаса, когда мы вошли въ одно изъ отдѣленій музея, гдѣ находились модели разныхъ механизмовъ, дѣйствующихъ посредствомъ *вриля* и гдѣ она, стоя въ отдаленіи, дѣйствіемъ своего жезла, приводила въ движеніе большіе, тяжеловѣсные предметы. Она какъ будто вдыхала въ нихъ жизнь и заставляла повиноваться своей волѣ. Она пускала въ ходъ весьма сложные механизмы, по желанію останавливала или возобновляла ихъ дѣйствіе, пока въ невѣроятнo краткій промежутокъ времени, разныхъ сортовъ сырой матеріаль обращался въ симметрическія, законченныя произведенія искусства. Явленія, подобныя тѣмъ, которыя месмеризмъ, магнетизація, электричество и т. п., возбуждаютъ въ нервахъ и мускулахъ живыхъ существъ, -- эта молодая *Гай* производила, мановеніемъ своей трости, въ колесахъ и пружинахъ бездушнаго механизма.

Когда я высказалъ своимъ спутникамъ то изумленіе, въ которое приводило меня все видѣнное, упомянувъ при этомъ, что въ нашей средѣ мнѣ случалось быть свидѣтелемъ нѣкоторыхъ явленій, доказывающихъ извѣстное взаимодействіе между живыми организмами, -- Зи, видимо интересовавшаяся подобными вопросами, попросила меня протянуть мою руку и, положивъ ее рядомъ съ своей, обратила мое вниманіе на замѣтную разницу, въ ихъ типѣ и характерѣ. Во первыхъ, большой палецъ у *Гай* (то же самое я замѣтилъ и у всѣхъ другихъ представителей этого племени) былъ длиннѣе и массивнѣе, чѣмъ у насъ; разница была на столько-же велика въ этомъ отношеніи, какъ между человѣкомъ и гориллой. Во вторыхъ, ладонь у нихъ гораздо мясистѣе нашей, кожа гораздо нѣжнѣе и температура руки выше. Но, что было замѣчательнѣе всего, -- я могъ замѣтить особый нервъ, проходившій отъ запястья руки къ основанію большаго пальца и потомъ раздѣлявшійся на двѣ вѣтви, идущія къ указательному и среднему пальцу. "При слабомъ развитіи большаго пальца, сказала ученая молодая *Гай*, и отсутствіи особаго нерва, который, въ большей или меньшей степени развитія, ты всегда найдешь у нашего племени, вы никогда не достигнете сколько нибудь сильнаго вліянія надъ дѣйствіемъ *вриля*; что касается до новаго нерва, то его нельзя встрѣтить у нашихъ

первыхъ предковъ, а равно и между грубыми племенами, живущими за предѣлами *Вриля*. Для его развитія потребовалось множество поколѣній, начиная съ первыхъ -- открывшихъ тайну дѣйствія *вриля* и постепенно совершенствовавшихся путемъ упражненія въ пользованіи имъ; можетъ быть, по прошествіи одной или двухъ тысячъ лѣтъ, такой нервъ и зародятся между совершеннѣйшими представителями нашей расы, посвятившими себя изслѣдованіямъ тѣхъ высшихъ отраслей науки, при помощи которыхъ пріобрѣтается власть надъ разнообразными проявленіями *вриля*. Когда-же ты говоришь объ абсолютной неподвижности, то неужели тебѣ неизвѣстно, что не существуетъ ни одной частицы вещества, которая-бы находилась въ совершенномъ покоѣ или инерціи; каждая изъ такихъ частицъ находится въ постоянномъ движеніи и подвергается дѣйствию разныхъ силъ, изъ которыхъ теплота замѣтнѣе другихъ; но *вриль* - - наиболѣе проникающая и самая могучая. Такъ что токъ, возбужденный рукой и направляемый моею волею, только способствуетъ къ усиленному проявленію того невидимаго движенія, въ которомъ вѣчно находятся частицы матеріи. Хотя въ массѣ металла и не можетъ самостоятельно зародиться мысль, но, благодаря скрытой въ немъ воспріимчивости къ движенію, въ него какъ-бы переходитъ мысль дѣйствующаго на него разумнаго существа, и подъ вліяніемъ *вриля* онъ приходитъ въ движеніе, точно двинутый видимой внѣшней силой. Въ него временно переходитъ жизнь; онъ какъ-бы воодушевляется и разсуждаетъ. Безъ этого, развѣ могли-бы мы пользоваться услугами нашихъ автоматовъ.

Я слишкомъ трепеталъ предъ мышцами и ученостью молодой *Гай*, чтобы рѣшиться на какія либо возраженія. Мнѣ вспомнился при этомъ анекдотъ, читанный мною еще въ дѣтствѣ, про одного, заспорившаго съ Римскимъ императоромъ, мудреца, который внезапно прекратилъ свои возраженія и отвѣчалъ на вопросъ императора, -- не имѣтели онъ еще чего возразить съ своей стороны; -- "Нѣтъ, Цезарь; развѣ можно спорить съ человѣкомъ, который повелѣваетъ двадцатью пятью легіонами".

Хотя я былъ внутренно убѣжденъ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о дѣйствительныхъ результатахъ дѣйствія *вриля*, -- что Фарадэ легко разбилъ-бы всѣ ея аргументы, о ого конечныхъ причинахъ и сферѣ вліянія; но рядомъ съ этимъ являлось другое непоколебимое убѣжденіе, что *Зи* ударомъ своего кулака легко могла уложить на мѣстѣ по очереди всѣхъ членовъ нашей королевской академіи. Каждому разумному человѣку извѣстна вся бесполезность спора съ обыкновенною женщиною, о близко знакомомъ ему предметѣ; но диспутировать съ *Гай* семи футоваго роста вопросъ о происхожденіи *вриля*, пожалуй все равно, что -- спорить въ пустынь съ *самумомъ*.

Между разными отдѣлами громаднaго зданія *колегіи ученыхъ*, меня особенно заинтересовалъ музей, посвященный археологіи *Вриля*, въ которомъ была собрана коллекція древнихъ портретовъ. Краски, которыми были написаны эти картины, отличались такою прочностью, что нѣкоторыя изъ нихъ, написанныя, по словамъ лѣтописей, еще въ доисторическія времена, -- сохранили извѣстную свѣжесть колорита. При обзорѣ этой коллекціи, меня поразили два обстоятельства: -- первое, что картины которыхъ, какъ увѣряли меня, было отъ шести до семи тысячъ лѣтъ, обнаруживали высшее состояніе искусства, чѣмъ тѣ, которыя были написаны за три или четыре тысячи лѣтъ, и что портреты перваго періода болѣе подходили къ нашему Европейскому типу. Нѣкоторыя изъ нихъ даже напоминали мнѣ тѣ итальянскіе головы, которыя смотрятъ на

насъ съ холстовъ Тиціана, какъ-бы говоря о честолюбіи или коварствѣ, заботахъ или горѣ оригиналовъ, съ ихъ глубокими морщинами, проведенными страстями. Это были лица людей, жившихъ во времена борьбы, предшествовавшія открытію чудодѣйственныхъ свойствъ *вриля*, который совершенно измѣнилъ общественный строй:-- они, какъ въ нашемъ мірѣ, боролись между собою изъ за власти и славы.

Спустя тысячу лѣтъ послѣ открытія *вриля*, типъ лица уже обнаруживаетъ замѣтную перемѣну; при чемъ съ каждымъ поколѣніемъ, оно пріобрѣтаетъ большее выраженіе того величаваго спокойствія, получаетъ тотъ отпечатокъ, который отличаетъ его отъ лица нашего грѣшнаго, трудящагося челоуѣка и производитъ такое потрясающее впечатлѣніе. Но по мѣрѣ того какъ развивалась красота новаго типа, искусство художника дѣлалось все безличнѣе и монотоннѣе.

Но интересъ коллекціи сосредоточивался въ трехъ портретахъ, принадлежавшихъ къ доисторическому вѣку и, какъ гласитъ преданіе, написанныхъ по повелѣнію мудреца, самое происхожденіе котораго теряется во мракѣ мифа, подобно Индѣйскому Буддѣ, или Греческому Прометею.

Эту таинственную личность, -- одновременно мудреца и героя, -- главныя отрасли племени *Вриля* считаютъ своимъ общимъ родоначальникомъ.

Кромѣ самого мудреца, сохранились еще портреты его дѣда и прадѣда. Всѣ они написаны во весь ростъ. Мудрецъ облеченъ въ длинную хламиду изъ какой-то особенной матеріи, напоминающей рыбу чешую, или кожу ящерицы; но руки и ноги его обнажены: -- пальцы ихъ отличаются невѣроятною длиною и снабжены перепонками. Шеи у него почти не существуетъ, и у него низкій, покатыи лобъ, совсѣмъ не характеризующій мудреца. Онъ отличается блестящими карими глазами на выкатѣ, очень широкимъ ртомъ и выдающимися скулами.....

XVII.

Такъ какъ *Вриля* лишены возможности созерцать свѣтила небесныя, то ихъ способы опредѣленія дня и ночи существенно различаются отъ нашихъ; къ счастью у меня были съ собою часы, при помощи которыхъ мнѣ удалось довольно точно опредѣлить ихъ счетъ времени. Я оставляю до будущаго, если когда либо мнѣ придется издать сочиненіе о наукѣ и литературѣ *Вриля*, всѣ подробности тѣхъ способовъ, которые они примѣняютъ для счисленія времени, и ограничусь указаніемъ, что продолжительность ихъ года мало разнится отъ нашего; но онъ раздѣляется иначе. Ихъ сутки (включая и то, что мы называемъ ночью) состоятъ изъ двадцати часовъ, вмѣсто двадцати четырехъ, и, разумѣется, ихъ годъ поэтому заключаетъ большее число дней. Они раздѣляютъ свой двадцати часовой день такимъ образомъ: -- восемь часовъ, {* Употребляемые для ясности, слова: часы, дни и проч. -- не вполнѣ соотвѣтствуютъ ихъ понятіямъ о дѣленіи времени. (Прим. автора).} называемые *тихими часами*, -- посвящаются отдыху; восемь часовъ называемыхъ *рабочимъ временемъ*, -- разнымъ занятіямъ жизни, и втеченіи четырехъ часовъ, которые носятъ названіе *вольнаго времени* (имъ заканчивается день), они предаются разнымъ развлечениямъ, играмъ, празднествамъ, или разговорамъ, смотря по личному вкусу и склонности каждаго. Строго говоря, за предѣлами ихъ домовъ не бываетъ ночи. Какъ городскія улицы, такъ и вся окружающая страна, до самаго предѣла ихъ владѣній, одинаково освѣщается во всѣ часы. Только во время *тихихъ часовъ*, они

убавляютъ свѣтъ въ своихъ домахъ, до степени сумерекъ; но полный мракъ внушаетъ имъ чувство ужаса, и они никогда вполнѣ не гасятъ огней. Во время домашнихъ празднествъ, происходящихъ при полномъ освѣщеніи, они все-таки отмѣчаютъ различіе между днемъ и ночью, посредствомъ особыхъ механическихъ устройствъ, соответствующихъ нашимъ часамъ. Они большіе любители музыки, и музыкальные звуки, издаваемые въ опредѣленные промежутки этими механизмами, опредѣляютъ время дня. Каждый часъ такіе мелодическіе звуки разносятся по всему городу и подхватываются другими -- въ домахъ и окрестныхъ деревушкахъ, раскиданныхъ по всему ландшафту, что производитъ самое чарующее и въ то же время торжественное впечатлѣніе. Впродолженіи *тихихъ часовъ*, эти звуки смягчаются, такъ что едва улавливаются бодрствующимъ слухомъ. У нихъ не существуетъ перемѣнъ года и, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ владѣній этого племени, климатъ отличается необычайною равномерностью; онъ теплый, какъ итальянское лѣто, скорѣе влажный чѣмъ сухой; до полудня обыкновенно бываетъ тихо, но по временамъ тишина нарушается сильными порывами вѣтра съ окружающихъ горъ. Подобно тому, какъ на *золотыхъ островахъ* древнихъ поэтовъ, -- здѣсь не существуетъ опредѣленнаго времени для посѣва и жатвы; одновременно вы видите болѣе молодыя растенія въ цвѣтахъ и почкахъ, между тѣмъ какъ другія приносятъ уже колосья и плоды. Но листья всѣхъ плодоносныхъ растеній, послѣ окончанія этого періода, мѣняются цвѣтъ или опадаютъ. Но что меня особенно интересовало въ связи съ ихъ способами счисленія времени, было -- опредѣленіе средней продолжительности жизни между ними. Послѣ самыхъ тщательныхъ справокъ, я убѣдился, что она значительно превосходитъ нашу. Но преимущество ихъ заключалось не въ одномъ этомъ; весьма немногіе между ними умираютъ ранѣе ста лѣтъ; но въ то же время, большинство достигаетъ семидесяти-лѣтняго возраста; до самыхъ преклонныхъ лѣтъ они сохраняютъ здоровье и свѣжесть силъ, такъ что жизнь подъ старость у нихъ не представляется однимъ тяжелымъ бременемъ. Здоровье ихъ не подтачивается алчностью и честолюбіемъ, они равнодушны къ славѣ и хотя способны къ глубокой привязанности, но любовь у нихъ принимаетъ видъ нѣжной, радостной дружбы и, составляя ихъ счастье, рѣдко бываетъ источникомъ страданій. Такъ какъ *Гай* вступаетъ въ бракъ только по своему выбору и здѣсь (подобно тому какъ и на землѣ) все счастье семейной жизни зависитъ отъ женщины, то, выбравъ себѣ по вкусу и влеченію супруга, она бываетъ снисходительна къ его недостаткамъ, уважаетъ его наклонности и всѣми силами старается сохранить его любовь. Смерть близкихъ, какъ и между нами, -- тоже источникъ горести; но она обыкновенно наступаетъ въ самомъ преклонномъ возрастѣ, и оставшіеся въ живыхъ находятъ большое утѣшеніе въ непоколебимой увѣренности, что ихъ ожидаетъ скорая встрѣча съ умершими друзьями и близкими, въ предстоящей блаженной жизни.

Хотя всѣ эти причины оказываютъ не малое вліяніе на продолжительность ихъ жизни, но многое зависитъ и отъ наслѣдственной организаціи. По сохранившимся извѣстіямъ, средняя продолжительность жизни у нихъ въ тѣ раннія времена, когда ихъ общественный строй походилъ на нашъ, со всѣми его тревоженіями, -- была значительно короче, и они чаще подвергались разнымъ болѣзнямъ. Они сами говорятъ, что продолжительность жизни у нихъ увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ были открыты цѣлебныя и укрѣпляющія свойства *вриля*. Между ними мало специалистовъ врачей и

этимъ дѣломъ преимущественно занимаются *Джай-и* (особенно вдовы и бездѣтныя), которыя обнаруживаютъ особенную склонность къ дѣлу врачеванія и отличаются искусствомъ въ разныхъ хирургическихъ операціяхъ, вызываемыхъ иногда несчастными случаями.

У *Врилья* есть свои развлечения и забавы и въ *вольное время* дня, они собираются большими обществами и развлекаются воздушными играми, о которыхъ я уже говорилъ. У нихъ существуютъ концертные залы и даже театры, гдѣ исполняются піесы, отчасти напоминающія мнѣ китайскія драмы; сюжеты этихъ драмъ взяты большею частью изъ самыхъ отдаленныхъ временъ, и они отличаются полнѣйшимъ нарушеніемъ классическихъ единствъ; такъ что герой въ одной сценѣ представленъ ребенкомъ, вслѣдъ за тѣмъ старикомъ и т. д. Піесы эти весьма древняго происхожденія. Онѣ показались мнѣ ужасно скучными, хотя постановка ихъ отличалась удивительными механическими приспособленіями; они были также не лишены извѣстнаго, отчасти грубаго, юмора, и отдѣльныя мѣста текста выдавались своимъ поэтическимъ и полнымъ силы языкомъ, хотя ему вредилъ избытокъ метафоры. Въ общемъ онѣ оставляли пожалуй такое-же впечатлѣніе, какое драмы Шекспира произвели-бы на парижанина времянь *Лудовика XV-го*, или на англичанина -- періода *Карла II-го*.

Публика, большею частью состоявшая изъ *Джай-и*, по-видимому оставалась очень довольна представленіемъ, что въ виду серьезности этихъ женщинъ, отчасти удивило меня; но когда я увидѣлъ, что всѣ актеры были самаго нѣжнаго возраста, то мнѣ стало понятно, что матери и сестры приходили сюда, что-бы доставить удовольствіе своимъ дѣтямъ и братьямъ. Я уже сказалъ, что всѣ эти драмы были древняго происхожденія. Повидимому, здѣсь втеченіи нѣсколькихъ поколѣній, не появлялось ни одного сколько нибудь замѣчательнаго драматическаго произведенія, а также -- изъ области вымысла или поэзіи, которое пережило-бы свое время. У нихъ нѣтъ недостатка въ новыхъ изданіяхъ и даже существуетъ то, что мы назвали-бы газетами; но всѣ эти изданія почти исключительно посвящены научнымъ и техническимъ вопросамъ, или новымъ изобрѣтеніямъ, -- однимъ словомъ: У нихъ преобладаетъ чисто практическое направленіе. Иногда, впрочемъ, появится дѣтская книжка рассказовъ (ребенка же автора), о разныхъ приключеніяхъ, или какая нибудь *Гай* изольеть въ формѣ поэмы разныя тревоженія и надежды своей любви; но всѣ эти произведенія весьма невысокаго достоинства и рѣдко къмъ читаются, кромѣ дѣтей и женщинъ. Самыя интересныя сочиненія, чисто литературнаго характера, посвящены описаніямъ путешествій и географическихъ изслѣдованій мало извѣстныхъ странъ этого подземнаго міра; авторы ихъ большею частью молодые эмигранты, и они читаются съ большимъ интересомъ ихъ друзьями и родственниками.

Я не могъ не высказать своего удивленія *Афъ-лину*, по поводу того обстоятельства, что общество, достигшее такихъ изумительныхъ успѣховъ въ техникахъ и въ которомъ повидимому осуществился тотъ идеаль всеобщаго счастья, о которомъ мечтали у насъ на землѣ и который, только послѣ долгой борьбы, признанъ неосуществимою мечтою, -- что такое развитое общество можетъ существовать безъ современной литературы, при всемъ совершенствѣ его языка, отличавшагося такимъ богатствомъ, сжатостью и звучностью.

На это мой хозяинъ отвѣчалъ слѣдующее: -- развѣ тебѣ не ясно, что литература, какъ вы ее донимаете на землѣ, положительно несовмѣстима съ тѣмъ общественнымъ благополучіемъ, котораго, по твоимъ же словамъ, мы теперь достигли? Послѣ вѣковой борьбы, у насъ наконецъ установился общественный строй, вполне удовлетворяющій насъ, и въ которомъ недопускается никакого различія состоянія, никакихъ почестей выдающимся общественнымъ дѣятелямъ, при чемъ исчезаетъ всякій стимуль къ личному честолюбію". Никто здѣсь не станетъ читать сочиненій въ защиту теорій, требующихъ переменъ въ нашемъ общественномъ, или политическомъ строѣ; понятно, что никто не станетъ и писать ихъ. Если какой нибудь *Анъ* и почувствуетъ недовольство нашимъ, можетъ быть, слишкомъ спокойнымъ образомъ жизни, -- онъ не нападаетъ на него, а просто уходитъ въ другое мѣсто.

Такимъ образомъ всѣ отрасли литературы (и, судя по древнимъ книгамъ въ нашихъ общественныхъ библіотекахъ, онѣ когда-то составляли весьма значительную ея часть), касающіяся общественнаго и политическаго устройства, -- совершенно исчезли. Громадную часть нашей древней литературы составляютъ историческія лѣтописи разныхъ войнъ и революцій тѣхъ временъ, когда человѣкъ жилъ въ большихъ, бурныхъ обществахъ. Ты видишь нашу ясную, спокойную жизнь: такую она была втеченіи многихъ вѣковъ. У насъ нѣтъ событій для лѣтописей. Что же объ насъ можно сказать, кромѣ того, что -- "они родились на свѣтъ, прожили счастливо и умерли?" Переходя за тѣмъ къ той отрасли литературы, которая почерпаетъ свои источники въ воображеніи, какъ напр. ваша поэзія, -- то причины ея упадка у насъ не менѣе очевидны".

"Мы находимъ въ сохранившихся у насъ великихъ произведеніяхъ этого отдѣла литературы, которыя мы всѣ читаемъ съ наслажденіемъ, хотя они и недопускаютъ подражанія, что они заключаются въ изображенія недоступныхъ намъ теперь страстей: - - честолюбія, мести, неосвященной любви, жажды военной славы и т. п. Древніе поэты жили въ средѣ, проникнутой всѣми этими страстями, и живо чувствовали то, что служило предметомъ ихъ неподражаемыхъ описаній. Никто между нами не въ состояніи изобразить такихъ страстей, потому что не чувствуетъ ихъ, да и не найдетъ сочувствія въ своихъ читателяхъ, даже еслибъ и испыталъ ихъ. Кромѣ того, одинъ изъ основныхъ элементовъ древней поэзіи состоитъ въ обнаруженіи тѣхъ скрытыхъ, многосложныхъ побужденій человѣческаго сердца, которыя приводятъ къ аномальнымъ порокамъ, или къ неописаннымъ добродѣтелямъ. Но въ нашемъ обществѣ, съ исчезновеніемъ всякихъ искушеній къ особеннымъ преступленіямъ или порокамъ, неизбѣжно установился средній нравственный уровень, при которомъ немыслимо и появленіе выдающихся добродѣтелей. Лишенная тѣхъ образцовъ могучихъ страстей, великихъ преступленій и высокаго героизма, которые въ старину давали пищу поэзіи, -- послѣдняя если и не совсѣмъ погибла у насъ, то влачитъ печальные дни. Остается еще поэзія описательная, -- картины природы и домашней жизни; и наши молодья *Джай-и* часто пользуются этою, довольно безсодержательною, формою въ своихъ любовныхъ стихахъ".

"Такого рода поэзія", сказала я, "можетъ быть очень привлекательна, и нѣкоторые критики между нами признаютъ ее даже выше той, которая занимается изображеніемъ человѣческихъ страстей. По крайней мѣрѣ, упоминаемый тобою, безсодержательный

родъ поэзіи привлекаетъ къ себѣ большинство читателей между тѣмъ народомъ, который я оставилъ на поверхности земли".

"Можетъ быть; но я полагаю, что эти поэты обращаютъ большое вниманіе на языкъ и сосредоточиваютъ все свое искусство на подборѣ красивыхъ словъ и риѣмъ".

"Конечно; это соблюдается и великими писателями. Хотя даръ поэзіи можетъ быть прирожденный, но онъ требуетъ такой-же тщательной обработки, какъ и масса металла, изъ которой вы строите свои машины*.

"Безъ сомнѣнія у вашихъ поэтовъ есть какія нибудь побудительныя причины къ сосредоточенію своего вниманія на красивой отдѣлкѣ словъ".

"Конечно врожденный инстинктъ побуждаетъ ихъ пѣть, какъ и птицъ; но всѣ эти украшенія пѣсни, по всѣмъ вѣроятіямъ, имѣютъ внѣшнія побужденія, и наши поэты вѣроятно находятъ ихъ въ стремленіи къ славѣ, а иногда и въ недостаткѣ денегъ".

"Совершенно такъ. Но въ нашемъ обществѣ понятіе о славѣ не связывается ни съ какимъ дѣйствіемъ человѣка, во время его земной жизни. Мы скоро утратили-бы то равенство, которое составляетъ основной, благодѣтельный элементъ нашего общественнаго устройства, еслибъ стали осыпать выдающимися похвалами кого либо изъ его членовъ: исключительное возвеличеніе ведетъ къ исключительной силѣ, и тогда неминуемо должны проснуться всѣ спящія теперь страсти; другіе люди тоже пожелаютъ похвалъ, тогда подымется зависть, а вмѣстѣ съ нею и недовольство, съ своими спутницами злобой и клеветой. Мы видимъ изъ нашей исторіи, что большинство поэтовъ и писателей, пользовавшихся въ древности величайшею славою, въ то же время подвергались самому жестокому порицанію, и вся ихъ жизнь была отравлена, отчасти благодаря нападкамъ завистниковъ, отчасти вслѣдствіе развившейся въ нихъ болѣзненной чувствительности къ похвалѣ и порицанію. Что касается побужденій нужды, то во первыхъ, тебѣ извѣстно, что въ нашей странѣ никто не испытываетъ бѣдности; но если-бы это и было, то всякое другое занятіе оказалось-бы прибыльнѣе писательства".

"Въ нашихъ общественныхъ библіотекахъ, можно найти всѣ уцѣлѣвшія отъ времени книги; эти книги, по высказаннымъ уже причинамъ, -- несравненно лучше всего, что могло быть написано въ наши дни, и онѣ одинаково доступны всѣмъ".

"Между нами", сказалъ я, "многихъ привлекаетъ новизна; и часто читается плохая новая книга, между тѣмъ какъ старая остается безъ вниманія".

"Новизна, безъ сомнѣнія, имѣетъ свою привлекательность въ менѣ развитыхъ обществахъ, чающихъ всего лучшаго впереди, но мы лишены способности находить въ ней удовольствіе; хотя, по замѣчанію одного знаменитаго нашего писателя, жившаго четыре тысячи лѣтъ тому назадъ: -- "читающій старыя книги всегда найдетъ въ нихъ что нибудь новое; а читающій новыя книги всегда -- что нибудь старое".

"Но какъ же подобное равнодушіе къ литературѣ не оказываетъ вреднаго дѣйствія на развитіе науки?"

"Твой вопросъ изумляетъ меня. Побужденіемъ къ изученію науки является простая любовь къ истинѣ, независимо отъ всякихъ понятій о славѣ; и кромѣ того, наука у насъ имѣетъ исключительно практическое значеніе, въ видахъ сохраненія нашего общества и ежедневныхъ требованій жизни. Нашъ изобрѣтатель трудится безъ всякаго ожиданія славы за свою работу; онъ просто занятъ любимымъ имъ дѣломъ, вдали отъ всякихъ

треволнений и страстей. Человѣку необходимы упражненія, какъ для тѣла, такъ и для ума; и постоянное равномерное упражненіе въ обоихъ случаяхъ лучше всякихъ чрезмѣрныхъ временныхъ усилій. Люди, занимающіеся у насъ наукою, менѣе всего подвергаются болѣзнямъ и отличаются своимъ долголѣтіемъ. Живопись у насъ составляетъ развлеченіе многихъ; но самое искусство далеко не то, что было въ прежнія времена, когда великіе художники изъ разныхъ обществъ старались превзойти другъ друга, въ виду тѣхъ, почти царскихъ, почестей? которыя ожидали побѣдителя. Ты безъ сомнѣнія замѣтилъ въ отдѣленіи древностей музея, -- насколько, съ точки художественности, картины, написанныя нѣскольکو тысячъ лѣтъ тому назадъ, превосходятъ современные, Изъ всѣхъ изящныхъ искусствъ одна музыка, -- можетъ быть потому, что она ближе подходитъ къ наукѣ, чѣмъ къ поэзіи, -- еще процвѣтаетъ у насъ. Но даже и здѣсь, недостатокъ стимула похвалы или славы сказанъ въ отсутствіи индивидуальнаго превосходства; мы отличаемся болѣе въ оркестровой музыкѣ, гдѣ отдѣльный исполнитель замѣняете громадными механическими инструментами, приводимыми въ движеніе водою. Въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ у насъ почти не появилось ни одного выдающагося композитора. Мы пользуемся теперь старинными мотивами, которые обрабатываются современными, искусными въ техникѣ музыкантами".

"Нѣтъ ли изъ числа Ана", спросилъ я, "обществъ, зараженныхъ тѣми пороками и страстями, допускающими разницу въ имущественномъ, нравственномъ и общественномъ положеніи среди своихъ членовъ, которыя уже исчезли между племенами Врильа? Если существуютъ такіе народы, то можетъ быть, поэзія и родственныя ей искусства еще пользуются почетомъ и процвѣтаютъ между ними?"

"Такіе народы живутъ въ отдаленныхъ отъ насъ странахъ; но мы не допускаемъ ихъ въ среду цивилизованнаго общества; но нашему мнѣнію они недостойны даже названія Ана, не только что Врильа. Это варвары, находящіеся на томъ низкомъ уровнѣ развитія, которое даже недопускаетъ надежды на ихъ обновленіе" Они проводятъ свое жалкое существованіе въ вѣчныхъ переворотахъ и борьбѣ; если они не воюютъ съ своими сосѣдями, то дерутся между собою. Они всѣ раздѣлены на партіи, которыя предають поруганію, грабятъ и даже убиваютъ другъ друга; поводомъ къ этому служатъ самыя ничтожныя причины, которыя были-бы просто непонятны для насъ, если-бы мы не знали изъ исторіи, что сами когда то прошли чрезъ эти раннія ступени варварства и невѣжества. Сущихъ пустяковъ достаточно, чтобы поднялась ссора между ними. Они считаютъ, что у нихъ господствуетъ равенство; но вся та борьба, которую они вели съ старыми формами, но привела ни къ чему; потому что въ громадныхъ обществахъ, гдѣ все основано на соревнованіи, обратившемся въ какую то постоянную горячку, -- меньшинство всегда выигрываетъ въ ущербъ массѣ. Однимъ словомъ, народъ, о которомъ я говорю, представляетъ собою дикарей, блуждающихъ въ безпросвѣтномъ мракѣ невѣжества; они были-бы достойны нашего сожалѣнія въ ихъ бѣдствіяхъ, если-бъ, подобно большинству дикарей, сами не навлекали на себя истребленія своею наглостью и жестокостью. Можешь себѣ представить, что эти жалкія созданья, съ ихъ допотопнымъ оружіемъ, образцы котораго ты видѣлъ въ нашемъ музеѣ (металлическіе цилиндры съ зарядомъ селитры), -- не разъ грозили истребленіемъ сосѣднему съ ними племени Врильа, только потому, что у нихъ тридцать милліоновъ населенія, а у

последнихъ пятьдесятъ тысячъ, -- если тѣ не подчинятся какому то ихъ установленію, въ связи съ торговлей и наживой денегъ, которое они имѣютъ нахальство называть "закономъ цивилизаціи".

"Но что же сдѣлаютъ пятьдесятъ тысячъ противъ тридцати милліоновъ".

Мой хозяинъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня. "Чужеземецъ", сказалъ онъ, "развѣ ты не слышалъ, что это племя -- *Врилья*, которому онѣ угрожаютъ; и стоитъ только этимъ дикарямъ объявить войну, какъ поль-дюжины, отряженныхъ для этого дѣтей, сметутъ съ лица земли все ихъ населеніе".

Я невольно содрогнулся при этихъ словахъ, вспомнивъ, что я стою ближе къ этимъ "дикарямъ" чѣмъ къ племени *Врилья*, а также -- мои похвалы свободнымъ учрежденіямъ Америки, къ которымъ такъ презрительно отнесся Афъ-Линъ. Прійдя нѣсколько въ себя, я спросилъ, -- существуетъ ли возможность безопасно достигнуть страны этого отдаленнаго и смѣлаго народа.

"При помощи *вриля* ты можешь безопасно проѣхать по владѣніямъ всѣхъ родственныхъ намъ племенъ; но я не отвѣчаю за твою безопасность среди варварскихъ народовъ, гдѣ господствуютъ другіе законы, я которые дошли до такого умопомраченія, что многіе изъ нихъ живутъ только воровствомъ; въ *тихіе часы* среди нихъ даже нельзя оставить открытыми двери своего дома".

Тутъ нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ *Таэ*, сообщившаго намъ, что, получивъ порученіе уничтожить громадное чудовище, которое я видѣлъ при своемъ спускѣ, онъ все время слѣдилъ за его появленіемъ, но безуспѣшно. Онъ уже подумалъ, что мои глаза обманули меня, или что гадина, чрезъ расщелины въ скалахъ, пробралась въ болѣе дикую мѣстность, гдѣ водятся подобныя ей пресмыкающіяся; но близость ея пребыванія неожиданно обнаружилась въ опустошеніяхъ пастбища, прилегающаго къ озеру. "Я увѣренъ", сказалъ *Таэ*, "что чудовище прячется въ этомъ озерѣ; я подумалъ", продолжалъ онъ обращаясь ко мнѣ, "что тебя можетъ быть позабавить посмотреть, -- какъ мы истребляемъ такихъ непріятныхъ посѣтителей". Взглянувъ на ребенка и припомнивъ размѣры чудовища, которое онъ собирался уничтожить, я пришелъ въ ужасъ, какъ за себя, такъ и за него, при мысли о грозившей намъ опасности. Но во мнѣ было возбуждено сильное любопытство, и мнѣ хотѣлось самому убѣдиться въ восхваляемомъ могуществѣ *вриля*; къ тому-же я не желалъ унижить себя въ глазахъ ребенка, выказывая опасенія за свою безопасность; и потому, поборовъ свое первое чувство страха, я поблагодарилъ *Таэ* за его вниманіе и выразилъ готовность сопутствовать ему въ такой интересной охотѣ.

XVIII.

Когда мы оставили за собою городъ и, взявъ влѣво отъ главной дороги, пошли полями, -- я до того былъ пораженъ странною красотою этого изумительнаго ландшафта, до самаго горизонта освѣщеннаго безчисленнымъ множествомъ фонарей, что мало обращалъ вниманія на разговоръ моего спутника.

По дорогѣ я замѣтилъ, что всѣ сельскохозяйственныя работы производились машинами страннаго вида, но весьма красивой формы; искусство, подчиненное у этого народа требованіямъ пользы, проявлялось въ видѣ изящныхъ формъ, которыя они придаютъ разнымъ предметамъ въ обыденной жизни. Драгоценныя металлы и каменья

до того здѣсь обыкновенны, что примѣняются для украшенія самыхъ простыхъ вещей; между тѣмъ, преобладающее между ними значеніе полезнаго надъ красивымъ, побуждаетъ ихъ всячески украшать ихъ орудія труда, что незамѣтнымъ образомъ вліяетъ на развитіе у нихъ воображенія.

Во всѣхъ ихъ работахъ, какъ въ домахъ, такъ и снаружи, примѣняются уже упомянутые автоматическія фигуры, которыя до того подчинены дѣйствию вриля, что кажутся живыми существами. Я едва могъ отличить ихъ отъ людей, въ то время, какъ они направляли движеніе разныхъ громаднхъ механизмовъ.

По мѣрѣ того, какъ мы удалялись, я наконецъ сталъ прислушиваться къ живымъ замѣчаніямъ моего спутника. Меня поражало необычайно раннее умственное развитіе у дѣтей этой расы, -- можетъ быть происходящее отъ того, что они несутъ на себѣ всѣ труды и отвѣтственность, которые между нами падаютъ на долю старшихъ. Разговаривая съ *Таэ*, мнѣ казалось, что я бесѣдую не съ ребенкомъ, а съ развитымъ, наблюдательнымъ человѣкомъ моихъ лѣтъ, Я спросилъ его, не можетъ-ли онъ сказать, -- на сколько отдѣльныхъ общинъ распадалась раса Вриля.

"Точно не знаю," отвѣчалъ онъ ", потому что число ихъ увеличивается съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ того, какъ выдѣляется избытокъ населенія. Но, по словамъ отца, за послѣднее время число отдѣльныхъ общинъ, говорящихъ нашимъ языкомъ и усвоившихъ наши обычаи и учрежденія, достигало полутора милліоновъ; о подробностяхъ лучше распроси *Зи*. Она знаетъ больше многихъ *Ана*, которые вообще мало занимаютъ тѣмъ, что ихъ близко не касается, а *Джай-и* такія любопытныя существа".

Ограничивается-ли каждая отдѣльная община тѣмъ-же числомъ семействъ, какъ у васъ"?

"Нѣтъ; нѣкоторыя значительно меньше нашей, другія -- больше, смотря по размѣру ихъ владѣній и совершенству ихъ машинъ. Каждая община держится извѣстнаго предѣла, смотря по обстоятельствамъ, и заботится прежде всего, чтобы у нихъ не развилось класса бѣдныхъ, вслѣдствіе избытка населенія, причемъ земля не могла-бы прокормить всѣхъ; кромѣ того, они строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы община не переросла извѣстнаго размѣра, при которомъ только возможно такое-же управленіе, какъ въ благоустроенной семьѣ. Кажется ни одна изъ общинъ Вриля не превосходитъ тридцати тысячъ семей. Но вообще, чѣмъ меньше община, если только народу въ ней достаточно для хорошей обработки всей ея земли, -- тѣмъ богаче ея члены, тѣмъ больше они вносятъ въ общую казну и, -- что выше всего, -- тѣмъ счастливѣе и спокойнѣе они, какъ политическое цѣлое, и тѣмъ большаго совершенства достигаютъ продукты ихъ труда. Община, которую всѣ племена *Вриля* считаютъ за высшую по развитію и которая достигла наибольшаго искусства въ пользованіи силами *вриля*, -- пожалуй самая маленькая. Она не превышаетъ четырехъ тысячъ семей; но каждый клочъ ихъ земли обработанъ, какъ садъ; ихъ машины не имѣютъ себѣ равныхъ и всѣ ихъ продукты берутся на расхватъ. Всѣ наши племена считаютъ ее своимъ образцомъ; потому что достиженіе высшаго идеала, доступнаго человѣку, заключается въ соединеніи наибольшей доли счастья, съ высшимъ развитіемъ ума; и понятно, чѣмъ меньше общество, тѣмъ легче этого достигнуть. Наша община слишкомъ велика".

Эти слова заставили меня задуматься. Я вспомнил о маленьких Афинах, с их двадцатью тысячами свободных граждан и о том умственном влиянии, которое до сих пор оказывает эта маленькая республика на самые могущественные нации мира. Но в Афинах допускалось соревнование и постоянные перемены, и к тому же, граждане их далеко не были счастливы. Оторвавшись от моих мыслей, я возвратился к нашему разговору и стал спрашивать его об эмиграции.

"Но если каждый год", сказал я, "определенное число между вами соглашается покинуть родину и основывают новые общины, то ведь их все-же очень мало и, даже при самых совершенных машинах, они вряд-ли в состоянии разчистить дикое место, устроить новые города и водворить всю ту цивилизацию, с ее удобствами жизни, к которым они привыкли с детства."

"Ты ошибаешься. Все племена Врилья находятся в постоянном общении между собою и ежегодно определяют число эмигрантов из их числа? которые должны сообща основать новую общину; место нового поселения намечается раньше, и каждый год посылаются пионеры от каждой общины для его разчистки, уничтожения скал и постройки домов; так что, когда эмигранты являются на место, они уже находят готовые дома, и подготовленную почву. Привыкая с детства к трудовой жизни, мы не боимся путешествий и опасностей. Я сам хочу эмигрировать, когда вырасту".

"Всегда-ли эмигранты выбирают ненаселенные места?"

"Да, большею частью; потому что мы никогда ничего не истребляем, -- разве вынужденные к тому необходимостью самосохранения. Конечно, мы не можем поселиться на землях, уже раньше того занятых Врилья; если-бы мы заняли обработанные земли, населенные другими племенами Ана, то нам пришлось-бы уничтожить их. Но иногда случается, что, даже при поселении на свободных землях, какое нибудь соседнее племя Ана, -- если у него господствует система Кумь-Пошь или особенно Глекь-Назь, {Кумь-Пошь -- на языке Врилья обозначает политическую систему, сходную с учреждениями Соединенных Штатов; Глекь-Назь -- противоположную ей. (Прим. перев.)} -- недовольное нашим соседством, начинает безпричинную войну, -- тогда, конечно, мы истребим его. Разве можно придти к какому нибудь соглашению с подобным народом. Еще Кум-Пошь, продолжал с оживлением ребенок, как ни плох он, все-таки не лишает их мозга и сердца; но Глекь-Назь отнимает у них все человеческое, и у них остаются только -- пасть, когти и желудок".

"Ты выражаешься сильно. Знай-же, что я сам с гордостью называю себя гражданином Кум-Поша".

"После этого я не удивляюсь", отвечал Таэ, "что ты покинул свою родину. Какое было общественное устройство в твоей стране до перехода в Кумь-Пошь?"

"Поселение эмигрантов -- подобное вашим, -- но с тою разницею, что они были в завиоимости от той страны, из которой вышли. Они свергли это иго и учредили Кумь-Пошь".

"Сколько времени действует у вас эта система?"

"Около ста лет".

"Срок жизни Ана: -- очень молодое общество. Не пройдет и ста лет, как у вас будет уже Глекь-Назь".

"Таэ, мнѣ неидеть спорить съ ребенкомъ твоего возраста. Конечно я принимаю въ соображеніе, что ты не воспитанъ среди Кумъ-Поша".

"И въ свою очередь" отвѣчалъ Таэ, съ прирожденною мягкою и величавою манерою, отличавшею его расу, "не только принимаю къ свѣдѣнію, что ты не выросъ между *Вриля*, но приношу искреннія извиненія, если я чѣмъ нибудь оскорбилъ чувства такого любезнаго *Тиша*".

Я забылъ упомянуть ранѣе, что въ семьѣ моего хозяина я обыкновенно носилъ прозвище -- *Тишъ*; это было *ласкательное имя*, обозначавшее, въ переносномъ смыслѣ, маленькаго варвара, а въ буквальномъ, -- *лягушенка*. Дѣти *Вриля* обыкновенно называютъ такъ ручныхъ маленькихъ звѣрьковъ въ родѣ лягушекъ, живущихъ въ ихъ садахъ.

Этимъ временемъ, мы приблизились къ берегу озера, и *Таэ* обратилъ мое вниманіе на слѣды опустошенія, произведеннаго въ ближайшихъ поляхъ. "Врагъ нашъ, безъ сомнѣнія, скрывается на днѣ озера", сказалъ *Таэ*. Замѣть, сколько рыбы собралось у береговъ; даже большія рыбы перемѣшались съ маленькими въ общемъ страхѣ. Это пресмыкающееся навѣрное принадлежитъ къ классу *Крекъ*, самому кровожадному изъ всѣхъ, и, какъ говорятъ, одному изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ видовъ тѣхъ первобытныхъ чудовищъ, которыя населяли міръ до появленія *Ана*. *Крекъ* отличается ненасытной прожорливостью: -- онъ безразлично пожираетъ какъ растенія, такъ и животныхъ. Его любимое блюдо *Анъ*, когда онъ можетъ захватить его въ расплохъ; вотъ почему мы беспощадно истребляемъ его въ нашихъ предѣлахъ. "Я слышалъ, что, когда наши предки впервые поселились въ этой, еще тогда невоздѣланной странѣ, -- эти чудовища, и также другія подобныя имъ, водились здѣсь во множествѣ; и такъ какъ употребленіе *вриля* было еще неизвѣстно, то многіе изъ нашей расы были пожраны ими. Послѣ того какъ мы познакомились съ употребленіемъ *вриля*, всѣ эти враждебныя намъ животныя были истреблены. Но по временамъ, какая нибудь изъ этихъ гигантскихъ ящерицъ заползаетъ сюда изъ своихъ логовищъ, за предѣлами страны, и я помню случай, когда жертвою ея сдѣлалась молодая *Гай*, купавшаяся въ этомъ самомъ озерѣ. Если-бъ она была на берегу, вооруженная своимъ жезломъ, *Крекъ* не осмѣлился бы показаться ей на глаза; подобно нашимъ другимъ дикимъ животнымъ, это пресмыкающееся обладаетъ инстинктомъ, внушающимъ ему страхъ къ тѣмъ, кто держитъ въ рукахъ жезлъ *вриля*. Пока я стою здѣсь, чудовище низачто не выйдетъ изъ своего логовища; но мы должны приманить его.

"Это будетъ довольно трудно".

"Нисколько. Садись вотъ на этотъ камень (онъ находился около трехсотъ футъ отъ берега озера), а я отойду подальше. Животное скоро увидитъ тебя, или почуетъ твое присутствіе и, видя что ты безоруженъ, двинется къ тебѣ, что бы тебя пожать. Какъ только онъ вылезетъ изъ воды, *Крекъ* будетъ моею жертвою".

"Ты хочешь сдѣлать меня приманкою для этого чудовища, которое въ одно мгновеніе проглотитъ меня въ своей пасти! Прощу извинить".

Ребенокъ засмѣялся. "Ничего не бойся, сказалъ онъ, "только сиди смирно".

Вмѣсто отвѣта я отскочилъ отъ него и хотѣлъ уже бѣжать со всѣхъ ногъ, когда *Таэ* слегка прикоснулся къ моему плечу и устремилъ на меня неподвижный взглядъ. Я сразу почувствовалъ себя, какъ бы прикованнымъ къ мѣсту; всякая воля покинула меня, и я

покорно послѣдовалъ за нимъ и сѣлъ на камень. Многіе изъ читателей вѣроятно знакомы съ явленіями, приписываемыми животному магнетизму {Авторъ еще не былъ знакомъ съ новѣйшими явленіями гипнотизма. (Прим. перев.)}; ни одинъ изъ адептовъ этого сомнительнаго искусства никогда не могъ произвести на меня малѣйшаго впечатлѣнія, но я оказался бездушнымъ автоматомъ въ рукахъ этого ребенка. Между тѣмъ онъ распустилъ свои крылья, поднялся на воздухъ и скрылся въ кустахъ на вершинѣ холма, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ меня.

Я былъ одинъ; въ неописанномъ ужасѣ я повернулъ голову по направленію къ озеру и неподвижно, какъ очарованный, уставился глазами на его поверхность. Прошло минутъ десять, или пятнадцать, показавшихся мнѣ вѣками, -- когда въ центрѣ его гладкой поверхности, освѣщенной отблескомъ фонарей, стало замѣтно легкое движеніе. Въ то-же время рыбы, собравшіяся у берега, почуявъ приближеніе врага, стали метаться во всѣ стороны; послышались всплески, и я замѣтилъ, что нѣкоторыя даже выбросились на песокъ. Длинная, волнующаяся борозда показалась на водѣ и стала приближаться къ берегу, все ближе и ближе, пока наконецъ не вылѣзла громадная голова чудовища: страшные клыки, какъ щетина, торчали въ его пасти, и оно уставило свои голодные, безжизненные глаза на то мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, какъ пригвожденный. Вотъ уже его переднія ноги показались на берегу, потомъ -- грудь, покрытая до сторонамъ чешуей, точно броню, съ тускло желтою кожей посрединѣ; наконецъ вся эта масса, около ста футъ длиною, была уже на землѣ. Еще одинъ шагъ этихъ гигантскихъ ногъ, и оно было-бы около меня. Казалось одно мгновенье отдѣляло меня отъ этой ужасной смерти, -- когда въ воздухѣ блеснула точно молнія, поразила чудовище и втеченіе неуловимаго момента охватила его огнемъ. Свѣтъ исчезъ, и предо мною лежала какая то обугленная, безформенная масса, еще дымившаяся, но уже быстро разсыпавшаяся въ прахъ. Я сидѣлъ, какъ пригвожденный, охваченный смертельнымъ холодомъ; ужасъ мой теперь перешелъ въ оцѣпенѣніе.

Я почувствовалъ прикосновеніе ребенка къ своему плечу: -- очарованіе кончилось, я поднялся съ мѣста. "Теперь ты видишь, какъ легко Врилья уничтожаютъ своихъ враговъ", сказалъ Таэ; потомъ онъ подошелъ къ дымившимся остаткамъ чудовища и, взглянувъ на эту массу, продолжалъ спокойнымъ голосомъ: "мнѣ случалось уничтожать гадовъ еще крупнѣе этого, но никогда это не доставляло мнѣ такого удовольствія. Да, это былъ *Крекъ*; сколько страданій онъ причинилъ, пока существовалъ!" Затѣмъ онъ поднялъ съ земли выбросившихся изъ воды рыбокъ и возвратилъ ихъ родному элементу.

XIX.

Послѣ рассказаннаго приключенія, въ которомъ мы участвовали вмѣстѣ съ Таэ, -- этотъ ребенокъ сталъ часто навѣщать меня въ домѣ Афъ-Лина; онъ видимо привязался ко мнѣ, и я платилъ ему тѣмъ-же. Ему еще не было двѣнадцати лѣтъ, а серьезныя научныя занятія, которыми у нихъ завершается періодъ дѣтства, начинаются только послѣ этого возраста; такъ что, по умственному развитію, я ближе подходилъ къ нему, чѣмъ къ взрослымъ представителямъ его расы и особенно къ *Джай-и*, изъ которыхъ выдавалась высокоученая *Зи*. Дѣти *Врилья*, -- облеченныя такими многотрудными и отвѣтственными обязанностями, -- не отличаются особенною веселостью; но *Таэ*, при всей его даровитости, обладалъ тѣмъ добродушнымъ юморомъ, который мы часто

встрѣчаемъ между гениальными стариками. Онъ находилъ такое же удовольствіе въ моемъ обществѣ, какое нашъ мальчикъ, одного съ нимъ возраста, -- испытываетъ въ товариществѣ любимой собаки, или обезьяны. Ему доставляло такое же удовольствіе -- обучать меня разнымъ обыденнымъ приѣмамъ въ жизни своего народа, какое испытывалъ мой племянникъ, заставляя своего пуделя ходить на заднихъ лапкахъ, или скакать черезъ кольцо. И охотно соглашался на всѣ такія опыты; но никогда не могъ сравняться по успѣхамъ съ пудлемъ. Въ началѣ, меня очень заинтересовало примѣненіе крыльевъ, которыми пользуются у нихъ съ такою-же легкостью самыя маленькія дѣти, какъ мы руками или ногами; но всѣ мои попытки въ этомъ направленіи привели только къ серьезнымъ ушибамъ, и я поневолѣ долженъ былъ оставить ихъ.

Эти крылья, какъ я уже говорилъ, очень большаго размѣра и достигаютъ до колѣнъ; сложенные на спинѣ они образуютъ родъ плаща или эпанчи, очень красивой формы. Они дѣлаются изъ перьевъ гигантской птицы, которая водится въ окрестныхъ горахъ; цвѣтъ ихъ большею частью бѣлый, но иногда съ красными полосами. Крылья эти укрѣпляются къ плечамъ, помощію весьма легкихъ, но сильныхъ пружинъ; и когда они распускаются, то руки сами собой входятъ въ петли, приспособленныя съ ихъ нижней стороны и представляющія какъ бы части срединной перепонки. Верхняя часть ихъ туники снабжена подкладкою изъ мелкихъ трубокъ, которыя, посредствомъ особаго механическаго приспособленія, надуваются при подъемѣ рукъ и служатъ какъ-бы пузырями, что бы поддерживать ихъ па воздухѣ. Какъ самыя крылья, такъ и этотъ поддерживающій приборъ сильно заряжены *врилемъ* и, при подъемѣ на воздухъ, тѣло какъ бы теряетъ свою тяжесть. Я не встрѣчалъ затрудненія въ подъемѣ; разъ были подняты крылья -- это уже достигалось само собою; но тутъ начиналась опасная часть моихъ попытокъ. Мнѣ никакъ не удавалось регулировать дальнѣйшее дѣйствіе крыльевъ, хотя между своими я считался ловкимъ въ разныхъ атлетическихъ упражненіяхъ и искуснымъ пловцемъ. Всѣ мои попытки ограничивались безуспѣшными, неуклюжими усиліями. Я былъ во власти крыльевъ, а не они -- въ моей; и когда, помощію отчаянныхъ усилій, мнѣ наконецъ удавалось остановить ихъ движеніе и приблизить ихъ къ моему тѣлу, то исчезала поддерживающая меня сила, и я низвергался на землю, точно воздушный шаръ, изъ котораго былъ выпущенъ газъ; и только благодаря спазмотическимъ усиліямъ, вызваннымъ ужасомъ, я отдѣлался при этомъ изряднымъ, ошеломившимъ меня ушибомъ и не разбился въ куски. Несмотря на эти неудачи, я готовъ былъ продолжать мои попытки; но въ этомъ меня удержала милосердная *Зи*, сопровождавшая меня во время этихъ жалкихъ опытовъ летанія; и, только благодаря своевременной поддержкѣ ея крыльевъ, я не разможилъ себѣ голову о вершину пирамиды, во время послѣдней изъ такихъ попытокъ.

"Я вижу", сказала она при этомъ, "что всѣ твои попытки безнадежны; причина этому -- не въ какомъ либо недостаткѣ крыльевъ, или въ несовершенствѣ твоего сложенія; но въ органически присущемъ тебѣ и непоправимомъ недостаткѣ сосредоточенія *воли*. Ты долженъ знать, что таинственная связь, существующая между такимъ *сосредоточеніемъ воли* и силою *врилиа*, не сразу сдѣлалась достояніемъ нашего племени; потребовалось много поколѣній, передававшихъ своимъ дѣтямъ зачатки этой способности, которая постепенно изоцрѣлась и наконецъ сдѣлалась у насъ, какъ-бы прирожденнымъ инстинктомъ; такъ что маленькое дитя нашей расы также безсознательно стремится

летать, какъ и ходить. Неудивительно, что оно при этомъ съ такою же увѣренностью пользуется своими искусственными крыльями, какъ птица -- данными ей природой. Я не подумала объ этомъ, когда допустила тебя до такихъ опасныхъ опытовъ; но мнѣ хотѣлось, что бы ты былъ моимъ товарищемъ въ полетахъ. Конечно, они должны быть оставлены теперь. Твоя жизнь дѣлается слишкомъ дорога для меня". При этомъ голосъ и выраженіе лица *Гай* особенно смягчились, и я почему то почувствовалъ еще больший страхъ, чѣмъ во время моихъ неудачныхъ опытовъ летанія.

Говоря о крыльяхъ, я долженъ упомянуть объ одномъ существующемъ между *Джай-и* обычаѣ , подъ которымъ скрывается довольно трогательная мысль. Во время своего дѣвства, *Гай* постоянно носить крылья; она принимаетъ участіе вмѣстѣ съ *Ана* въ тѣхъ граціозныхъ воздушныхъ играхъ, о которыхъ я говорилъ, и пускается съ необычайною смѣлостью въ дальнія воздушныя путешествія, въ самыя дикія страны этого подземнаго царства; и въ этомъ отношеніи она превосходитъ болѣе грубый полъ. Но со дня брака, она оставляетъ свои крылья и сама вѣшаетъ ихъ надъ супружескимъ ложемъ, гдѣ они и остаются безъ употребленія до тѣхъ поръ, пока смерть, или разводъ не разрушаютъ брачнаго союза.

Когда въ глазахъ и голосѣ *Зи* обнаружилась та нѣжность, которой я такъ испугался, въ какомъ-то предчувствіи грозящей мнѣ опасности, -- *Таэ*, сопутствовавшей мнѣ во время полетовъ и въ своей игривости забавлявшійся моими неудачами, -- засмѣялся, услышавъ ея послѣднія слова, и сказалъ съ дѣтскимъ простодушіемъ: -- "Если Тишъ и не выучится летать, *Зи*, -- ты всетаки можешь быть его товарищемъ, повѣсивъ на стѣну свои крылья".

XX.

Я уже нѣсколько времени замѣтилъ, что ученая и величественная дочь моего хозяина выказывала ко мнѣ то нѣжное участіе, которое, по безконечному милосердію Провидѣнія, свойственно всѣмъ женщинамъ, какъ на землѣ, такъ и подъ землею. До послѣдняго времени, я смѣшивалъ его съ тѣмъ чувствомъ любви къ домашнимъ животнымъ, которымъ всегда отличается женщина, наравнѣ съ ребенкомъ. Теперь-же, къ моему большому огорченію, я убѣдился, что то чувство, которымъ удостоивала меня, ничего не имѣло общаго -- съ питаемымъ ко мнѣ *Таэ*. Но это убѣжденіе нисколько не льстило моему тщеславію, какъ обыкновенно бываетъ у мужчинъ, обратившихъ на себя благосклонное вниманіе прекраснаго пола; напротивъ, оно пробуждало во мнѣ чувство страха. Если изъ всѣхъ женщинъ этого общества *Зи* выдавалась своею ученостью и силою, то, по всѣмъ отзывамъ, она кромѣ того отличалась своею кротостью и пользовалась всеобщою любовью. Все ея существо, казалось, было проникнуто однимъ желаніемъ -- оказать помощь, защиту, утѣшеніе... Хотя тѣ многосложныя горести, начало которыхъ скрыто въ бѣдности и порокѣ -- неизвѣстны въ соціальномъ строѣ *Вриля*, но еще ни одному ученому между ними не удалось найти во *вриле*, такую силу, которая-бы окончательно изгнала изъ ихъ жизни всѣ тѣ печали, которымъ бываетъ подверженъ человѣкъ; и во всѣхъ такихъ случаяхъ, *Зи* была первою утѣшительницею. Если какая нибудь изъ *Джай-и* являлась жертвою отверженной любви, *Зи* употребляла всѣ силы своего ума и сердца, чтобы смягчить ея горестъ и доставить ей утѣшеніе. Въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда кто нибудь изъ дѣтей, или юношества подвергался

опасной болѣзни или (что еще бывало рѣже) ктонибудь изъ нихъ былъ пораненъ, -- во время ихъ довольно опасной службы, -- она забывала свои научныя занятія и развлечения, и превращалась въ самаго внимательнаго врача и неутомимую сидѣлку. Она часто совершала полеты къ самымъ отдаленнымъ предѣламъ ихъ владѣній, -- гдѣ дѣти занимали сторожевые пункты, въ виду какихънибудь неожиданныхъ подземныхъ переворотовъ, или вторженія кровожадныхъ животныхъ, -- чтобы предупредить ихъ вовремя о грозившей опасности и оказать нужную помощь. Даже въ ея научныхъ занятіяхъ преобладало это стремленіе къ благодѣянію. Если ей случалось узнать о какомънибудь новомъ открытіи, могущемъ быть полезнымъ человѣку, специально занимавшемуся извѣстнымъ искусствомъ, или ремесломъ, -- она спѣшила передать ему всѣ новыя свѣдѣнія. -- Если какойнибудь престарѣлый членъ коллегіи ученыхъ изнемогалъ отъ чрезмѣрнаго труда въ разрѣшеніи какойнибудь сложной научной задачи, -- она приходила къ нему на помощь, брала на себя самую кропотливую часть работы, ободряла, помогала ему своими совѣтами, свѣтлыми мыслями, однимъ словомъ, -- дѣлалась какъ-бы его добрымъ гениемъ и вдохновительницею. Тоже самое чувство неизсякаемой доброты она проявляла и по отношенію къ нисшимъ животнымъ. Я часто видѣлъ, какъ она приносила домой какоенибудь пораненое животное и ухаживала за нимъ съ такою-же нѣжностью, какъ мать за больнымъ ребенкомъ. Случалось также, что сидя на балконѣ, или въ висячемъ саду, въ который выходило окно моей комнаты, -- я видѣлъ ее парящею въ воздухѣ, и вскорѣ послѣ того цѣлыя толпы дѣтей устремлялись къ ней съ радостными криками, летая и рѣзвясь вокругъ нея, какъ около своего центра, въ самыхъ причудливыхъ и граціозныхъ группахъ. Когда мнѣ случалось гулять съ нею по окрестностямъ города, мѣстные олени, издали почуявъ ея приближеніе, подбѣгали къ ней въ ожиданіи ласки и слѣдовали за ней по пятамъ, пока она не отгоняла ихъ понятнымъ имъ знакомъ руки. Между незамужними *Джай-и*, въ обычаѣ носить на головѣ небольшой вѣнчикъ или діадему, украшенную камнями, похожими на опаль, которые расположены въ видѣ звѣзды. Обыкновенно они не издаютъ блеска; но если къ нимъ прикоснется жезлъ *вриля*, -- они загораются яснымъ, ровнымъ свѣтомъ. Они служатъ имъ украшеніемъ во время ихъ празднествъ и замѣняютъ лампу, если, во время ихъ частыхъ полетовъ, имъ случается занестись въ такое мѣсто, куда не достигаешь свѣтъ ихъ фонарей. Мнѣ случалось видѣть *Зи*, когда ея величественное, задумчивое лицо освѣщалось этою лучезарною короной, -- тогда мнѣ казалось, что предо мною неземное существо и я готовъ былъ преклониться, въ обожаніи этого чуднаго видѣнія. Но ни разу еще въ моемъ сердцѣ не пробуждалось чувство земной любви къ этому возвышенному идеалу женщины. Можетъ быть тутъ сказывалось и вліяніе гордости, свойственное мужчинамъ моей расы, которое не допускаетъ въ немъ проявленія чувства любви къ женщинамъ, настолько превосходящей его во всѣхъ отношеніяхъ. Но какія чары могли заставить это удивительное созданіе, -- эту дочь высокой расы, достигшей такого недостигаемаго величія и смотрѣвшей съ такимъ презрѣніемъ на всѣ остальные человѣческія племена, -- что могло побудить ее почитать меня своею склонностью? Хотя я считался довольно красивымъ между моими соотечественниками, но и красивѣйшій изъ нихъ показался-бы ничтожнымъ и пошлымъ рядомъ съ мужчинами племени *Вриля*.

Новизна, самыя особенности расы, выдѣлявшія меня изъ среды другихъ, какъ читатель увидитъ далѣе, могли подѣйствовать на юную фантазію другой молодой *Гай*, едва вышедшей изъ своего дѣтства и во всѣхъ отношеніяхъ стоявшей ниже *Зи*. Но всякій, слѣдившій за моимъ слабымъ описаніемъ необыкновенныхъ качествъ дочери *Афъ-лина*, легко пойметъ, что главная причина ея склонности ко мнѣ заключалась въ прирожденномъ ей стремленіи -- къ помощи, защитѣ, къ поддержкѣ и, наконецъ, къ возвышенію до себя существа слабѣйшаго. Оглядываясь назадъ, я могу объяснить только подобнаго рода побужденіемъ эту единственную слабость, которую проявила одна изъ дочерей *Вриля* въ своей привязанности къ гостю ея отца. Но какова бы ни была причина этой привязанности, уже одно сознаніе, что и могъ внушить ее такому недостижимому для меня во всѣхъ отношеніяхъ существу, -- наполняло меня нравственнымъ ужасомъ; и къ этому ужасу, я долженъ сознаться къ своему стыду, примѣшивалось и недостойное чувство страха, предъ тѣми опасностями, которымъ она меня подвергала.

Развѣ на одно мгновеніе можно было допустить мысль, чтобы ея родители и родственники могли посмотрѣть безъ негодованія и омерзѣнія на возможность союза между такимъ возвышеннымъ существомъ и презрѣннымъ *Тишемъ*? Конечно но въ ихъ власти было наказать ее, или удержать, Насиліе одинаково не мыслимо, какъ въ ихъ семейной, такъ и общественной жизни; но они могли прекратить ея увлеченіе однимъ взмахомъ направленнаго на меня, жезла *вриля*.

Обуреваемый этими печальными мыслями, я все таки сознавалъ, что совѣсть и честь моя не могли съ этой стороны подвергнутся какому либо нареканію. Моя прямая обязанность, если-бы *Зи* продолжала обнаруживать свою склонность, была, -- сообщить обо всемъ моему хозяину, конечно соблюдая при этомъ всю деликатность воспитаннаго человѣка. При этомъ я буду, по крайней мѣрѣ, избавленъ отъ всякихъ подозрѣній, что я раздѣляю чувства *Зи*; и мудрый умъ моего хозяина вѣроятно укажетъ ему, -- какъ мнѣ выпутаться изъ такого опаснаго положенія. Принявъ такое рѣшеніе, я дѣйствовалъ подъ вліяніемъ обыкновенныхъ побужденій образованнаго и нравственнаго человѣка нашего общества, который, какъ ни заблуждается онъ, -- всегда однако поступаетъ по совѣсти, если только его склонности, личныя выгоды и безопасность указываютъ ему именно такой образъ дѣйствія.

XXI.

Какъ уже, вѣроятно, замѣтилъ читатель, *Афъ-Линъ* не одобрялъ моихъ непосредственныхъ сношеній съ его соотечественниками. Хотя онъ и полагался на мое обѣщаніе -- не сообщать никакихъ свѣдѣній о томъ мірѣ, изъ котораго я появился, -- а еще болѣе на обѣщаніе другихъ -- не задавать мнѣ подобныхъ вопросовъ (какъ было съ *Таэ*), но онъ все же не былъ вполнѣ увѣренъ, что, при свободномъ сношеніи съ посторонними лицами, любопытство которыхъ будетъ возбуждено моею наружностью, я не буду достаточно остороженъ въ своихъ отвѣтахъ. Поэтому я никогда не выходилъ одинъ; меня всегда сопровождали кто нибудь изъ семейства хозяина, или *Таэ*.

Жена *Афъ-Лина*, *Бра*, рѣдко выходила за предѣлы сада, окружающаго его домъ; она очень любила старинную литературу; ей нравился тотъ романтическій элементъ и большая доля фантазіи, которымъ были проникнуты эти сочиненія и которые отсутствовали въ новѣйшихъ книгахъ; ее привлекали говорившія ея воображенію

картины совершенно чуждой ей жизни, -- болѣе похожей на нашу и, пожалуй, производившія на нее такое же впечатлѣніе, какъ Арабскія сказки -- на насъ. Но любовь къ чтенію не отвлекала *Бра* отъ ея прямыхъ обязанностей, какъ хозяйки самаго большаго дома въ городѣ. Каждый день она обходила весь домъ и слѣдила за тѣмъ что-бы автоматы и другія домашнія механическія устройства были въ полномъ порядкѣ; не мало заботъ она прилагала и къ дѣтямъ, занятымъ въ домѣ *Афъ-Луна*; она также просматривала всѣ счеты по его фермамъ и съ особеннымъ увлеченіемъ помогала *Афъ-Лину* въ его занятіяхъ, какъ завѣдующему освѣщеніемъ страны. Всѣ эти занятія не позволяли ей почти выходить изъ дому. Два ихъ сына оканчивали свое образованіе въ *коллегіи ученыхъ*, старшій, питавшій склонность къ механикѣ, особенно же къ устройству часовыхъ механизмовъ и автоматовъ, рѣшилъ посвятить себя этому дѣлу и теперь былъ занятъ устройствомъ лавки или склада, гдѣ-бы онъ могъ выставить и продавать свои изобрѣтенія. Младшій предпочиталъ всему земледѣліе, и все свободное время отъ занятій въ *коллегіи*, гдѣ онъ изучалъ теорію сельскаго хозяйства, посвящалъ практическимъ работамъ на фермѣ своего отца. Изъ этого видно, насколько равенство установилось въ этой странѣ. *Афъ-Линъ* считался самымъ богатымъ членомъ общины, и въ то-же время его старшій сынъ, вмѣсто какого другого, болѣе виднаго занятія, предпочиталъ быть простымъ часовщикомъ, не возбуждая такимъ выборомъ ничье удивленіе.

Этотъ молодой человѣкъ очень заинтересовался моими часами, устройство которыхъ было совершенно ново для него; и онъ былъ въ восторгѣ, когда я подарилъ ихъ ему. Черезъ нѣсколько времени онъ отвѣтилъ мнѣ болѣе цѣннымъ подаркомъ -- въ видѣ часовъ своей конструкции, которые одновременно показывали наше время и -- принятое у *Врильа*. Эти часы до сихъ поръ у меня, и они вызывали удивленіе между лучшими часовщиками Лондона и Парижа. Они золотые, съ алмазными стрѣлками и цифрами и, по простествіи каждаго часа, играютъ мелодію, весьма распространенную между *Врильа*, они заводятся только разъ въ десять мѣсяцевъ и отличаются вѣрностью. Такъ какъ оба молодыхъ человѣка были заняты, то обычными спутниками въ моихъ прогулкахъ были мой хозяинъ, или его дочь. Во исполненіе разъ принятаго мною благороднаго рѣшенія, я теперь всячески старался уклониться отъ приглашеній *Зи* на такія прогулки и, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, когда эта ученая *Гай* читала лекцію въ *коллегіи ученыхъ*, обратился къ моему хозяину съ просьбою -- показать мнѣ его ферму. Она находилась въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города, и такъ какъ *Афъ-Линъ* не любилъ ходить пѣшкомъ, а я благоразумно отказался отъ всякихъ дальнѣйшихъ попытокъ летанія, то мы отправились къ мѣсту нашего назначенія въ одномъ изъ воздушныхъ экипажей, принадлежавшихъ моему хозяину. Онъ былъ сдѣланъ изъ какого-то чрезвычайно легкаго матеріала и наружнымъ видомъ походилъ на нашу лодку съ румпелемъ и рулемъ, но снабженную большими крыльями, приводившимися въ движеніе особымъ механизмомъ, дѣйствовавшимъ *врилемъ*. Восемилѣтній мальчикъ сидѣлъ на рулѣ; раскинувшись на мягкихъ подушкахъ внутри нашего воздушнаго экипажа, я находилъ этотъ способъ передвиженія весьма легкимъ и пріятнымъ.

"*Афъ-Линъ*", сказалъ я, "могу-ли я просить твоего разрѣшенія -- посѣтить нѣкоторыя изъ другихъ общинъ вашего знаменитаго племени? Мнѣ хотѣлось-бы также познакомиться и съ другими народностями, которыя не признаютъ вашихъ учреждений

и которых вы считаете дикими. Для меня представляет особый интерес -- уяснить себѣ разницу, существующую между ними и тѣми племенами на поверхности земли, которыхъ мы признаемъ цивилизованными".

"Ты не можешь ѣхать одинъ въ эти мѣста", сказала *Афъ-Линъ*. "Даже между *Врильа* ты подвергаешься опасности. Особенности сложенія и цвѣта кожи и щетинистая растительность на твоихъ щекахъ и подбородкѣ, рѣзко отличающія тебя отъ всѣхъ извѣстныхъ видовъ *Ана*, не только между нами, но и среди варваровъ, -- сразу привлекутъ вниманіе *коллегии ученыхъ*, во всякой изъ посѣщенныхъ тобою общинъ *Врильа* и дальнѣйшее рѣшеніе вопроса, т. е. -- встрѣтишь-ли ты радушный пріемъ, какъ у насъ, или тебя подвергнуть диссекціи, -- будетъ уже зависть отъ личнаго взгляда какого нибудь ученаго. Ты долженъ знать, что когда *Туръ* въ первый разъ привелъ тебя въ свой домъ, онъ собралъ во время твоего сна совѣтъ ученыхъ; и они раздѣлились во мнѣніи: -- принадлежишь-ли ты къ вреднымъ, или безвреднымъ животнымъ. Для разъясненія вопроса, во время твоего сна, были изслѣдованы твои зубы, и часть ихъ обличала плотоядное животное. Всѣ подобныя животныя твоего размѣра признаются у насъ вредными и всегда истребляются. Наши зубы, какъ ты могъ замѣтить, не плотоядной формы. *Зи* вмѣстѣ съ другими учеными утверждаетъ, что въ отдаленныя времена, когда *Анъ* еще питался мясомъ животныхъ, -- его зубы были приспособлены для такой пищи. Но и допуская это, несомнѣнно, что они совершенно измѣнились путемъ долгой наслѣдственной передачи; даже самые необразованные народы, усвоившіе себѣ дикое учрежденіе *Глекъ-Назъ*, и тѣ не питаются мясомъ, подобно кровожаднымъ животнымъ".

"Во время диспута, возникшаго между учеными, было рѣшено подвергнуть тебя анатомическому изслѣдованію; по *Таэ* вымолилъ тебѣ пощаду, и *Туръ*, будучи, уже по своему офиціальному положенію, противникомъ всякихъ новыхъ опытовъ, особенно въ связи съ уничтоженіемъ жизни (допускаемымъ у насъ только въ крайности), -- послалъ за мною. На моей обязанности, какъ самага богатаго человѣка въ общинѣ, лежитъ пріемъ путешественниковъ изъ дальнихъ странъ; и мнѣ предстояло рѣшить вопросъ -- можно-ли съ безопасностью принять въ свой домъ подобнаго чужестранца. Если-бъ я отказался отъ этого, -- тебя передали-бы въ *коллегию ученыхъ*, и о дальнѣйшей своей судьбѣ ты можешь самъ догадаться. Кромѣ всего указаннаго мною, ты подвергаешься еще другой опасности, во время путешествій; ты можешь встрѣтиться съ какимъ нибудь четырехъ-лѣтнимъ ребенкомъ, которому только что дали въ руки жезль *вриля*, и который, испугавшись твоего наружнаго вида, можетъ моментально обратить тебя въ пепель. Если-бъ его не удержалъ отецъ, *Таэ*, при первомъ свиданіи, также поступилъ-бы съ тобою. Поэтому я и говорю, что для тебя немислимо путешествовать одному; но, вмѣстѣ съ *Зи*, ты будешь въ полной безопасности; и я увѣренъ, что она согласится, если я ее попрошу, -- объѣхать съ тобою нѣкоторыя изъ сосѣднихъ общинъ *Врильа*. О поѣздкахъ къ дикимъ народамъ конечно и думать нечего".

Такъ какъ главная моя цѣль была именно бѣжать общества *Зи*, то я воскликнулъ съ поспѣшностью: "нѣтъ, не нужно просить ее! Я отказываюсь отъ своего намѣренія, въ виду предстоящихъ опасностей. Да я полагаю, кромѣ того, -- врядъ-ли будетъ удобно, что бы столь привлекательная молодая *Гай*, какъ твоя очаровательная дочь, пустилась въ такое опасное путешествіе подъ защитою слабаго *Тиша*".*

Афъ-Линъ, прежде чѣмъ отвѣчать мнѣ, издалъ какой-то слабый звукъ, отдаленно напоминавшій нашъ смѣхъ: "я долженъ просить извиненіе моего гостя, что его серьезное замѣчаніе вызвало мой смѣхъ. Но мнѣ показалось до нельзя забавною идея, что *Зи*, вся отдававшаяся покровительству другихъ и которую дѣти прозвали своею "защитницей", -- можетъ нуждаться въ охранѣ отъ опасностей, вызванныхъ поклоненіемъ мужчинъ. Ты долженъ знать, что наши *Джай-и*, до своего замужества, совершаютъ постоянныя путешествія между разными племенами *Врильа*, съ цѣлью найти *Ана*, который бы имъ понравился больше своихъ. *Зи* уже совершила три такихъ путешествія; но сердце ея до сихъ поръ свободно".

Тутъ повидимому представился удобный случай, котораго я искалъ, и я сказалъ прерывающимся голосомъ: -- "простишь-ли ты меня, мой добрый хозяинъ, если то, что я выскажу оскорбитъ тебя".

"Говори только правду; и если она оскорбитъ меня, то извиненія должны быть съ моей стороны".

"Пособи мнѣ уйти отсюда; какъ ни поражаютъ меня всѣ видѣнныя здѣсь чудеса цивилизаціи, то блаженное существованіе, котораго вы достигли... отпусти меня къ моему народу!"

"Врядъ-ли это будетъ возможно; и во всякомъ случаѣ необходимо разрѣшеніе *Тура*, который врядъ-ли дастъ его. Ты не лишень понятливости; ты можетъ быть скрылъ отъ насъ (хотя я и сомнѣваюсь въ этомъ) тѣ силы разрушенія, которыми обладаетъ твой народъ; однимъ словомъ, ты можешь навести на насъ опасность. Если *Туръ* прійдетъ къ такому заключенію, его прямая обязанность или покончить съ тобой, или запереть тебя на всю жизнь въ желѣзную клѣтку. Но что же заставляетъ тебя покинуть общество, которое, по твоимъ-же словамъ, достигло высшаго предѣла счастья".

"О *Афъ-Линъ*! отвѣтъ мой будетъ простъ. Я не хочу злоупотреблять твоимъ гостепрѣимствомъ; если вслѣдствіе случайнаго каприза, и это зачастую бываетъ между нашими женщинами, и отъ него не всегда свободны и *Джай-и*, если твоя божественная дочь, почтила меня, -- *Тиша*, -- своимъ благосклоннымъ вниманіемъ...и...и..."

"И желаетъ вступить съ тобой въ бракъ?" добавилъ *Афъ-Линъ*, совершенно спокойно и безъ признака удивленія.

"Ты сказалъ это".

"Да, это было-бы несчастье", продолжалъ мой хозяинъ, помолчавъ немного, "и ты поступилъ разумно, предупредивъ меня. Случается, какъ ты говоришь, что незамужняя *Гай* обнаруживаетъ странныя склонности; но не существуетъ силы, которая могла-бы заставить ее поступить противъ ея желанія. Мы можемъ только убѣждать ее, и опытъ показалъ, что даже убѣжденія цѣлой *коллегии ученыхъ* ни къ чему бы не привели, если вопросъ касается предмета любви *Гай*. Мнѣ жаль тебя, потому что бракъ будетъ противень *А-Глауранъ*, или общественному благу, и дѣти отъ такого союза будутъ способствовать къ ухудшенію расы; они даже могутъ появиться на свѣтъ съ зубами плотоядныхъ животныхъ. Этого нельзя допустить; *Зи*, какъ *Гай*, удержать невозможно; но тебя, какъ *Тиша*, можно уничтожить. Я совѣтую тебѣ всякими способами противустоять ея исканіямъ и прямо объявить, что ты не можешь отвѣчать на ея любовь. У насъ постоянно бываютъ такіе случаи. *Анъ* часто избавляется отъ

преслѣдованій влюбленной *Гай* тѣмъ, что женится на другой. Ты можешь поступить такъ-же".

"Нѣтъ; потому что я не могу жениться на другой *Гай*, безъ вреда для общества и риска появленія на свѣтъ плотояднаго потомства".

"Это правда. Все, что я могу сказать, -- и я говорю это откровенно и съ полнымъ сочувствіемъ къ тебѣ, какъ моему гостю, -- остерегайся, или ты будешь превращенъ въ пепель. Я предоставляю тебѣ самому -- выбрать лучшей образъ дѣйствія. Пожалуй ты можешь сказать *Зи*, что она безобразна. Такого рода мнѣніе, высказанное любимымъ существомъ, обыкновенно охлаждаетъ самую пылкую *Гай*. Но вотъ и ферма".

XXII.

Я долженъ сознаться, что мой разговоръ съ *Афъ-Линомъ* и, особенно, то равнодушіе, съ которымъ онъ относился къ грозившей мнѣ опасности -- быть обращеннымъ въ пепель, -- благодаря безумной любви его дочери, отравили все то удовольствіе, которое иначе доставилъ-бы мнѣ обзоръ фермы моего хозяина, съ ея удивительными земледѣльческими машинами, замѣнившими здѣсь всякій ручной трудъ.

Внѣшній видъ дома ничего не имѣлъ общаго съ массивнымъ и нѣсколько мрачнымъ городскимъ жилищемъ *Афъ-Лина*, частью выдолбленнымъ въ скалѣ, какъ и значительная часть всего города. Стѣны его состояли изъ посаженныхъ на извѣстномъ разстояніи деревьевъ, въ промежуткахъ между которыми были вставлены листы изъ полупрозрачнаго металлическаго вещества, замѣняющаго у нихъ стекло. Деревья были покрыты цвѣтами, что производило поразительный эффектъ. У дверей дома насъ встрѣтилъ автоматъ и проводилъ въ комнату: -- нѣчто подобное, какъ сквозь сонъ иногда представлялись мнѣ въ моихъ грезахъ, когда мнѣ случалось лежать лѣтомъ въ саду. Это былъ какой-то волшебный уголокъ -- ни то комната, ни то садъ; стѣны ея представляли одну массу вьющихся растений, покрытыхъ цвѣтами. Въ пустыя пространства между ними, замѣняющія у нихъ окна, открывались самые разнообразныя виды: -- обширныя ландшафты съ озерами и скалами; другія -- вели въ особыя наружныя пристройки, въ родѣ нашихъ оранжерей, утопающія въ цвѣтахъ. По стѣнамъ комнаты шли цвѣточныя клумбы, съ разставленными между ними низкими диванами. По срединѣ ея билъ фонтанъ той самой свѣтящейся, отливающей розовымъ цвѣтомъ, жидкости, о которой я уже упоминалъ; она наполняла комнату какимъ-то розовымъ полусвѣтомъ. Все пространство вокругъ фонтана было покрыто толстымъ слоемъ самага мягкаго мха нѣжнаго коричневаго цвѣта (зеленый цвѣтъ не встрѣчался мнѣ среди растительности этой страны), на которомъ глазъ отдыхалъ съ такимъ-же чувствомъ успокоенія, какъ на зелени нашихъ луговъ. На цвѣтахъ, въ наружныхъ верандахъ, или оранжереяхъ, сидѣла масса поющихъ птицъ, которыя наполняли воздухъ самыми мелодическими звуками. Потолка въ комнатѣ не было. Вся эта сцена была полна разнообразной прелести, услаждавшей каждое чувство... пѣніе птицъ, ароматъ цвѣтовъ, чудныя виды повсюду. Она наводила чувство какого то сладострастнаго покоя. Вотъ гдѣ можно, подумалъ я, провести очаровательный медовый мѣсяцъ, если-бъ *Джай-и* не были-бы такъ страшны своими женскими правами и мужскою силою! Но когда я представлялъ себѣ такую высокую и такую ученую величественную *Гай*, превосходившую всякій, доступный намъ, идеаль женщины -- однимъ словомъ *Зи*... даже, если-бъ не опасность быть

превращеннымъ въ пепель... нѣтъ... и тогда въ своей мечтѣ я не могъ вообразить ее вмѣстѣ съ собою, въ этомъ уголкѣ, созданномъ для поэзіи любви.

Въ это время въ комнатѣ появился автоматъ и поставилъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ чудесныхъ напитковъ, которые замѣняютъ вино между *Врильа*.

"По истинѣ", сказалъ я, "это очаровательное жилище, и меня удивляетъ, -- отчего ты не поселишься здѣсь, вмѣсто мрачнаго города".

"Я отвѣчаю передъ обществомъ за непрерывное освѣщеніе страны, и потому я долженъ жить въ городѣ; сюда я могу пріѣзжать только по временамъ".

"Но я понялъ изъ твоихъ словъ, что эта довольно безпокойная должность не соединена ни съ какими почестями; зачѣмъ-же ты принялъ ее?"

"Каждый изъ насъ непрекословно повинуется *Туру*. Онъ сказалъ: "просить, чтобы *Афъ-Линъ* взялъ на себя завѣдываніе освѣщеніемъ", и мнѣ ничего болѣе не оставалось, какъ исполнить его желаніе; но, прослуживъ долгое время въ этой должности, я привыкъ къ ея обязанностямъ и онѣ меня не тяготятъ. Насъ создаетъ привычка -- даже различіе нашей расы отъ дикарей является, какъ-бы долго передаваемой, укоренившейся привычкой, которая, путемъ такой наслѣдственной передачи, дѣлается частью нашей природы. Ты видишь, что между нами находятся *Аны*, готовые примириться даже съ обязанностью правителя; но конечно никто не пошелъ-бы на эту должность, если-бы непрекословное повиновеніе просьбамъ *Тура* не облегчало исполненіе этихъ обязанностей".

"Даже въ томъ случаѣ, -- если его просьбы неразумны, или несправедливы?"

"Намъ никогда не приходитъ въ голову подобная мысль; у насъ все идетъ такъ, какъ будто мы управляемся издревле укоренившимся обычаемъ, и давленіе власти не чувствуется".

"Когда правитель умираетъ или отказывается отъ своей должности, какъ вы находите ему преемника?"

"*Анъ*, исполнявшій втеченіи многихъ лѣтъ обязанности правителя, лучше всего можетъ найти подходящаго человѣка на эту должность, и большею частью онъ самъ указываетъ своего преемника".

"Можетъ быть своего сына?"

"Рѣдко; потому что эта не такая должность, которая привлекала-бы много желающихъ; и, понятно, отецъ не пожелаетъ насиловать склонности своего сына. Но если *Туръ* отказывается выбрать себѣ преемника, опасаясь возбудить неудовольствіе того человѣка, на которомъ-бы остановился его выборъ, тогда трое изъ членовъ *коллегіи ученыхъ* бросаютъ жребій; -- на кого изъ нихъ падетъ обязанность сдѣлать такой выборъ. Мы вообще держимся того мнѣнія, что умъ одного *Ана* въ такихъ случаяхъ лучше -- трехъ, какъ-бы они ни были мудры въ отдѣльности; потому что между тремя навѣрное возникнутъ споры, а разъ появился споръ -- страсти неизбѣжно отуманивають разсудокъ".

"Не падай духомъ, мой дорогой маленькій гость; *Зи* не можетъ заставить тебя жениться на себѣ. Она можетъ только увлечь тебя. Поэтому будь остороженъ. А теперь пойдемъ смотрѣть мое хозяйство".

Мы вошли въ огороженное навѣсами пространство; хотя *Ана* и не употребляютъ въ пищу мяса животныхъ, но держать нѣкоторые виды, ради молока и шерсти. Они не

имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ нашими коровами, или овцами; и, сколько мнѣ извѣстно, подобныхъ видовъ никогда не существовало на землѣ. *Врилья* пользуются молокомъ трехъ родовъ животныхъ: первое похоже на антилопу, но значительно больше ея -- почти съ верблюда ростомъ; другія два -- меньше, и хотя разнятся между собою, но не имѣютъ ничего общаго, ни съ однимъ изъ видѣнныхъ мною на землѣ животныхъ. У нихъ округленныя формы и крайне нѣжная шерсть, цвѣтомъ напоминающая пятнистаго оленя; при этомъ большіе, черные, кроткіе глаза. Молоко этихъ трехъ породъ животныхъ различается по вкусу и густотѣ; его обыкновенно разбавляютъ водою и прибавляютъ къ нему ароматическій сокъ плодовъ какого-то растенія; само по себѣ, оно весьма питательно и вкусно. Животное, шерсть котораго идетъ на одежду и имѣетъ множество другихъ примѣненій, -- болѣе всего походитъ на итальянскую козу, но свободно отъ того тяжелаго запаха, который отличаетъ послѣднюю. Шерсть его тонкая и длинная; цвѣтъ ея бываетъ разный, за исключеніемъ бѣлаго, но преобладаетъ сѣрый, съ металлическимъ отливомъ и сиреневый. Для платья ее обыкновенно окрашиваютъ по вкусу каждаго. Эти животныя были замѣчательно ручныя и кроткія; за ними, съ удивительною нѣжностью и заботливостью, ухаживали маленькія дѣвочки.

Потомъ мы прошли по громаднымъ амбарамъ, наполненнымъ зерномъ и фруктами. Слѣдуетъ тутъ замѣтить, что главная пища этого народа, заключается въ зернѣ хлѣбнаго растенія, колосья котораго походитъ на нашу пшеницу, но значительно больше и постоянно улучшается во вкусѣ, благодаря непрерывной культурѣ; и въ особомъ видѣ плода, величиною съ небольшой апельсинъ, первоначально послѣ сбора, весьма твердаго и отличающагося горькимъ вкусомъ, его выдерживаютъ втеченіи многихъ мѣсяцевъ въ кладовыхъ; послѣ чего онъ дѣлается сочнымъ и нѣжнымъ; сокъ его, темно-краснаго цвѣта, составляетъ основаніе всѣхъ ихъ приправъ. У нихъ много сортовъ плодовъ, похожихъ на наши оливки, изъ которыхъ получаютъ удивительныя масла; здѣсь также встрѣчается растеніе въ родѣ сахарнаго тростника, но сокъ его менѣе сладокъ, хотя отличается чуднымъ ароматомъ. У нихъ нѣтъ пчель и другихъ производящихъ медъ насѣкомыхъ; но они пользуются сладкимъ сокомъ, вытекающимъ изъ ствола хвойнаго растенія, похожаго на *араукарію*. Огороды ихъ изобилуютъ множествомъ сочныхъ, вкусныхъ овощей и корнеплодовъ, которые они доводятъ до высокой степени разнообразія и совершенства, благодаря постоянной культурѣ. Я не помню ни одного раза, когда мнѣ случалось участвовать въ ихъ ѣдѣ, чтобы за столомъ не появлялось какой нибудь *новости* изъ огородныхъ овощей. Вообще, какъ уже было сказано, ихъ кухня отличается такою изысканностью, разнообразіемъ и питательностью, что при этомъ вовсе не ощущается недостатка мясной пищи; и ихъ могучее тѣлосложеніе достаточно показываетъ (по крайней мѣрѣ при ихъ жизненной обстановкѣ), что развитіе мускульныхъ фибръ зависитъ не отъ одного питанія мясомъ. У нихъ нѣтъ винограда: -- освѣжительныя напитки, приготовляемыя ими изъ разныхъ фруктовъ, не производятъ опьяняющаго дѣйствія. Но ихъ главный напитокъ все таки вода, въ выборѣ которой они чрезвычайно прихотливы, замѣчая малѣйшій признакъ посторонней примѣси.

"Мой младшій сынъ очень интересуется вопросомъ, объ увеличеніи продуктивности нашихъ полей", сказалъ Афъ-Линъ, въ то время, какъ мы проходили по разнымъ

амбарамъ и кладовымъ, "и потому онъ наслѣдуетъ всѣ эти земли, которыя составляютъ главную часть моего богатства. Моему старшему сыну такое наслѣдіе причинило бы только горе и безпокойство".

"Развѣ у васъ много такихъ дѣтей, для которыхъ богатое наслѣдство представляетъ одно огорченіе?"

"Безъ сомнѣнія; большая часть *Врилья* считаютъ богатство, выходящее изъ ряда обезпеченнаго благосостоянія, -- тяжелымъ бременемъ для себя. Вообще, мы довольно лѣнивый народъ послѣ періода дѣтства, и стараемся избавиться отъ излишняго безпокойства, а богатство приноситъ съ собою много заботъ. Благодаря ему, мы дѣлаемся намѣченными кандидатами на общественныя должности, отъ которыхъ мы не можемъ отказаться. Богатство обязываетъ насъ принимать постоянное участіе въ дѣлахъ менѣе состоятельныхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, чтобы во время предупредить ихъ нужды и недопустить ихъ до бѣдности. Одна старинная наша пословица говоритъ: -- "Нужда бѣднаго -- стыдъ богатаго..."

"Извини, что я прерву тебя на одинъ моментъ; ты, слѣдовательно, допускаешь, что и среди *Врилья* встрѣчаются такіе, которые знакомы съ нуждой и требуютъ помощи"?

"Если подъ словомъ нужда ты подразумѣваешь нищету, господствующую въ нашемъ обществѣ, то она невозможна у насъ; развѣ только при условіи, -- чтобы *Анъ* какимъ нибудь невѣроятнымъ образомъ уничтожилъ всѣ свои средства къ существованію, не можетъ или не хочетъ эмигрировать и отказывается отъ помощи своихъ родныхъ и друзей".

"И въ такомъ случаѣ онъ занимаетъ мѣсто ребенка, или автомата, то есть: дѣлается рабочимъ, или слугой?"

"Нѣтъ; мы тогда считаемъ его несчастнымъ, лишившимся разсудка, и помѣщаемъ на средства общины въ особое публичное учрежденіе, гдѣ онъ бываетъ окруженъ всевозможными удобствами и роскошью, чтобы, насколько возможно, смягчить постигшее его горе. Но *Ану* крайне непріятно, когда его считаютъ сумасшедшимъ; и подобные случаи бываютъ столь рѣдки, что упомянутое общественное учрежденіе представляетъ теперь однѣ заброшенныя развалины. Послѣдняго изъ его обитателей, какъ припоминаю, я видѣлъ въ своемъ дѣтствѣ. Онъ не считалъ себя помѣшаннымъ и писалъ стихи. Говоря о нуждахъ, я подразумѣваю такія потребности, превышающія его средства, которыя могутъ явиться у *Ана*, напримѣръ: желаніе завести дорогихъ пѣвчихъ птицъ, или большой домъ, загородный садъ; очевидный способъ для удовлетворенія его желаній въ такихъ случаяхъ: -- это покупка у него тѣхъ его продуктовъ которые онъ желаетъ продать. По этому, подобные мнѣ, богатые *Ана* обязаны покупать множество ненужныхъ имъ вещей и жить на широкую ногу, хотя-бы они предпочитали скромный образъ жизни. Напримѣръ, мой большой домъ въ городѣ составляетъ источникъ постоянныхъ заботъ и безпокойствъ для моей жены и даже для меня; но я обязанъ жить въ такомъ обширномъ помѣщеніи, потому что, въ качествѣ самаго богатаго члена общины, я обязанъ принимать всѣхъ пріѣзжающихъ къ намъ изъ другихъ обществъ; два раза въ годъ происходятъ большіе сѣзды такихъ лицъ въ моемъ домѣ, куда стекаются и многіе родственники ихъ изъ разныхъ племенъ *Врилья*; и я устраиваю при этомъ нѣсколько большихъ празднествъ. Такое обширное гостепріимство совсѣмъ не по моимъ вкусамъ, и поэтому я предпочелъ-бы быть бѣднѣе. Но мы всѣ должны нести свое бремя

въ теченіи этого краткаго промежутка времени, который мы называемъ жизнью. Да и что значать сто лѣтъ болѣе или менѣе, -- сравнительно съ тѣми вѣками, которые насъ ожидаютъ впереди? Къ счастью, одинъ изъ моихъ сыновей любитъ богатство. Это рѣдкое между нами исключеніе, и я даже самъ не знаю -- какъ объяснить его".

Послѣ этого я сдѣлалъ попытку опять навести разговоръ на предметъ, столь близкій моему сердцу: -- какъ мнѣ избавиться отъ преслѣдованій *Зи*. Но хозяинъ мой вѣжливо уклонился отъ этой темы и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ въ воздушную лодку. На обратномъ пути насъ встрѣтила *Зи*; невидя меня дома, по возвращеніи изъ *коллегіи ученыхъ*, она полетѣла въ поиски за нами.

Когда она увидала меня, ея величавое лицо освѣтилось улыбкою и, держась на своихъ распростертыхъ крыльяхъ, рядомъ съ нашею лодкою, она сказала съ упрекомъ *Афъ-Лину*: -- "Отецъ, какъ ты могъ рисковать жизнью своего гостя, въ такомъ непревычномъ для него положеніи? Одного неосторожнаго движенія было-бы для него достаточно, чтобы упасть; и, увы! у него нѣтъ нашихъ крыльевъ. Упасть отсюда для него - - вѣрная смерть. -- Милый мой!" продолжала она обращаясь съ нѣжностью ко мнѣ, "неужели ты не подумалъ обо мнѣ, рискуя столь дорогой для меня жизнью? Обѣщай мнѣ никогда не пускаться въ такія поѣздки безъ меня. Какъ ты напугалъ меня!"

Я бросилъ тревожный взглядъ на *Афъ-Лина*, въ надеждѣ, что онъ покрайней мѣрѣ дастъ строгій выговоръ своей дочери за такія несдержанные выраженія, которыя у насъ на землѣ считались-бы положительно неприличными въ устахъ дѣвицы, иначе какъ въ обращеніи къ своему жениху.

Но *Афъ-Лину* видимо и въ голову не приходило ничего подобнаго. -- Такъ твердо установлены права женщины въ этой странѣ и особенно -- право перваго любовнаго объясненія. Онъ правду говорилъ, что обычай у нихъ составляетъ все.

Афъ-Линъ только сказалъ спокойнымъ тономъ: -- "*Зи*, никакая опасность не угрожала *Тишу*; и, мнѣ кажется, онъ самъ счумѣетъ поберечь себя".

"Я желаю, чтобы онъ предоставилъ эту заботу мнѣ. О жизнь моя! Только при мысли о твоей опасности, я почувствовала впервые, -- какъ я люблю тебя!"

Врядъ-ли кому приходилось испытать такое неловкое положеніе! Эти слова были произнесены *Зи* громко, такъ что ихъ слышалъ ея отецъ и ребенокъ, правившій рулемъ. Я покраснѣлъ отъ стыда за нее и не могъ удержаться отъ сердитаго отвѣта: -- "*Зи*, ты смѣешься надо мною, гостемъ твоего отца, что недостойно тебя, если-же слова твои серьезны, то крайне неприлично для молодой *Гай* обращаться въ такихъ выраженіяхъ, даже къ *Ану* ея племени, если ея родители не дали согласія на ихъ бракъ. Еще хуже того, если они обращены къ *Тишу*, который не смѣлъ-бы подумать о твоей любви и который не можетъ питать къ тебѣ иныхъ чувствъ, кромѣ почтенія и трепета".

Афъ-Линъ одобрительно кивнулъ мнѣ головой, но не произнесъ ни одного слова.

"Какъ ты жестока!" воскликнула *Зи* громкимъ голосомъ. "Развѣ можно сдержатъ порывъ истинной любви? Развѣ незамужняя *Гай* скрываетъ когда нибудь чувство, которое только возвышаетъ ее? Какая непонятная страна -- твоя родина!"

Тутъ *Афъ-Линъ* сказалъ съ большою мягкостью: -- "Между *Тишами* права вашего пола еще не признаны всѣми, и во всякомъ случаѣ, моему гостю будетъ удобнѣе продолжать этотъ разговоръ безъ присутствія другихъ лицъ".

На это замѣчаніе *Зи* ничего не отвѣтила и, бросивъ на меня нѣжный, укоризненный взглядъ, полетѣла по направленію къ дому.

"Я надѣялся", сказалъ я съ горечью, "что мой хозяинъ пособитъ мнѣ выйти изъ той опасности, которой меня подвергаетъ его собственная дочь".

"Я сдѣлалъ все что могъ. Всякое противорѣчіе *Гай* въ ея любви только усиливаетъ ея настойчивость. Въ этихъ дѣлахъ онѣ не допускаютъ никакого вмѣшательства".

XXIII.

По выходѣ изъ воздушной лодки, *Афъ-Лина* встрѣтилъ ребенокъ, который передалъ ему приглашеніе присутствовать при погребеніи родственника, покинувшего этотъ подземный міръ.

Я еще ни разу не видѣлъ погребенія, или кладбища у этого народа и, кромѣ того, былъ радъ случаю отдалить свиданіе съ *Зи*, поэтому я просилъ позволенія *Афъ-Лина* -- сопроводить его на похороны его родственника, если только присутствіе чужестранца, при подобной священной церемоніи, не было противно ихъ обычаямъ.

"Переселеніе *Ана* въ лучшій міръ", отвѣчалъ мой хозяинъ, "особенно, если онъ прожилъ такъ долго въ этомъ --, какъ мой родственникъ, -- представляется скорѣе тихимъ радостнымъ торжествомъ, чѣмъ священной церемоніей; а потому ты можешь сопутствовать мнѣ, если желаешь".

Слѣдуя за ребенкомъ, мы скоро вошли въ одинъ изъ домовъ на главной улицѣ; насъ провели въ большую комнату нижняго этажа, гдѣ на кровати, окруженное родными, лежало тѣло умершаго. Это былъ старикъ, прожившій, какъ мнѣ говорили, болѣе 130 лѣтъ. Судя по спокойной улыбкѣ на его лицѣ, онъ умеръ безъ всякихъ страданій. Старшій сынъ, бывшій теперь главою семейства и имѣвшій бодрый видъ челоуѣка средняго возраста, хотя ому было за семьдесятъ лѣтъ, -- подошелъ къ *Афъ-Лину* и сказалъ съ радостнымъ выраженіемъ въ лицѣ: -- "за день до своей смерти, отецъ мой видѣлъ во снѣ свою покойную *Гай*, его сердце было полно стремленія -- скорѣе соединится съ нею и возродится къ новой жизни, озаренной улыбкою Всеблагото".

Пока они разговаривали, я обратилъ вниманіе на какой то темный, повидимому металлическій предметъ, въ дальнемъ концѣ комнаты. Онъ былъ около двадцати футъ въ длину, узкій и плотно закрытый со всѣхъ сторонъ, кромѣ двухъ круглыхъ отверстій въ крышѣ, чрезъ которыя просвѣчивало красное пламя. Изъ внутренности его распространялся запахъ ароматическаго куренія; и пока я ломалъ голову о назначеніи этого таинственнаго прибора, въ городѣ раздался мелодическій бой механизмовъ, обозначавшихъ время дня; когда они затихли, въ комнатѣ и за предѣлами ея полились мягкіе звуки какого то торжественнаго радостнаго хора, съ которымъ слились и голоса присутствующихъ. Слова ихъ гимна отличались своею простотою. Они не выражали горести, или прощанія, но скорѣе привѣтствовали тотъ новый міръ, въ который перешелъ умершій. На ихъ языкѣ самый погребальный гимнъ называется: -- "пѣснь рожденія". Послѣ того тѣло, обвитое длиннымъ покровомъ, было бережно поднято шестью изъ ближайшихъ родственниковъ, и они понесли его къ описанному мною темному предмету. Я подошелъ ближе, что-бы слѣдить за происходившимъ. Находившаяся въ концѣ, его откидная дверь открылась и тѣло было осторожно положено во внутрь; дверь опять закрылась; кто-то прикоснулся къ пружинѣ,

находившейся сбоку; слышался какой-то тихий шипящий звук и через мгновение, в открывшуюся крышку с другого конца, высыпалась не больше горсти пепла, упавшего в заранее подставленную *патеру* {Patera -- чаша, употребляемая для хранения пепла трупов умерших, предаваемых сожжению. (Прим. перев.)}. Старший сын поднял ее и произнес, обычная в таких случаях, слова: -- "преклонитесь пред величием Творца! Он дал форму, жизнь и душу этой кучке пепла. Он возродит к новой жизни покинувшего нас, с которым мы скоро увидимся".

Каждый из присутствующих склонил голову и приложил руку к сердцу. После того маленькая девочка открыла дверь в стѣну, и я увидел нишу с полками, на которых уже стояло множество таких *патеръ*, но снабженных крышками. С такой же крышкой в руках теперь подошла *Гай* и плотно накрыла ею маленькую вазу. На крышке было вырезано имя умершего и следующие слова: "дань нам" (следовало время рождения). "Отзван от нас" (и время смерти).

Дверь в стѣну закрылась, и все было кончено.

XXIV.

"И это", сказал я, пораженный видѣнной мною сценой, -- "ваша обычная форма погребения?"

"Наша неизменная форма", отвечала *Афъ-Линъ* "...

На меня действует успокоительно самая мысль, что воспоминание о близком мнѣ существѣ сохраняется в предѣлах моего дома. Мы как бы чувствуем, что жизнь его продолжается, хотя и в невидимой формѣ. Но наше чувство в этом случаѣ, как и во всем прочем, создается привычкой. Ни один разумный *Анъ*, как и ни одно разумное общество, -- не рѣшится на переменѣ укоренившагося обычая, не обсудив ранѣе всѣ его послѣдствія и не убѣдившись в необходимости такой переменѣ. Только при подобных условіях, такой переменѣ не грозит опасность -- превратиться в легкомысленную *переменчивость*, и развѣ сдѣланная, -- она уже стоит потомъ твердо".

Когда мы возвратились, *Афъ-Линъ* позвала нѣкоторых из находящихся у него в домѣ дѣтей и разослала их между своими родными и друзьями, с приглашеніем на праздник, устраиваемый в его домѣ, во время *вольныхъ часовъ* дня, по случаю *отозванія Всеблагимъ* его родственника. Это было самое многолюдное и оживленное собраніе из видѣнных мною, во время моего пребывания между *Ана*, и оно затянулось до поздних часовъ *времени отдыха*.

Пиръ былъ устроенъ в громадной залѣ, служившей только для подобных торжествъ. Обстановка его разнилась от наших банкетовъ и скорѣ походила на роскошныя пиршества временъ Римской имперіи. Гости сидѣли не за однимъ общимъ столомъ, но отдѣльными группами за небольшими столами, по восьми за каждымъ. Здѣсь считается, что при большемъ числѣ собесѣдниковъ ослабѣваетъ разговоръ и пропадаетъ оживленіе. Хотя *Ана* никогда громко не смѣются, какъ я уже замѣтилъ, но шумъ веселыхъ голосовъ, за разными столами, доказывалъ оживленіе гостей. Такъ какъ они не употребляютъ опьяняющихъ напитковъ и весьма умѣренны (хотя и крайне изысканны) въ пищѣ, то самый пиръ не былъ продолжителенъ. Столы исчезли сами собою и за тѣмъ следовала музыка для любителей; многіе однако покинули залу: -- нѣкоторые изъ молодежи поднялись на своихъ крыльяхъ (крыши здѣсь не было) и съ

своиственнымъ имъ весельемъ предались своимъ граціознымъ воздушнымъ танцамъ; другіе разбрелись по разнымъ комнатамъ, рассматривая собранныя въ нихъ рѣдкости, или занялись разными играми; любимую ихъ -- была довольно сложная игра, похожая на шахматы, въ которой принимало участіе восемь человѣкъ. Я ходилъ между толпою; но мнѣ не удавалось вступить въ разговоръ, потому что все время меня не покидали тотъ или другой изъ сыновей моего хозяина, которымъ было поручено наблюдать, что бы меня не беспокоили излишними вопросами. Но гости вообще мало обращали на меня вниманія, они уже приглядѣлись ко мнѣ на улицахъ и наружность моя перестала привлекать всеобщее любопытство.

Къ моему большому облегченію, *Зи* избѣгала меня и видимо старалась возбудить мою ревность замѣтною любезностью съ однимъ красивымъ молодымъ *Аномъ*, который (хотя и отвѣчалъ ей съ тою скромностью, которая отличаетъ молодыхъ дѣвицъ нашихъ образованныхъ странъ, кромѣ Англїи и Америки) былъ видимо очарованъ этой величавой *Гай* и готовъ былъ проронить робкое "да", если-бъ она сдѣлала признаніе. Утѣшая себя надеждою, что она поступитъ такъ и еще болѣе проникнутый отвращеніемъ къ "обращенію въ пепель" (особенно послѣ созерцанія адскаго процесса, моментально превращавшаго человѣческое тѣло въ горсть золы), -- я развлекалъ себя наблюденіемъ нравовъ, окружавшей меня молодежи. Все убѣждало меня, что не одна *Зи* пользовалась драгоцѣннѣйшею изъ привилегій, принадлежавшихъ здѣсь ея полу. Все что только я видѣлъ и слышалъ несомнѣнно показывало, что здѣсь *Гай* *ухаживаетъ* за предметомъ своей страсти; между тѣмъ какъ *Анъ*, со всею кокетливою скромностью нашей молодой барышни, является болѣе пассивною стороною. Оба изъ моихъ спутниковъ неоднократно подвергались такимъ чарующимъ нападеніямъ, во время нашей прогулки, и оба вышли съ достоинствомъ изъ своего искуса.

Я обратился къ старшему, который предпочиталъ занятія механикой -- управленію большимъ имѣньемъ, и отличался философскимъ направленіемъ ума, -- и сказалъ: "я просто не въ силахъ понять, какъ при твоей молодости и при всей этой чарующей обстановкѣ звуковъ, свѣта и ароматовъ цвѣтовъ, -- ты можешь оставаться равнодушнымъ къ этой любящей молодой *Гай*, которая только что оставила насъ со слезами на глазахъ, вызванныхъ твоею холодностью".

"Любезный *Тишъ*", отвѣчалъ мнѣ со вздохомъ молодой *Анъ*, "нѣтъ большаго несчастія въ жизни, какъ жениться на какой нибудь *Гай*, въ то время, какъ любишь другую".

"Такъ ты влюбленъ въ другую?"

"Увы! да".

"И она не отвѣчаетъ на твою любовь?"

"Я не знаю. Иногда ея взглядъ, тонъ голоса... даетъ мнѣ надежду; но она ни разу не сказала, что любить меня".

"А развѣ ты самъ не можешь шепнуть ей на ухо, что любишь ее?"

"Что ты! Откуда ты явился къ намъ? Развѣ я могу такъ унижить достоинство моего пола? Развѣ я могу до такой степени позабыть, что я мужчина... забыть всякій стыдъ, и первому признаться *Гай* въ любви".

"Прошу извинить меня: я не подозрѣвалъ, что скромность вашего пола доходитъ до такого предѣла. Но развѣ никогда не случалось *Ану* -- первому объясниться въ любви?"

"Я не могу отрицать этого; но если и бывали такіе случаи, то *Анъ* чувствовалъ себя опозореннымъ въ глазахъ другихъ, да и *Джай-и* относились къ нему послѣ того, со скрытымъ презрѣніемъ. Ни одна хорошо воспитанная *Гай* не стала-бы разговаривать съ нимъ; такъ какъ, по ея мнѣнію, онъ нарушилъ права ея пола, и въ то-же время уронилъ свое достоинство мужчины. Все это еще тѣмъ досаднѣе", продолжалъ молодой человѣкъ, "что она ни за кѣмъ не ухаживаетъ и мнѣ кажется, что я ей нравлюсь. Иногда мнѣ приходитъ подозрѣніе, -- что ее удерживаетъ боязнь слишкомъ подчиниться моимъ требованіямъ. Но если это такъ, то она не можетъ искренно любить меня; потому что если *Гай* полюбитъ кого, она забываетъ о всѣхъ своихъ правахъ".

"Здѣсь-ли эта *Гай*?"

"Какъ-же. Вотъ она разговариваетъ съ моею матерью".

Я посмотрѣлъ въ указанномъ направленіи и увидѣлъ молодую *Гай*, одѣтую въ ярко-пунцовый цвѣтъ, что у нихъ обозначаетъ предпочтеніе дѣвической жизни. Если *Гай* облекается въ сѣрые или нейтральные цвѣта, то значитъ -- она ищетъ себѣ супруга; въ темно-пурпуровый -- если выборъ уже сдѣланъ. Пурпуровый и оранжевый цвѣта носятъ замужнія и невѣсты; свѣтло-голубой обозначаетъ разведенную жену или вдову, которая не прочь вторично выйти замужъ. Конечно голубой цвѣтъ встрѣчается очень рѣдко. Среди народа, вообще отличавшагося своею красотою, трудно найти выдающіяся въ этомъ отношеніи личности. Избранная моего друга по красотѣ принадлежала къ среднему уровню; но что мнѣ особенно понравилось въ ея лицѣ -- это отсутствіе выраженія того сознанія своихъ правъ и своей силы, которымъ отличались лица другихъ молодыхъ *Гай*. Я замѣтилъ, что во время разговора съ *Бра*, она иногда бросала взгляды по направленію моего молодого пріятеля.

"Утѣшься", сказалъ ему я; "эта молодая *Гай* любитъ тебя".

"Но какая-же мнѣ отъ того выгода, если она ничего не говоритъ?"

"Знаетъ-ли твоя мать объ этой привязанности?"

"Можетъ быть. Я никогда не говорилъ ей объ этомъ. Было бы недостойно мужчины сдѣлать свою мать повѣренною такой слабости. Впрочемъ я говорилъ отцу; можетъ быть онъ передалъ ей".

"Не позволишь-ли ты мнѣ на минуту оставить тебя, и подслушать разговоръ твоей матери и возлюбленной. Я увѣренъ что онѣ говорятъ объ тебѣ. Не бойся. Я обещаю, что не допущу никого до разспросовъ".

Молодой *Анъ* положилъ руку на сердце, въ то время, какъ другою прикоснулся къ моей головѣ и позволилъ мнѣ уйти отъ него. Я незамѣтно подошелъ къ его матери и молодой *Гай*, и остановившись позади ихъ, сталъ прислушиваться къ ихъ разговору.

"Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія", говорила *Бра*; "или мой сынъ будетъ вовлеченъ въ бракъ одною изъ его многочисленныхъ поклонницъ, или онъ присоединится къ эмигрантамъ, и мы навсегда лишимся его. Если ты, въ самомъ дѣлѣ любишь его, милая *Лу*, отчего-же ты не скажешь ему".

"Я люблю его, *Бра*; но я боюсь, что мнѣ не удастся сохранить его любовь. Онъ такъ увлеченъ своими изобрѣтеніями и часовыми механизмами; а я не такая умная, какъ *Зи* и немогу войти въ его любимыя занятія; онъ соскучится со мною и черезъ три года разведется... я немогу выйти за другого... никогда".

"Нѣтъ надобности быть знакомымъ съ устройствомъ часовъ, что бы составить счастье *Ана*, хотя бы и увлекающагося этимъ занятіемъ; тогда онъ скорѣе броситъ свои часы, чѣмъ разведется съ своей *Гай*. "Видишь-ли, милая *Лу*, продолжала эта почтенная женщина, мы господствуемъ надъ ними, потому что мы сильнѣйшій полъ, только не слѣдуетъ показывать этого. Если-бы ты превосходила моего сына въ искусствѣ устройства часовъ и автоматовъ, тебѣ какъ женѣ, никогда не слѣдовало-бы показывать этого. *Анъ* охотно признаетъ превосходство своей жены во всемъ, кромѣ излюбленнаго имъ занятія. Но если-бъ она стала выказывать равнодушное презрѣніе къ его искусству, -- онъ навѣрное охладѣлъ-бы къ ней; можетъ быть, даже развелся съ нею. Когда любовь *Гай* искренна, -- она скоро научится любить и все то, что правится ея мужу".

Молодая *Гай* ничего не отвѣчала на это. Нѣсколько времени она оставалась въ задумчивости; потомъ на ее лицѣ появилась улыбка, она встала и подошла къ влюбленному въ нее молодому *Ану*. Я незамѣтно слѣдовалъ за нею, но остановился въ нѣкоторомъ разстояніи въ созерцаніи этой сцены. Къ моему удивленію (пока я не вспомнилъ о кокетливыхъ пріемахъ, отличающихъ въ такихъ случаяхъ *Ана*) -- влюбленный отвѣчалъ на ея любезности съ напускнымъ равнодушіемъ. Онъ даже отошелъ отъ нея; но она слѣдовала за нимъ, и вскорѣ послѣ того -- оба развернули свои крылья и унеслись въ освѣщенное пространство.

Какъ разъ въ это время меня встрѣтилъ правитель страны, ходившій въ толпѣ другихъ гостей. Я еще ни разу не видѣлъ его послѣ моего перваго появленія въ его владѣнія; и при воспоминаніи о тѣхъ колебаніяхъ, которыя онъ (по словамъ *Афъ-Лина*) обнаружилъ при этомъ, относительно анатомическаго изслѣдованія моего тѣла, -- я невольно почувствовалъ холодную дрожь, при взглядѣ на его спокойное лицо.

"Мой сынъ *Таэ* много рассказываетъ мнѣ объ тебѣ, чужестранецъ", вѣжливо привѣтствовалъ онъ меня, положивъ свою руку на мою голову. "Онъ очень полюбилъ тебя и я надѣюсь, что тебѣ понравилась обычаи нашего народа".

Я пробормоталъ нѣсколько неразборчивыхъ словъ, съ выраженіемъ благодарности за доброту *Тура* и моего восхищенія странною; но мелькнувшее въ моемъ воображеніи лезвіе анатомическаго ножа сковало мой языкъ. "Другъ моего брата долженъ быть дорогъ и мнѣ", произнесъ чей-то нѣжный голосъ, и поднявъ глаза, я увидѣлъ молодую *Гай*, лѣтъ шестнадцати на видъ, стоящую около *Тура* и смотрящую весьма благосклонно на меня. Она еще не достигла полнаго роста и едва была выше меня; должно быть благодаря этому обстоятельству, она показалась мнѣ самою привлекательною изъ всѣхъ, здѣсь видѣнныхъ мною, представительницъ ея пола. Вѣроятно нѣчто подобное сказалось въ моихъ глазахъ; потому что выраженіе ея лица стало еще благосклоннѣе.

"*Таэ* говоритъ мнѣ", продолжала она, "что ты еще, не привыкъ къ употребленію крыльевъ. Я сожалею объ этомъ, потому что желала-бы летать съ тобою".

"Увы!" отвѣчалъ я, "это счастье недоступно для меня, *Зи* говоритъ, что пользованіе крыльями у васъ наследственный даръ и что потребуется много поколѣній, прежде чѣмъ кто либо изъ моей бѣдной расы можетъ уподобиться птицѣ въ ея полетѣ".

"Это не должно слишкомъ огорчать тебя, отвѣчала эта любезная принцесса, потому что настанетъ время, когда и намъ съ *Зи* придется покинуть наши крылья. Можетъ быть,

когда придетъ этотъ день, мы обѣ были-бы рады, если-бы избранный нами *Анъ* не могъ пользоваться своими".

Туръ теперь оставилъ насъ и скрылся въ толпѣ гостей. Я почувствовалъ себя свободнѣе съ очаровательною сестрою *Таэ*, и даже удивилъ ее неожиданностью моего комплимента: -- "что врядъ ли найдется *Анъ*, способный воспользоваться своими крыльями, что-бы улетѣть отъ нея". Говорить любезности *Гай*, пока она не призналась въ своей любви и не получила согласіе на бракъ, -- до того противно обычаю укоренившемуся между *Ана*, что молодая дѣвица, послѣ моей фразы, втеченіи нѣсколькихъ секундъ не могла выговорить ни одного слова отъ изумленія. Наконецъ, прійдя въ себя, она пригласила меня пройти, -- гдѣ было свободнѣе и послушать пѣніе птицъ. Я. послѣдовалъ за него, и она привела меня въ маленькую комнату, гдѣ почти никого не было. По срединѣ ея билъ фонтанъ, кругомъ были разставлены низкіе диваны и одна изъ стѣнъ комнаты открывалась въ оранжерею, откуда доносились очаровательные звуки птичьяго хора. Мы сѣли на одномъ изъ дивановъ.

"*Таэ* говоритъ мнѣ", сказала она, "что *Афъ-Линъ* взялъ обѣщаніе, что-бы никто въ этомъ домѣ не спрашивалъ тебя о твоей странѣ и зачѣмъ ты посѣтилъ насъ. Такъ-ли это?"

"Это правда".

"Могу-ли я, не нарушая даннаго слова, узнать, всѣ ли *Джай-и* въ твоей странѣ имѣютъ такія-же блѣдныя лица, какъ у тебя, и выше-ли онѣ тебя ростомъ?"

"Я думаю, прелестная *Гай*, что съ моей стороны не будетъ нарушеніемъ даннаго слова, если я отвѣчу на такой невинный вопросъ. *Джай-и* на моей родинѣ еще бѣлѣе меня и, по крайней мѣрѣ, на голову ниже ростомъ".

"По этому онѣ должны быть слабѣе *Ана* въ вашей странѣ. Но вѣроятно онѣ въ большей степени владѣютъ силами *вриля*?"

"Онѣ не пользуются силами *вриля* въ томъ видѣ, какъ онѣ извѣстны между вами. Но власть ихъ тѣмъ не менѣе очень велика, и только *Анъ*, болѣе или менѣе подчиняющійся своей *Гай*, можетъ разсчитывать на спокойную жизнь".

"Ты говоришь съ чувствомъ", сказала сестра *Таэ*, съ какимъ то сожалѣніемъ въ голосѣ. "Ты, конечно, женатъ?"

"Нѣтъ".

"И не обрученъ?"

"И не обрученъ".

"Неужто ни одна *Гай* не сдѣлала тебѣ признанія?"

"Въ моей странѣ въ такихъ случаяхъ первымъ говоритъ *Анъ*".

"Какое непонятное извращеніе законовъ природы!" воскликнула молодая дѣвица, "какой недостатокъ скромности между вашимъ поломъ! Но развѣ ты самъ никогда не дѣлалъ признанія, никогда не любилъ одну *Гай* болѣе другихъ?"

Я почувствовалъ крайнее затрудненіе отъ такихъ наивныхъ вопросовъ и сказалъ: "прости меня; но мнѣ кажется, что мы уже нарушаемъ слово, данное *Афъ-Лину*. Вотъ все, что я могу отвѣтить тебѣ и молю тебя, -- не спрашивать меня болѣе. Я дѣйствительно разъ сдѣлалъ такое признаніе, и сама *Гай* была согласна; но не согласились ея родители".

"Родители! Неужто ты думаешь я повѣрю, чтобы родители могли препятствовать выбору своихъ дочерей?"

"Могутъ и часто препятствуютъ".

"Я не желала-бы жить въ такой странѣ", сказала простодушно *Гай*; "но я надѣюсь, что и ты никогда не вернешься туда".

Я опустил въ молчаніи голову. *Гай* приподняла ее своей правой рукой и съ нѣжностію посмотрѣла въ мои глаза. "Останься съ нами", сказала она; "останься и будь любимъ".

Не знаю, что-бы я отвѣчалъ; я трепещу при мысли о той опасности, -- *превращенія въ пепель*, -- которая теперь уже несомнѣнно грозила мнѣ, когда тѣнь крыльевъ удалялась на сверкающую струю фонтана, и *Зи* внезапно спустилась около насъ. Она не произнесла ни одного слова, но, схвативъ меня за руку, увлекла за собою, -- какъ мать своего непокорнаго ребенка, -- черезъ цѣлый рядъ комнатъ въ корридоръ; откуда на элеваторѣ мы поднялись въ мою комнату. Когда мы вошли въ нее, *Зи* подула въ мое лицо, прикоснулась своимъ жезломъ къ моей груди, и я погрузился въ глубокій сонъ.

Когда я проснулся, нѣсколько часовъ спустя, и услышалъ пѣніе птицъ въ сосѣднемъ *авіаріи*, мнѣ живо припомнилась сестра *Таэ*, съ ея нѣжными словами и ласкающимъ взглядомъ; и тутъ, благодаря нашему воспитанію, которое съ самаго ранняго возраста вкореняетъ въ насъ идеи честолюбія и мелкаго тщеславія, я невольно сталъ строить самые фантастическіе, воздушные замки.

"Хотя я и *Тишь*", -- такъ складывались мои мысли, -- "ясно, что не одна *Зи* очарована моей наружностію. Очевидно, меня любитъ *принцесса*, -- первая дѣвица въ странѣ, дочь самодержавнаго монарха, которому они для вида только даютъ названіе выборнаго правителя. Если-бъ не помѣшала эта ужасная *Зи* дочь, короля навѣрное сдѣлала-бы мнѣ формальное предложеніе своей руки. Пусть *Афъ-Линъ*, занимающій только подчиненную должность, грозитъ мнѣ смертію, если я приму руку его дочери; но одного слова этого неограниченнаго владыки *Тура* будетъ достаточно, чтобы уничтожить ихъ безсмысленный обычай, воспреещающій браки съ чуждою расою, который является такимъ противорѣчіемъ съ ихъ хваленою равноправностію".

"Трудно допустить, что бы дочь *Тура*, только что выразившаяся съ такимъ презрѣніемъ о вмѣшательствѣ родителей, -- не имѣла достаточнаго вліянія на своего отца, что бы спасти меня отъ сожженія, которымъ грозитъ мнѣ *Афъ-Линъ*. И разъ я породнюсь съ монархомъ... что помѣшаетъ ему избрать меня своимъ преемникомъ. Почему же нѣтъ?.. немногіе изъ его изнѣженныхъ ученыхъ прельстятся этою тяжелою обязанностию; и, можетъ быть, для нихъ будетъ даже пріятно видѣть высшую власть въ рукахъ чужестранца, знакомаго съ болѣе подвижными формами общественной жизни. Если только меня выберутъ... какихъ реформъ я не введу! Какое оживленіе я могу внести въ эту пріятную, но слишкомъ монотонную жизнь, благодаря моему знакомству съ обычаями цивилизованныхъ народовъ! Я большой любитель охоты; послѣ войны -- какая же форма развлечения для монарха достойнѣе ея? Какое обиліе и разнообразіе дичи въ этомъ подземномъ царствѣ! Что можетъ сравниться съ интересомъ такой охоты за допотопными существами? Но какъ? Неужто при помощи этого ужаснаго *вриля*, который даже недоступенъ мнѣ. Нѣтъ, мы приспособимъ заряжающуюся съ казны винтовку, которая можетъ быть, значительно усовершенствована здѣшними искусными механиками; да я и видѣлъ такую -- въ *музей древностей*. Какъ неограниченный монархъ, я искореню употребленіе *вриля*, оставивъ его только для военныхъ цѣлей. Кстати,

вспомнивъ о войнѣ ... неужели такой способный, богатый и хорошо вооруженный народъ долженъ ограничиться жалкою территоріей, способной прокормить только десять или двѣнадцать тысячъ семей. Развѣ подобное стѣсненіе не есть только результатъ философскихъ фантазій, -- противныхъ основнымъ стремленіямъ человѣческой природы, и въ попыткахъ къ осуществленію которыхъ у насъ на землѣ уже потерпѣлъ такую неудачу покойный м-ръ Робертъ Оуень. Конечно, я не начну войны съ сосѣдними націями, которыя также хорошо вооружены, какъ и мои подданные; но вѣдь остается множество народовъ, незнакомыхъ съ употребленіемъ *вриля*, демократическія учрежденія которыхъ, повидимому, очень похожи на политическую систему моихъ соотечественниковъ. Нисколько не раздражая союзныхъ племенъ *Вриль-я*, я могу вторгнуться въ страну этихъ народовъ и завладѣть ихъ обширными территоріями... громадными пространствами... можетъ быть до крайнихъ извѣстныхъ предѣловъ земли... и я буду царить надъ имперією, въ которой никогда не заходитъ солнце (въ своемъ увлеченіи я даже позабылъ, что въ этомъ подземномъ царствѣ вовсе нѣтъ солнца). Что же касается до фантастическаго понятія, будто слава и знаменитость, составляющія между нами неоспоримый удѣлъ выдающагося дѣятеля, разжигаютъ страсти и борьбу и способствуютъ къ нарушенію благъ міра и тишины, -- то это дикое понятіе расходится съ основными элементами не только человѣческой, но и животной природы, потому что самое прирученіе животного возможно только подъ вліяніемъ похвалы и соревонованія. Какая же слава ждетъ повелителя, завоевавшего цѣлую имперію! Я сдѣлаюсь для нихъ полубогомъ".

Что касается до другого фантастическаго понятія, что жизнь ихъ во всемъ должна сходиться съ ученіями ихъ вѣры (мы тоже отчасти признаемъ это, но принимаемъ въ соображеніе разныя исключаяющія обстоятельства), то, подъ вліяніемъ просвѣщенной философіи, я рѣшилъ искоренить это языческое, проникнутое суевѣріемъ ученіе, стоящее въ такомъ противорѣчьи съ современными движеніями мысли и практической жизни.

Занятый этими разнообразными проектами я подумалъ, -- какъ бы хорошо было теперь выпить, для проясненія мыслей, хорошій стаканъ грога. Хотя я и не любитель крѣпкихъ напитковъ, но бывають моменты, когда небольшое количество алкоголя вмѣстѣ съ сигарою оживляютъ воображеніе. Конечно между ихъ плодами и фруктами найдутся такіе, изъ которыхъ можно получить великолѣпное вино; также, какую вкусную, сочную котлету можно вырѣзать изъ этого откормленнаго подземнаго оленя (какая бессмыслица -- отвергать мясную пищу, значеніе которой признается нашими первыми докторами)... при такой обстановкѣ можно пріятно провести лишній часъ за обѣдомъ. Вотъ также эти скучныя устарѣлыя нравы, разыгрываемыя ихъ дѣтьми; когда я буду царствовать, я непременно введу у нихъ оперу и балетъ, для котораго навѣрное можно найти, среди покоренныхъ націй, подходящихъ молодыхъ женщинъ, умѣреннаго роста и безъ такихъ внушительныхъ мускуловъ, какъ у ихъ *Джай-и*, не угрожающихъ *врилемъ* и не требующихъ, что бы на нихъ непременно женились.

Я до того погрузился въ созерцаніе этихъ реформъ, -- общественныхъ, политическихъ и нравственныхъ, -- которыми я думалъ облагодѣтельствовать этотъ подземный народъ, незнакомый съ благами нашей цивилизаціи, что и не замѣтилъ

вошедшей *Зи*, когда ея глубокой вздохъ обратилъ мое вниманіе, и я увидѣлъ ея возлѣ своей кровати.

По обычаю этого народа, *Гай*, нисколько не нарушая приличій, можетъ посѣтить *Ана* въ его комнатѣ; хотя обратное считалось бы крайне нескромнымъ поступкомъ со стороны послѣдняго. Къ счастью я былъ совершенно одѣтъ... въ томъ самомъ видѣ, какъ *Зи* уложила меня на постель. Но все-же, я былъ непріятно пораженъ ея посѣщеніемъ и грубо спросилъ: -- что ей отъ меня нужно.

"Умоляю тебя, не сердись, мой возлюбленный", сказала она, "потому что я сильно страдаю! Я не спала съ тѣмъ поръ, какъ мы разстались съ тобою".

"Одного сознанія твоего возмутительнаго поступка съ гостемъ твоего отца было-бы вполнѣ достаточно для этого. Гдѣ-же была та привязанность, которую ты высказывала мнѣ; гдѣ ваша хваленая мягкость обращенія, когда, злоупотребляя *ни съ чьмъ несообразной силой* своего пола, ты унизила меня въ присутствіи всѣхъ гостей, въ присутствіи ея высочества, -- дочери вашего правителя, я хотѣлъ сказать -- и уложила меня въ постель, точно капризнаго ребенка?"

"Неблагодарный! Ты упрекаешь меня за то самое, въ чемъ я проявила мою любовь? Неужели ты думаешь, что даже совершенно свободная отъ того чувства ревности, которое исчезаетъ въ блаженномъ сознаніи обладанія сердцемъ любимаго существа, что я могла быть равнодушнымъ свидѣтелемъ той опасности, которой ты подвергался, благодаря необдуманному поступку этого глупаго ребенка?"

"Остановись! Разъ ты коснулась опасностей, -- я долженъ сказать, что самая большая изъ нихъ грозила мнѣ, если-бъ я отвѣчалъ на твою любовь. Твой отецъ прямо объявилъ мнѣ, что въ этомъ случаѣ смерть моя была-бы также неизбежна, какъ истребленіе гигантской ящерицы, которую *Таэ* обратилъ въ пепель однимъ взмахомъ своего жезла".

"Неужели это охладило твое сердце!" воскликнула *Зи*, она опустилась на колѣ ни возлѣ меня и взяла мою правую руку. "Это правда, что такой бракъ, какъ между людьми одной расы, -- невозможенъ между нами; наша любовь должна быть также чиста, какъ у двухъ любящихъ сердець, соединяющихся въ загробной жизни. Но развѣ недовольно счастья -- быть всегда вмѣстѣ, въ тѣсномъ союзѣ сердца и мысли? Слушай: я только-что оставила моего отца. Онъ соглашается на нашъ союзъ при такихъ условіяхъ. Я пользуюсь достаточнымъ вліяніемъ въ *коллегіи ученыхъ*, что-бы черезъ нихъ испросить невмѣшательство *Тура* въ свободный выборъ *Гай*, если ея бракъ съ чужеземцемъ будетъ только -- союзомъ душъ. Развѣ для истинной любви недостаточно такого чистаго союза? Сердце мое рвется къ тебѣ не для одной этой жизни, гдѣ я буду дѣлать съ тобою всѣ ея радости и печали: я предлагаю тебѣ вѣчный союзъ, въ мірѣ безсмертныхъ духовъ. Развѣ ты отринешь меня?"

Въ то время, какъ она говорила, ея лицо совершенно измѣнилось; отчасти строгое выраженіе его исчезло, и эти чудныя человѣческія черты сіяли теперь почти небесной красотой. Но она скорѣе наводила на меня трепеть, какъ ангелъ, предъ которымъ я готовъ былъ преклониться, и не могла пробудить во мнѣ тѣхъ чувствъ, которыхъ требовало сердце женщины. Послѣ неловкаго молчанія, длившагося нѣсколько моментовъ, я сталъ высказывать ей мое чувство благодарности и въ уклончивыхъ выраженіяхъ, соблюдая всякую деликатность, старался дать ей понять: всю

унизительность моего положенія между ея соотечественниками, какъ мужа, лишеннаго права быть отцомъ.

"Но міръ" сказала *Зи*, "не ограничивается одною нашею общиной, или племенемъ *Врилья*. Ради тебя, я готова покинуть мою страну и мой народъ, Мы улетимъ съ тобою въ какую нибудь отдаленную страну, гдѣ ты будешь въ полной безопасности. У меня хватитъ силы, чтобы перенести тебя на моихъ крыльяхъ чрезъ всѣ дикія пустыни, которыя намъ встрѣтятся на пути. Я сумѣю пробить долину среди скалъ для постройки нашего жилища, гдѣ ты одинъ замѣнишь для меня цѣлый міръ. Но, можетъ быть, ты непременно хочешь возвратиться въ твой дикій міръ, съ его непостояннымъ климатомъ, освѣщаемый его переменчивыми свѣтилами? Только скажи мнѣ слово, -- и я открою тебѣ обратный путь; и тамъ я буду вѣрною подругою твоего сердца, пока мы не соединимся въ томъ вѣчномъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ни смерти, ни разлуки".

Я былъ до глубины души тронуть этимъ страстнымъ выраженіемъ самой чистой, искренней любви, этимъ нѣжнымъ голосомъ, доходившимъ до глубины сердца. На мгновенье мнѣ казалось, что я могъ-бы воспользоваться могуществомъ *Зи* для своего возвращенія на поверхность земли. Но самага краткаго размышленія было достаточно, что бы показать всю низость такого поступка въ возвратъ за всю ея безконечную преданность; я увлекалъ это удивительное существо изъ роднаго дома, гдѣ меня принимали съ такимъ радушіемъ, въ чуждый и ненавистный ей міръ; и развѣ, ради этой возвышенной духовной любви, я въ силахъ былъ навсегда отказаться отъ привязанности, болѣе близкой мнѣ по природѣ, земной женщины. Но, думая о *Зи*, я не долженъ былъ забывать при этомъ и о той расѣ, къ которой я принадлежалъ по рожденію.

Развѣ я могъ ввести въ нашъ міръ существо, обладающее такими могучими, почти сверхъ-естественными силами, которое однимъ взмахомъ своего жезла могло обратить въ пепель цѣлый Нью-Йоркъ, со всѣми его удивительными учрежденіями? Да кромѣ той опасности, которая въ лицѣ ея угрожала-бы цѣлому міру, развѣ я самъ могъ быть увѣренъ въ своей личной безопасности съ такою подругою, въ случаѣ какой либо переменны въ ея привязанности, или малѣйшаго повода къ ея ревности. Всѣ эти мысли быстро пронесли въ моей головѣ и послужили основаніемъ моего отвѣта.

"*Зи*", сказалъ я съ чувствомъ, прижимая ея руку къ своимъ губамъ, "у меня нѣтъ словъ, чтобы высказать, -- какъ я тронуть, какъ я почтенъ твоей высокой самоотверженной любовью. Я отвѣчу тебѣ съ полною искренностью. У каждаго народа свои обычаи. Обычай твоего народа не позволяетъ тебѣ быть моею женою; точно также, по условіямъ нашей жизни, я немогу вступить въ подобный союзъ. Съ другой стороны, хотя я и не лишенъ извѣстнаго мужества, при встрѣчѣ съ знакомыми мнѣ опасностями, но я безъ ужаса не могу себѣ представить того брачнаго жилища, о которомъ ты говорила... среди вѣчнаго хаоса борющихся между собою стихій... огня, воды, душающихъ газовъ... въ постоянной опасности быть съѣденнымъ какой нибудь гигантской ящерицей. Я, слабый Тишъ, недостойнъ любви *Гай*, -- столь высокой, мудрой и могучей, какъ ты. Да, я недостойнъ этой любви, потому что я немогу отвѣчать на нее".

Зи оставила мою руку, встала и отвернулась, чтобы скрыть свое волненіе; она сдѣлала нѣсколько шаговъ къ выходу, и остановилась на порогѣ. Внезапно какая-то новая мысль поразила ее; она вернулась ко мнѣ и сказала шепотомъ:

"Ты сказалъ мнѣ, что слова твои искренны. Такъ отвѣтъ мнѣ совершенно искренно на этотъ вопросъ. Если ты не можешь любить меня, -- не любишь-ли ты другую?"

"Никого".

"Ты не любишь сестру *Таэ*?"

"Я въ первый разъ видѣлъ ее вчера".

"Это не отвѣтъ. Любовь быстрѣе *вриля*. Ты колеблешься сказать мнѣ. Не думай, что только одна ревность побуждаетъ меня предостеречь тебя. Если дочь *Тура* признается тебѣ въ любви... если она, по своей необдуманности, скажетъ своему отцу, что ты отвѣчаешь ей, онъ долженъ немедленно истребить тебя; это его прямая обязанность; потому что благо общества не допускаетъ, чтобы дочь *Вриля* вступила въ бракъ съ сыномъ *Тиша* (если это не одинъ духовный союзъ). Увы! Тогда уже для тебя нѣтъ спасенья. У нея не хватитъ силъ, чтобы унести тебя на своихъ крыльяхъ; у нея нѣтъ тѣхъ знаній, чтобы устроить ваше жилище въ пустынь. Вѣрь мнѣ, что это предостереженіе вызвано только моею дружбою, а не ревностью".

Съ этими словами *Зи* оставила меня. И съ ея уходомъ, разлетѣлись въ прахъ всѣ мои мечты о тронѣ *Вриля*, а также и о всѣхъ тѣхъ политическихъ и соціальныхъ реформахъ, которыми я хотѣлъ облагодѣтельствовать эту страну, въ качествѣ ея неограниченнаго государя.

XXV.

Послѣ описаннаго разговора съ *Зи*, я впалъ въ глубокую меланхолію. Тотъ интересъ, который возбуждали во мнѣ жизнь и обычаи этого удивительнаго общества, -- совершенно пропалъ. Меня теперь постоянно преслѣдовала мысль, что я нахожусь среди народа, который, -- при всей своей внѣшней добротѣ ко мнѣ и мягкости; -- во всякую минуту и безъ малѣйшаго колебанія можетъ подвергнуть меня смерти. Добродѣтельная и мирная жизнь этихъ людей, въ началѣ казавшаяся мнѣ столь привлекательною, по сравненіи съ бурными страстями и волненіями нашего міра, -- теперь удручала меня своей скукою и однообразіемъ. Даже ясная тишина этой, вѣчно освѣщенной, атмосферѣ способствовала къ упадку моего духа. Я жаждалъ какой нибудь перемѣны, все равно -- будь то зима, буря, мракъ. Я начиналъ сознавать, что мы, смертные, населяющіе верхній міръ, -- какъ ни мечтаемъ мы объ усовершенствованіи человѣка, какъ ни стремимся мы къ высшей, болѣе справедливой и мирной жизни, -- неподготовлены для того, чтобы долго наслаждаться тѣмъ самымъ счастьемъ, которое составляетъ нашъ идеалъ.

Общественное устройство *Вриля* было весьма характерно въ томъ отношеніи, что здѣсь было соединено въ одномъ гармоническомъ цѣломъ все то, къ чему стремились разные философы нашего міра и что они представляли людямъ, въ своихъ утопіяхъ будущаго человѣческаго счастья. Это было общество, незнакомое съ войной и всѣми ея ужасами; общество, гдѣ была обезпечена полнѣйшая свобода всѣхъ и cadaго, безъ проявленія той вражды, которая у насъ составляетъ неизбѣжное слѣдствіе борьбы партій, добивающихся этой свободы. Равенство здѣсь было не однимъ пустымъ звукомъ: оно дѣйствительно существовало. Богатство не преслѣдовалось, потому что не возбуждало зависти. Громадный вопросъ о трудѣ, до сихъ поръ считающійся у насъ неразрѣшимымъ и ведущій къ ожесточенной борьбѣ между классами, -- здѣсь былъ

разрѣшенъ самымъ простымъ образомъ: -- упраздненіемъ рабочихъ, какъ отдѣльнаго класса общества. Удивительные механизмы, приводимые въ движеніе новой силой, -- по своему могуществу и легкости управленія, далеко превосходившей всѣ результаты, полученные нами отъ примѣненія пара или электричества, -- подѣ надзоромъ дѣтей, нисколько не утомлявшихся этой работой, скорѣе похожей для нихъ на игры и развлечения... всего этого оказывалось достаточнымъ, чтобы создать народное богатство, которое исключительно примѣнялось къ осуществленію общественнаго блага. Для развитія пороковъ нашихъ большихъ городовъ здѣсь не было почвы. Развлеченій было множество; но всѣ они были самага невиннаго характера. Увеселенія не приводили къ пьянству, буйствамъ и болѣзни. Любовь здѣсь существовала самая пылкая; но разѣ было достигнуто обладаніе любимымъ предметомъ, -- вѣрность ея никогда не нарушалась. Развратъ представлялся такимъ небывалымъ явленіемъ въ этомъ обществѣ, что слова для обозначенія разныхъ его видовъ приходилось искать въ забытой литературѣ, существовавшей нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ. Всѣмъ, знакомымъ съ нашими философскими и соціальными науками, хорошо извѣстно, что многія изъ приведенныхъ здѣсь уклоненій отъ обычаевъ цивилизованной жизни, представляютъ только воплощеніе идей, давно извѣстныхъ, осмѣянныхъ одними и горячо защищаемыхъ другими; причемъ онѣ частью были испробованы и еще чаще облекались въ форму фантастическихъ книгъ.., но до сихъ поръ не получили практическаго примѣненія въ жизни. Описываемое общество сдѣлало нѣсколько другихъ крупныхъ шаговъ на пути къ тому совершенствованію, о которомъ мечтали наши мыслители. Декартъ былъ убѣжденъ, что жизнь человѣческая можетъ быть продолжена до такъ называемаго возраста *патріарховъ*, и опредѣлялъ ее отъ ста до ста пятидесяти лѣтъ. И они не только достигли осуществленія этой мечты великаго мыслителя, но даже превзошли ее; потому что люди сохраняли здѣсь всю бодрость средняго возраста даже за предѣлами ста лѣтъ. Съ этимъ долготіемъ было соединено еще большее благо -- постояннаго здоровья. Всѣ встрѣчавшіяся между ними болѣзни легко поддавались цѣлебному дѣйствию открытой ими силы природы, -- какъ разрушающей, такъ и возстановляющей жизнь, -- извѣстной у нихъ подѣ именемъ *вриля*. Эта идея уже отчасти извѣстна у насъ на землѣ, въ видѣ разнообразныхъ лѣчебныхъ примѣненій электричества и животнаго магнетизма; хотя ею много злоупотребляютъ легковѣрные энтузіасты и шарлатаны. Не распространяясь о сравнительно легкомъ примѣненіи крыльевъ къ летанію (подобныя попытки съ древнихъ временъ извѣстны каждому школьнику), -- я перехожу теперь къ самому чувствительному вопросу, отъ разрѣшенія котораго, судя по мнѣніямъ, высказаннымъ за послѣднее время, со стороны двухъ самыхъ вліятельныхъ и безпокойныхъ элементовъ нашего общества, -- женщинъ и философовъ, -- зависитъ все дальнѣйшее счастье рода человѣческаго. Я подразумѣваю женскій вопросъ.

Многіе юристы допускаютъ, что всякіе разговоры о правахъ, при отсутствіи достаточной силы, чтобы отстоять ихъ, -- являются однимъ изъ видовъ празднословія; и у насъ на землѣ, мужчина, -- по той или другой причинѣ, -- обладающій большею физическою силою, а также лучше владѣющій оружіемъ, какъ оборонительнымъ, такъ и наступательнымъ, если дѣло доходитъ до личной борьбы, въ большинствѣ случаевъ можетъ одолѣть женщину. Но среди этого народа не можетъ быть вопроса о правахъ женщинъ уже потому только, что *Гай* выше и сильнѣе своего *Ана*; къ тому-же, обладая въ

большей степени способностью *сосредоточенія воли*, необходимой для полного проявленія дѣйствія *врилля*, она въ добавокъ можетъ еще подвергать его могучему вліянію этой силы, почерпнутой изъ самой природы. Поэтому все, что требуютъ наши передовыя женщины для своего пола, -- въ этомъ счастливомъ обществѣ уже неотъемлемо принадлежитъ имъ по *праву сильнаго*. Кромѣ такого физическаго превосходства, *Джай-и* (по крайней мѣрѣ въ молодости) превосходятъ мужчинъ и въ своемъ стремленіи къ научному образованію; и изъ нихъ состоитъ большая часть ученыхъ, профессоровъ -- однимъ словомъ, самая образованная часть общества.

Конечно, при такомъ общественномъ строѣ, женщина (какъ я уже показывалъ) удержала за собою и самую главную привилегію -- инициативу въ выборѣ мужа. Безъ нея -- она, пожалуй, отказалась-бы и отъ всѣхъ другихъ. У меня являются, не вполнѣ безосновательныя опасенія, что если-бъ и у насъ да землѣ женщина обладала такими необыкновенными преимуществами, то, взявъ себѣ мужа, -- она, пожалуй, обращалась-бы съ нимъ съ крайнимъ самовластіемъ и тиранствомъ. Не такъ поступали *Джай-и*: разъ выйдя замужъ и повѣсивъ свои крылья, -- онѣ обращались въ самыхъ милыхъ, покорныхъ и нѣжныхъ женъ, забывающихъ о своихъ преимуществахъ и всѣми силами старающихся угодить своему супругу; однимъ словомъ, превосходили все, что только могло создать пылкое воображеніе поэта въ его картинахъ супружескаго благополучія. Перехожу къ послѣдней характеристической чертѣ *Врилля*, отличающей ихъ отъ насъ и наиболѣе повліявшей на сохраненіе мира и тишины въ ихъ общественной жизни, это -- всеобщее между ними убѣжденіе въ существованіи милосерднаго Божества и будущей жизни, предъ которой ихъ настоящее существованіе кажется столь кратковременнымъ, что имъ просто жаль тратить его на помыслы о богатствѣ, власти и силѣ; съ этимъ убѣжденіемъ у нихъ неразрывно связано другое: -- что имъ доступно только понятіе о необъятной добротѣ этого Божества и невыразимомъ блаженствѣ будущей жизни, что дѣлаетъ невозможными всякіе богословскіе диспуты по поводу неразрѣшимыхъ въ сущности вопросовъ. Такимъ образомъ этому подземному обществу удалось достигнуть того, чего еще не достигала ни одна изъ существующихъ странъ, озаренныхъ солнцемъ: - - счастья и утѣшенія, доставляемыхъ религіею, при полномъ отсутствіи всѣхъ тѣхъ золь и бѣдствій, которыя обыкновенно сопровождаютъ религіозную борьбу.

На основаніи всего этого слѣдуетъ признать, что жизнь *Врилля*, взятая въ цѣломъ, несравненно счастливѣе нашей, на поверхности земли; и, представляя собою осуществленіе самыхъ смѣлыхъ идей нашихъ филантроповъ, почти приближается къ понятію о высшихъ существахъ. Но, если-бъ взять тысячу изъ самыхъ лучшихъ и развитыхъ гражданъ Лондона, Парижа, Нью-Йорка и даже Бостона и посадить ихъ въ это удивительное общество, -- я увѣренъ, что менѣе чѣмъ черезъ годъ они, -- или умрутъ отъ скуки, или сдѣлаютъ попытку революціи, направленной противъ общественнаго блага и, по просьбѣ *Тура*, будутъ обращены въ пепель.

Конечно у меня въ мысляхъ не было, путемъ этого разсказа -- бросить какую либо тѣнь на расу, къ которой я принадлежу по рожденію. Напротивъ, я старался выяснить, что принципы, на которыхъ держится общественный строй *Врилля*, -- не допускаютъ появленія тѣхъ великихъ исключеній, которыя украшаютъ наши лѣтописи. Гдѣ не существуетъ войны, -- не можетъ быть Аннибала, Вашингтона или Джаксона; гдѣ общественное благополучіе и всеобщій миръ не допускаютъ какихъ либо перемѣнъ или

опасеній, -- не могутъ явиться Демосѣень, Вебстеръ, или Сомнеръ; гдѣ общество достигаетъ такого нравственнаго уровня, что въ немъ не существуетъ ни горя, ни преступленій, изъ которыхъ трагедія для комедія могли-бы почерпнуть свои матеріалы, -- тамъ не можетъ быть ни Шекспира, ни Мольера, ни Бичеръ-Стоу. Но если у меня нѣтъ желанія бросить камнемъ въ моихъ ближнихъ, показывая, -- на сколько побужденія, вызывающія чувства энергіи и самолюбія въ обществѣ, установленномъ на началахъ борьбы и соревнованія, -- исчезаютъ въ средѣ, задавшейся мыслью достигнуть всеобщаго покоя и благополучія, отчасти напоминающихъ жизнь неземныхъ существъ, -- тѣмъ менѣе я стремлюсь представить общину *Врильа*, какъ идеальную форму того политическаго устройства, къ достиженію котораго должны быть направлены всѣ наши усилія и всѣ реформы. Напротивъ, в теченіи многихъ вѣковъ, характеръ нашей расы сложился въ такую форму, при которой намъ немыслимо приспособить себя, со всѣми нашими страстями, къ образу жизни *Вриль-я*. И я пришелъ къ убѣжденію, что этотъ народъ, -- хотя онъ первоначально произошелъ отъ общихъ съ нами предковъ и, судя по сохранившимся у нихъ мифамъ и по ихъ исторіи, прошелъ чрезъ всѣ знакомыя намъ фазы общественнаго устройства, -- но, путемъ постепеннаго развитія, превратился въ другую, чуждую намъ расу, сліяніе которой съ существующими на землѣ обществами никогда не будетъ возможно. И если они когда нибудь, какъ гласитъ ихъ собственное преданіе, выйдутъ изъ подъ земли на свѣтъ солнца, -- то они неизбежно должны истребить и замѣстить собою всѣ существующія человѣческія племена.

Можно еще допустить пожалуй, что если *Врильа* и покажутся на поверхности земли, то мы избѣгнемъ окончательнаго истребленія путемъ смѣшанныхъ браковъ, благодаря той склонности, которую ихъ *Джай-и* (какъ то было въ моемъ случаѣ) оказываютъ представителямъ нашей расы. Но на это мало надежды. Примѣры такого *mesalliance* будутъ также рѣдки, какъ браки между Англо-Саксонскими эмигрантами и краснокожими индѣйцами. Да и недостаточно будетъ времени, чтобы могли установиться сношенія между обоими племенами. Прельщенные видомъ нашего неба, озареннаго солнцемъ, *Врильа конечно*, захотятъ поселиться на поверхности земли, и дѣло истребленія начнется немедленно, такъ какъ они захватятъ воздѣланныя территоріи и уничтожатъ все населеніе, которое будетъ противиться имъ. Если *Врильа* первоначально появятся въ свободной Америкѣ (и въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что ихъ, конечно, привлечетъ эта избранная часть земнаго шара) и объявятъ жителямъ; "мы занимаемъ эту часть земли; граждане *Кумъ-Поша*, очищайте мѣсто для развитія высшей расы *Врильа!*" -- то конечно мои дорогіе соотечественники, извѣстные своей задорной храбростью, вступятъ съ ними въ борьбу и, по прошествіи недѣли, не останется ни одной души, подъ славнымъ знаменемъ со звѣздами и полосами.

Теперь я мало встрѣчался съ Зи, за исключеніемъ того дня, когда все семейство собиралось за столомъ, и тутъ она была крайне сдержанна и молчалива. Мои опасенія, возбужденныя ея склонностью ко мнѣ, теперь исчезли, но уныніе все таки не покидало меня. Меня одолѣвало страстное желаніе выбраться на поверхность земли; но, какъ я ни ломалъ голову, всѣ подобныя попытки ни къ чему-бы не привели, меня никуда не пускали одного; такъ что я не могъ дойти до мѣста моего перваго спуска и посмотрѣть -- не представлялось-ли возможности подняться въ рудникъ. Даже въ *тихіе часы*, когда весь домъ былъ погруженъ въ сонъ, я не въ состояніи былъ спуститься изъ моей комнаты,

помѣщавшейся въ верхнемъ этажѣ. Я не умѣлъ повелѣвать автоматами, которые, какъ-бы издѣваясь надо мною, неподвижно стояли около ближайшей стѣны; я былъ также незнакомъ съ устройствомъ механизма элеватора. Все это намѣренно держали отъ меня въ тайнѣ. О если-бы я только владѣлъ крыльями, доступными здѣсь каждому ребенку! Я вылетѣлъ-бы изъ окна, перенесся-бы къ той скалѣ съ разщелиною и тутъ, не взирая на ея отвѣсныя бока, крылья пособили-бы мнѣ выбраться на землю.

XXVI.

Однажды я сидѣлъ задумавшись въ моей комнатѣ, когда въ окно влетѣлъ *Таэ* и сѣлъ около меня на диванѣ. Я всегда былъ радъ посѣщеніямъ этого ребенка, такъ какъ въ его обществѣ я чувствовалъ себя менѣе подавленнымъ ихъ высшимъ умомъ и развитіемъ, чѣмъ съ взрослыми *Ана*. Какъ уже было говорено, мнѣ позволяли гулять съ нимъ, и, желая воспользоваться этимъ, чтобы обозрѣть мѣсто моего спуска, я предложилъ ему пройти за городъ. Мнѣ показалось, что лицо его было серьезнѣе обыкновеннаго, когда онъ отвѣчалъ: -- "Я нарочно здѣсь, чтобы пригласить тебя со мною".

Мы скоро очутились на улицѣ и еще не успѣли далеко пройти отъ дому, когда встрѣтились съ цѣлою группою молодыхъ *Джай-и*, возвращавшихся съ полей съ корзинами, наполненными цвѣтами, и пѣвшими хоромъ. Молодая *Гай* чаще поетъ, чѣмъ говоритъ. Онѣ остановились и заговорили съ нами, обращаясь ко мнѣ съ тою почти галантною любезностью, которая отличаетъ *Джай-и* въ ихъ обращеніи съ нашимъ, здѣсь болѣе слабымъ поломъ.

Во время этого разговора насъ увидѣла изъ верхнихъ оконъ дома ея отца сестра *Таэ* и, устремившись на своихъ крыльяхъ съ этой высоты, опустилась посреди насъ. Она прямо обратилась ко мнѣ съ довольно неумѣстнымъ вопросомъ: -- "Отчего ты никогда не приходишь къ намъ?"

Пока я собирался ей отвѣтить, *Таэ* быстро оказалъ съ выраженіемъ строгости: -- "Сестра, ты забываешь, что чужестранецъ принадлежитъ къ моему полу, и ему неприлично унижать свое достоинство въ погонѣ за обществомъ *Гай*".

Этотъ отвѣтъ видимо произвелъ хорошее впечатлѣніе на прочихъ, но бѣдная сестра *Таэ* была сильно сконфужена.

Въ это время какая то тѣнь упала между мною и стоявшею противъ меня группою; повернувъ голову, я увидѣлъ правителя, приближающагося къ намъ тою мѣрною величавою походкою, которая отличаетъ *Вриль-я*. При взглядѣ на его лицо, меня охватилъ тотъ-же ужасъ, который я испыталъ при своей первой встрѣчѣ съ нимъ. Въ этихъ глазахъ, во всемъ выраженіи лица скрывалось что-то необъяснимое, враждебное нашей расѣ; въ немъ былъ и ясный покой и сознаніе высшей силы, спокойной и непреклонной, какъ у судьи, изрекающаго свой приговоръ. По всему моему тѣлу пробѣжала дрожь; поклонившись ему, я взялъ за руку моего друга-ребенка и хотѣлъ продолжать путь. *Туръ* остановился на одно мгновенье передъ нами и безмолвно посмотрѣлъ на меня; потомъ онъ перевелъ взглядъ на свою дочь, и съ привѣтствіемъ, обращеннымъ къ ней и другимъ *Гай*, прошелъ далѣе черезъ ихъ группу, не сказавъ ни одного слова.

XXVII.

Когда мы съ *Таэ* очутились одни на большой дорогѣ, лежавшей между городомъ и тою разщелиною въ скалѣ, чрезъ которую я спустился въ этотъ мѣръ, я сказалъ ему почти шепотомъ: -- "Дитя, меня привело въ ужасъ лицо твоего отца. Я точно прочелъ въ немъ свой смертный приговоръ".

Таэ не отвѣчалъ мнѣ сразу. Онъ, повидимому, испытывалъ безпокойство и какъ будто подыскивалъ слова, чтобы сообщить мнѣ непріятное извѣстіе. Наконецъ, онъ сказалъ: "никто изъ *Врильа* не боится смерти: -- а ты?"

"Ужасъ смерти свойственъ всей моей расѣ. Мы можемъ побороть его подъ вліяніемъ чувства долга, чести, или любви. Мы можемъ умереть за правду, за родину, за тѣхъ, которые намъ дороже себя. Но если смерть дѣйствительно угрожаетъ мнѣ, то гдѣ же здѣсь тѣ причины, которыя могли-бы побѣдить этотъ естественный ужасъ человѣка, при наступленіи того роковаго момента, когда тѣло отдѣляется отъ души".

Таэ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ: но глаза его свѣтились нѣжностью, когда онъ отвѣчалъ: -- "я передамъ твои слова моему отцу. Я буду молить его -- пощадить твою жизнь".

"Значитъ, онъ уже рѣшилъ уничтожить ее?"

"Въ этомъ виновато безуміе моей сестры", произнесъ *Таэ* съ нѣкоторымъ раздраженіемъ. "Она говорила съ нимъ сегодня утромъ; послѣ этого онъ позвалъ меня, какъ старшаго изъ дѣтей, которымъ поручено истребленіе всего, что грозитъ общественному благу, и сказалъ: -- "*Таэ*, возьми твой жезлъ *вриля* и найди дорогаго тебѣ чужестранца. Смерть его должна быть легкая и быстрая".

"И ты!" воскликнулъ и, отпрянувъ съ ужасомъ отъ ребенка, "и ты предательски заманилъ меня на прогулку, съ цѣлью убійства? Я не въ силахъ повѣрить этому. Я не считаю тебя способнымъ на такое ужасное преступленіе".

"Истребить то, что вредитъ обществу, -- не преступленіе. Вотъ было-бы преступленіемъ -- убить какое нибудь безвредное насѣкомое".

"Если ты этимъ хочешь сказать, что я угрожаю обществу, потому что твоя сестра оказываетъ мнѣ такого-же рода предпочтеніе, какъ ребенокъ, увлекающей его игрушкѣ, - то еще нѣтъ надобности изъ за этого убивать меня. Дай мнѣ возможность возвратиться къ моему народу тѣмъ-же путемъ, по которому я спустился къ вамъ; ты можешь теперь же пособить мнѣ въ этомъ. тебѣ стоитъ только подняться на твоихъ крыльяхъ въ разщелину и укрѣпить къ выступу скалы конецъ той самой веревки, которую ты здѣсь нашелъ и которая вѣроятно у васъ сохранилась. Сдѣлай только это; пособи мнѣ добраться до того мѣста, откуда я спустился; и вы болѣе не увидите меня, какъ будто я никогда не существовалъ".

"Разщелина по которой ты спустился? Взгляни на верхъ; мы какъ разъ стоимъ подъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ она была. Что-же ты видишь? Одну сплошную скалу. Она была уничтожена по распоряженію *Афъ-Лина*, какъ только онъ узналъ отъ тебя о природѣ покинутого тобою міра. Ты помнишь, когда *Зи* воспретила мнѣ всякіе разспросы о тебѣ самомъ и о твоёмъ племени? Въ тотъ-же день *Афъ-Линъ* сказалъ мнѣ: "между родиной чужестранца и нами не должно быть никакого сообщенія, иначе все то горе и зло, которыми полна эта страна, -- проникнуть къ намъ. Возьми съ собою другихъ дѣтей и громите вашими жезлами сводъ пещеры, пока осколки камня не заполнятъ малѣйшей трещины".

При послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ ребенкомъ, я бросилъ отчаянный взглядъ на сводъ пещеры. Предо мною подымались громадныя гранитныя массы, носившія еще слѣды расколовъ; отъ основанія до верху -- одинъ сплошной каменный сводъ, безъ признаковъ малѣйшей щели или отверстія.

"Послѣдняя надежда пропала", прошепталъ я, опускаясь на землю, "и я болѣе не увижу солнца". Я закрылъ лицо руками и сталъ молиться Тому, чье присутствіе я такъ часто забывалъ среди Его твореній. Теперь я сознавалъ Его и въ нѣдрахъ земли. Наконецъ, я поднялъ голову... молитва успокоила меня... и я сказалъ ребенку: -- "Если тебѣ велѣно убить меня, я готовъ... рази!"

Таэ тихо покачалъ головою. "Нѣтъ", сказалъ онъ, "рѣшеніе моего отца не безповоротно. Я буду говорить съ нимъ и, можетъ быть, мнѣ удастся тебя спасти. Мнѣ странно видѣть, что ты боишься смерти; мы думали, что это только инстинктъ низшихъ созданий, которыя лишены сознанія о другой жизни. Самый маленькій ребенокъ между нами не знаетъ такого страха. Скажи мнѣ, мой дорогой *Тишь*, продолжалъ онъ, послѣ минутнаго молчанія, -- будетъ-ли для тебя легче переходъ отъ этой жизни въ другую, если я буду сопутствовать тебѣ? Если это такъ, то я спрошу отца -- разрѣшается-ли мнѣ слѣдовать за тобою. Когда я вырасту, мнѣ предстоитъ вмѣстѣ съ другими эмигрировать въ новую неизвѣстную страну, я готовъ теперь-же уйти съ тобою въ неизвѣстныя страны другого міра. Всеблагой присутствуетъ и тамъ. Гдѣ Его нѣтъ?"

"Дитя", сказалъ я, увидѣвъ по его лицу, что онъ говоритъ серьезно, "убивая меня, ты дѣлаешь преступленіе; я сдѣлаю не меньшее, если скажу, "убей себя". Всеблагой даетъ намъ жизнь и Самъ отнимаетъ ее, когда приходитъ время. Теперь вернемся назадъ. Если отецъ твой останется при своемъ рѣшеніи, постарайся заранѣе предупредить меня, чтобы я могъ приготовиться къ смерти".

На обратномъ пути въ городъ разговоръ нашъ часто прерывался. Мы не въ состояніи были понимать другъ друга; идя рядомъ съ этимъ прелестнымъ ребенкомъ съ его мягкимъ голосомъ и чуднымъ лицомъ, я все-таки не могъ подавить въ себѣ впечатлѣнія, что я направляюсь къ мѣсту казни съ своимъ палачемъ.

XXVIII.

Среди ночи, или тѣхъ часовъ, которые посвящены отдыху у *Врильа*, въ то время, какъ я только что сталъ забываться во снѣ, меня разбудило прикосновеніе чьей то руки къ моему плечу; я проснулся, и увидѣлъ *Зи*, стоявшую около моей кровати.

"Тише", прошептала она, "никто не долженъ слышать насъ. Неужели ты думаешь, что я перестала заботиться о твоей безопасности, потому что ты не отвѣчалъ на мою любовь? Я видѣла *Таэ*. Онъ не имѣлъ успѣха у своего отца, который ранѣе (какъ всегда онъ дѣлаетъ въ затруднительныхъ случаяхъ) совѣщался съ тремя членами *ученой коллегіи* и, по ихъ совѣту, приговорилъ тебя къ смерти съ наступленіемъ дня. Я спасу тебя. Вставай и одѣвайся".

Она указала да столъ около кровати, гдѣ лежало то платье, которое было на мнѣ при спускѣ въ подземный міръ и которое я потомъ замѣнилъ болѣе живописнымъ костюмомъ *Врильа*. Пока я одѣвался, полный невыразимаго удивленія, она стояла на балконѣ. Когда я присоединился къ ней, она взяла меня за руку и сказала тихимъ голосомъ: "Видишь, какъ благодаря искусству *Врильа*, сіяетъ обитаемый ими міръ.

Завтра онъ будетъ полонъ одного мрака для меня". Потомъ, не дожидаясь моего отвѣта, она повела меня изъ моей комнаты въ корридоръ, откуда мы спустились въ выходной залъ. Мы шли по опустѣлымъ улицамъ и скоро достигли той большой дороги, которая извивалась у подножія горъ. Здѣсь, гдѣ не существуетъ ни дня, ни ночи, эти *тихіе часы* полны особой торжественности: въ этомъ громадномъ пространствѣ, освѣщенномъ искусствомъ человѣка, не было замѣтно малѣйшаго признака человѣческой жизни. Какъ ни тихо ступали мы, звукъ нашихъ шаговъ неприятно поражалъ мой слухъ: онъ былъ дисгармоніей съ окружающею насъ тишиной. Я рѣшилъ въ своемъ умѣ, что *Зи* хочетъ содѣйствовать къ моему возвращенію на поверхность земли и что мы идемъ къ тому мѣсту, откуда я къ нимъ спускался. Молчаніе ея дѣйствовало заразительно и на меня. Въ полной тишинѣ мы подошли къ мѣсту бывшей разщелины въ скалѣ. Она была возобновлена, хотя уже представляла теперь другой видъ; въ громадномъ каменномъ сводѣ, подъ которымъ я недавно стоялъ съ *Гаэ*, было пробито новое отверстіе, обугленные бока котораго мѣстами еще дымились и сверкали искрами. Но зрѣнію моему была доступна только небольшая часть этой громадной, зіявшей мракомъ, пустоты, и я не могъ себѣ представить, какимъ способомъ я могу совершить этотъ ужасный подъемъ.

Зи угадала мои мысли. "Не бойся", сказала она съ тихой улыбкой, "твое возвращеніе обезпечено. Съ самаго наступленія *тихихъ часовъ*, когда все погрузилось въ сонъ, я начала эту работу: будь увѣренъ, что я не оставила ее, пока не былъ открытъ тебѣ свободный путь въ верхній міръ. Я еще пробуду съ тобой нѣсколько времени. Мы не разстанемся, пока ты не скажешь: "иди, ты мнѣ не нужна болѣе".

Я былъ тронутъ до глубины сердца этими словами. "О! если-бъ мы были съ тобой одного племени", воскликнулъ я, "никогда не сказалъ-бы я: "ты мнѣ не нужна болѣе!"

"Я благословляю тебя за эти слова и я буду помнить ихъ, когда мы разстанемся", сказала съ нѣжностью *Гай*.

Въ то время какъ мы обмѣнивались этими словами, *Зи* стояла отвернувшись отъ меня, и голова ея была опущена на грудь. Теперь она остановилась предо мной, выпрямившись во весь ростъ. Она зажгла прикосновеніемъ жезла *врия* діадему съ опалами, бывшую на ея головѣ, и она сіяла теперь, какъ звѣздная корона. Не только ея лицо и фигура, но и все пространство вокругъ нея были освѣщены блестящими лучами, исходившими отъ этой діадемы.

"Теперь", сказала она, "обойми меня... въ первый и въ послѣдній разъ. Вотъ такъ; держись за меня крѣпко и не бойся".

При этихъ словахъ, громадныя крылья раскрылись, грудь ея расширилась, и, крѣпко обнявъ ее, я сталъ подыматься въ этой ужасной пропасти. Ровно, спокойно, окруженная яснымъ сіяніемъ, -- подобно ангелу, уносившему изъ могилы въ своихъ объятіяхъ человѣческую душу, летѣла *Гай*, наконецъ, до меня стали доноситься слабые звуки человѣческихъ голосовъ и человѣческаго труда. Мы остановились въ одной изъ галлерей рудника; вдали, въ наполнявшемъ ее мракѣ, слабо мерцали лампы рудокоповъ. Тутъ я опустилъ мои руки. *Гай* нѣжно поцѣловала меня въ лобъ и сказала, въ то время, какъ слезы выступили у нея на глазахъ: -- "прощай навсегда. Ты не захотѣлъ, чтобы я послѣдовала въ твой міръ; тебѣ нельзя было остаться въ моемъ. Къ тому времени, какъ проснется нашъ домъ, эти скалы сомкнутся опять; я болѣе не открою ихъ... можетъ такъ

онѣ и останутся... на множество вѣковъ. Думай иногда обо мнѣ. Когда кончится эта краткая жизнь, я буду ждать встрѣчи съ тобой".

Голосъ ея замолкъ. Я слышалъ удаляющійся шумъ ея крыльевъ и видѣлъ, какъ постепенно исчезалъ во мракѣ бездны свѣтлый лучъ ея діадемы.

Нѣсколько времени сидѣлъ я въ глубокой задумчивости; наконецъ, я поднялся и тихо пошелъ въ томъ направленіи, откуда слышались человѣческіе голоса. Попавшіеся мнѣ навстрѣчу рудокопы были иностранцы; они съ изумленіемъ посмотрѣли на меня; но, видя что я не понимаю ихъ языка, принялись за свою работу и больше не обращали на меня вниманія. Однимъ словомъ, почти безъ дальнѣйшихъ задержекъ мнѣ удалось выбраться изъ шахты. На пути я встрѣтилъ одного изъ знакомыхъ мнѣ штейгеровъ; но онъ былъ очень занятъ и потому не задерживалъ меня. Конечно я не показался на свою старую квартиру и поспѣшилъ оставить это мѣсто, гдѣ я не могъ-бы избѣжать многихъ затруднительныхъ разспросовъ. Я благополучно вернулся на родину, гдѣ я окончательно поселился и занялся дѣлами; три года тому назадъ, вполнѣ обезпеченный, я оставилъ свои занятія. За все это время, мнѣ рѣдко приходилось распространяться о путешествіяхъ и приключеніяхъ моей юности. Разочарованный, какъ и большинство между нами, въ своей семейной жизни, я часто, сидя одинъ вечеромъ, вспоминаю о молодой *Гай* и удивляюсь, какъ я могъ отвергнуть такую любовь, несмотря на всѣ ея опасности и стѣснительныя условія. Но чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ народѣ, продолжающемъ свое развитіе въ этомъ, невѣдомомъ нашимъ ученымъ, подземномъ мірѣ, -- со всѣми открытыми ими новыми примѣненіями грозныхъ силъ природы, съ ихъ удивительнымъ общественнымъ строемъ, съ ихъ добродѣтелями и обычаями, которые все болѣе и болѣе расходятся съ нашими, по мѣрѣ движенія нашей цивилизаціи, -- тѣмъ въ большій я прихожу ужасъ; и только молю Творца, чтобы прошли еще многіе вѣка, прежде чѣмъ, эти будущіе истребители нашего племени -- появятся на поверхности земли.

Мой докторъ какъ то откровенно высказалъ мнѣ, что я подверженъ неизлѣчимой болѣзни сердца, отъ которой, безъ всякихъ предварительныхъ страданій, я могу неожиданно умереть; поэтому я считалъ своимъ долгомъ оставить моимъ ближнимъ это письменное предостереженіе -- о "Грядущей расѣ".

КОНЕЦЪ.